

Киевский эколого-культурный центр

СЕРИЯ* природоохранная * ВЫПУСК 12
пропаганда Киев-1999

Центр охраны дикой природы

В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко

Экологические традиции,

**поверья, религиозные воззрения
славянских и других народов**

Издание второе, переработанное и дополненное

Том. 2. Птицы

ББК 74.200.51
БЗЗ

**БОРЕЙКО Владимир Евгеньевич,
ГРИЩЕНКО Виталий Николаевич**
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ,
ПОВЕРЬЯ, РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗ-
ЗРЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ
НАРОДОВ (*Издание второе, перерабо-
танное и дополненное*). Том 2. Птицы

Серия: природоохранная пропаганда.
Вып. 12. — 1999, 172 с.

Киевский эколого-культурный центр, Киев.
Центр охраны дикой природы, Москва.

В книге рассказывается об экологическом фольклоре и традициях, посвященных птицам.

**Издание осуществлено при поддержке
фонда МакАртуров**

Компьютерное макетирование —
В.Н. Грищенко, Е.Д. Яблоновская-
Грищенко.

ISBN 966-95302-5-3

© Борейко В.Е., Грищенко В.Н., 1999

Оглавление

Глава I

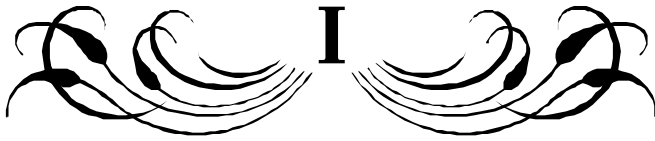
Птицы и человек	4
Посланцы неба	4
Весна прилетает на крыльях	25
Избавители от напасти	42

Глава II

Пернатые обитатели мифов и легенд	51
Страж и благодетель	51
Гуси-лебеди летели	74
Гербовые птицы	82
Журавлиный ключ вечности	99
Вещая птица	105
Властители ночи	110
Небесный колокольчик	115
Ласточка с весною в сени к нам летит	118
Певец любви, певец печали	126
Птица ты иль дух зловещий?	129
Всякая птица – безгрешна	139

Глава III

Традиции и птицы	155
Литература	162

Птицы и человек

Посланцы неба

Рожденный ползать летать не может. Ему дано лишь с завистью взирать на крылатые существа и мечтать о полете. Птицы всегда пользовались повышенным вниманием человека. И не только в качестве охотничьей добычи. Им доступно было небо. А в небесах жили боги. Недаром с древнейших времен у самых разных народов птицы были посредниками между небом и землей, посланцами и выразителями воли богов, переносчиками душ, пророками, предвестниками и т. д. Ни одной из групп животных не уделялось столько внимания в мифах, сказках, поверьях и песнях. Показательно, что они в этом отношении далеко превосходят, например, млекопитающих, хотя те стоят гораздо ближе к человеку. В мифологии различных народов мира часто приобретают облик птиц не только боги и их подручные, но также и небесные светила, природные стихии, облака и т. п. Так, в индийской “Ригведе” солнце названо птицей. В Египте и Ассири-Вавилонии его изображали в виде диска с крыльями. Это отголосок того времени, когда само солнце представлялось

птицей (Штернберг, 1936). Наши предки внимательно приглядывались к полету птиц и прислушивались к их голосам. Все это истолковывалось, служило предвестием хороших или плохих событий. Сову мы знаем как символ мудрости. Но не только она наделялась сверхъестественными знаниями. В “Ригведе” кукушка названа птицей, которая знает все, что происходит и все, что будет.

Как считал Л.Я. Штернберг (1936), примитивный человек смотрел на свою жизнь как на симбиоз с окружающими животными. Они были для него такими же соседями, как и другие племена. Более того, в животном мире человек находил не только проявление общих свойств с человеческими, но и признаки превосходства. Птицы, например, в отличие от людей могли летать; волки, львы, тигры были сильными и искусными охотниками. Так зародилось обожествление.

Птицы выступают непременным элементом самых различных религиозно-мифологических систем с древнейших времен. Первые изображения птиц сакрального характера относятся еще к верхнему палеолиту (Мифы народов мира, 1980–1982). В 1968 г. французские археологи нашли на Мадагаскаре остатки эпиорниса (впоследствии истребленного человеком), на длинной кости ноги которого было бронзовое кольцо с оттиском печати, принадлежавшей индийской цивилизации Мохенджо-Даро. Радиоуглеродный анализ костей подтвердил время изготовления кольца — 5 тыс. лет до н. э. Наиболее древние египетские иероглифы (IV тыс. до н. э.) включали нескольких птиц — ласточку, сову, чибиса, перепела, ибиса, сокола (Каприелов, 1980).

С птицами у человека вообще связано очень много доброго. Они — воплощение божественной сущности, верха, неба, солнца, ветра, облака, духов неба, грома, свободы, роста, плодородия, изобилия, души, дитяти, пророчества, вдохновения, жизни. Римляне ворожили по полету птиц. С птицами связано много примет, верований, обычаев, в которых отобразено давнее миропонимание людей. Так, кукушка — символ времени, соловей — радости, аист — счастья, ласточка — домовитости, орел — власти, сокол — благородства. Сорока, ворона, сыч — вестники. Многие названия птиц, богатые и разнообраз-

ные, характеризуют повадки, голос, окраску пернатых. Своими корнями они уходят в далекое прошлое, в историю народа, его языка. Относительно символизации птиц, писал Н. Костомаров (1843), следует *“принять во внимание: 1) физические их качества с применением к подобным чертам народного характера; 2) птицеволхование, бывшее у славян [и не только у славян — В.Б., В.Г.] одним из мифологических догматов. Оно проявляется в народной поэзии в двух формах: спрашивают у птиц о будущем, или — что делает отсутствующий, и пересылают посредством птиц вести к родным и друзьям; 3) мифологическое сказание о птицах”*.

Исследователь русских суеверий барон Д.О. Шеппинг (1895) писал: *“чистыми, светлыми, небесными считаются все певчие породы птиц, предвестники эпохи возрождения природы, расцвета сил, возбудители страстных порывов у животных и поэтических мечтаний у человека”*.

Пожалуй, самой древней формой почитания птиц был тотемизм. Это вера в родство определенной группы людей с тем или иным видом животных, растений или даже классом предметов или явлений неживой природы (гром, ветер, камни и т. п.). Как считают многие ученые, в первоначальной своей форме тотемизм даже не был религией. Он стал ею лишь тогда, когда на первичное ядро наслоились новые моменты. Поздний тотемизм включал в себя уже веру в тотемических предков (Семенов, 1966). Наиболее распространенным был тотемизм родов или кланов. Позже появились и другие его формы — индивидуальный, половой, локальный и т. п. Личные тотемы давались не всем, а лишь мужчинам, иногда только вождям или колдунам, нередко в дополнение к групповому тотему. Личный тотем человек получал либо во сне, либо путем гадания (Соколова, 1972). По мнению Л.Я. Штернберга (1936), тотемизм появляется еще в то время, когда человек не выделяет себя из окружающей природы. В животных он видит существа, равные ему не только в физическом, но также духовном и социальном отношении.

Тотемами были очень многие виды птиц. Индейское племя тлинкитов разделялось на две фратрии: Волка и Ворона. В состав их входило по несколько родов со своими тотемами —

орел, ворон, гусь, филин и др. (Мифы народов мира, 1980–1982). У австралийцев фратриальные объединения назывались по своим тотемам — Белый какаду, Черный какаду, Клинохвостый орел, Ворон, Эму и др. Нарымские и тазовские селькупы подразделялись на группы, которые вели свое происхождение от различных птиц или рыб: орлиные люди, окуньи люди и т. п. Эти подразделения делились на более мелкие группы со своими тотемами. У делаваров родоначальником был орел, у бороро — попугай араара. У некоторых австралийских племен существовал половой тотемизм. Например, у мужчин племени курнаи тотемом был крапивник, у женщин — варакушка (Соколова, 1972). У дравидов тотемной птицей был воробей, у италийцев — дятел. В Древнем Китае династия Инь почитала в качестве тотема ласточку. Учеными высказывалось предположение о тотемическом происхождении образа голубя в древнееврейской традиции, развитием которой, видимо, является христианская тема голубя (Мифы народов мира, 1980–1982). В Средней Азии и Казахстане сохранились пережитки тотемического почитания хищных птиц, прежде всего орлов и соколов (Симаков, 1998). Родовыми знаками тюркогузов были хищные птицы — кречет, балобан, шахин, тетеревиатник и др. Сокол был изображен на щите Аттилы (Наріжний, 1997).

В саге об Эмезе, матери Альмоса, легендарного родоначальника венгерских вождей Арпадов, говорится, что отцом Альмоса был кречет. При встрече с Эмезе он предсказал ее потомкам блестящую судьбу. Поэтому Арпадская династия вела свое происхождение от рода Турул. А это — название алтайского кречета. Тюркские названия соколов вообще часто использовались в качестве личных имен выдающихся людей, особенно военных вождей (Дементьев, 1951).

Отношение к тотему было особое, хотя и не одинаковое у разных народов. Весьма распространенным был запрет добычи и употребления в пищу тотемного животного. Это считалось равносильным каннибализму. Австралийцы называли свое тотемное животное отцом, братом, другом. Интересный диалог приводит исследователь селькупов Г.Н. Прокофьев. Он спросил одного из охотников, почему тот не истребляет кед-

ровку, ведь поедая орехи кедра, она приносит ущерб промыслу белки. Ответ был таков: *“Как его будешь убивать, ведь это брат мой”* (цит. по: Соколова, 1972). А. Золотарев писал: *“Люди одного из киргизских племен считают себя происходящими от филина. Поэтому они всегда выкупают пойманного филина и выпускают на волю, а если видят, что кто-то мучает птицу, вступают в драку со словами: зачем мучаешь моего отца?”* (Золотарев, 1934). У киргизов есть поверье, что Аллах создал человека из глины, а из оставшейся ее части сделал сокола (Симаков, 1998). Здесь, как видим, сокол приравнивается к человеку. Якут не жалел последней скотины, чтобы накормить прилетевшего к дому орла (Ионов, 1913).

Запрет на добычу тотемических животных не был полным и повсеместным, особенно, если это касалось промысловых видов. Существовало множество компромиссных вариантов, иногда ограничения были чисто символическими: запрещалось есть определенные части тела тотема, добывать животных определенного пола, наконец можно было добывать тотемное животное на охоте, но нельзя употреблять в пищу. Бывало и наоборот: у некоторых племен считалось, что на тотемное животное даже легче охотиться (Семенов, 1966; Соколова, 1972).

Наши предки верили, что тотем охраняет своих почитателей. Различные части тела тотемного животного или изображения его служили амулетами-оберегами. Впоследствии такие изображения стали появляться на жилищах, одежде, предметах быта, оружии. Декоративное значение появилось у них уже позже. Считалось, что изображение тотема равно ему самому, поскольку в него вселяется душа животного. Эскимосы Берингова пролива, отправляясь на охоту, брали изображения или части тела своих тотемов, например, лапки птиц (Штернберг, 1936; Соколова, 1972). Следы этих обычаев можно найти в сказках и легендах. Часто волшебными предметами, помогающими герою, являются части тела животных. Вспомните хотя бы перо жар-птицы. Существовало и ритуальное поедание мяса тотема. Отсюда берут начало религиозные обряды причастия.

Интересно, что в римской армии знак с изображением орла рассматривался как божество легиона. Он хранился в особом

ковчеге, ему поклонялись. При закладке нового лагеря помещали прежде всего орла легиона и начинали возведение построек вокруг него. В лагере он имел свой собственный храм. Для римских солдат знак легиона был дороже собственной жизни. В неудачной для римлян битве у Тразименского озера умирающий “орлоносец” последние свои силы пустил на то, чтобы зарыть знак мечом в землю (Gattiker, Gattiker, 1989). Не правда ли, это что-то напоминает? Именно отсюда берут начало представления о священности воинского знамени. Во время войны часть, утратившая знамя, расформировывалась, а виновные в этом отдавались под трибунал. В карауле пост у знамени — это пост № 1.

Если тотемное животное находили мертвым, его хоронили как члена данной группы людей. Так, якут, увидев мертвого орла, должен был положить его в специально устроенный на дереве лабаз, хотя так, обычно, хоронили только людей (Соколова, 1972). В Средней Азии так же хоронили беркутов. На южном берегу Иссык-Куля птицу даже заворачивали в саван, а после похорон плакали и причитали по ней (Симаков, 1998).

У многих народов был распространен культ личных духов-покровителей (так называемый нагуализм). Нередко такими покровителями (нагуалями) были птицы — орел, лебедь и др. Эти обычаи хорошо изучены на примере американских индейцев. Для получения духов-покровителей существовали специальные обряды, нередко сопровождавшиеся испытаниями и даже истязаниями. Считалось, что сама жизнь “подопечного” человека зависит от жизни конкретного животного-нагуаля, поэтому нужно было всячески оберегать его (Соколова, 1972; Фрэзер, 1980). Казахи полагали, что одним из наиболее сильных духов-покровителей был беркут (Симаков, 1998).

Предание гласит, что в первых битвах с испанцами на плоскогорье Кветцальтенанго вожди индейцев принимали участие в виде нагуалей. Особенно выделялся нагуаль верховного вождя — огромная птица с великолепным зеленым оперением. Эту птицу поразил копьём испанский полководец, после чего за-мертво упал сам вождь (Фрэзер, 1980).

Австралийским аборигенам, в отличие от индейцев, не была известна конкретная особь животного, с которым связана их

жизнь. Они знали только вид, поэтому оберегали всех его представителей. Например, члены племени вотьобалук в Юго-Восточной Австралии полагали, что жизнь мужчины заключена в летучей мыши, а женщины — в козодое. Убийство каждого из этих животных сокращало жизнь кому-либо из мужчин или женщин. Поговорка вотьобалук гласит, что летучая мышь является “братом” мужчины, а козодой — его “женой”. Если мужчине случалось убить козодоя, женщины приходили в такую ярость, будто речь шла об их собственном ребенке, и избивали обидчика палками (Фрэзер, 1980).

Особенно развиты подобные культы в шаманизме. Шаману помогал дух-покровитель. Помимо него были духи-помощники, чаще всего в облике птиц. В шаманских песнопениях они часто именуется его “свитой”, “силой” или “войском” (Мифы народов мира, 1980–1982). Такими покровителями и помощниками шаманов были орлы, гагары, гуси, чайки и другие птицы и звери. Шаман при камлании весьма искусно подражал их голосу и повадкам, “превращаясь” в птицу. Он обращался к духу-покровителю за помощью. Так, у узбекского шамана помощниками и покровителями были беркут, степной орел, сизоворонка и ворона. Ритуальная одежда включала крылья, перья, когти или другие части тела птиц. Например, у шамана качинских татар на спине были пришиты крылья степного орла. У карагасов шаманский колпак украшался перьями священных птиц — орла, филина и кукушки (Симаков, 1998). Интересно, что в языке нивхов орел носит такое же название, что и шаман — “чам” (Пропп, 1986). По представлениям якутов, родоначальником и творцом шаманов был орел. Он съедает душу ребенка, которому предназначено быть шаманом, и уносит ее в поле “с солнцем и месяцем”. На специально выращенной священной березе высиживает яйцо, затем пробивает его и спускает родившегося ребенка в железную колыбель у основания дерева. Такой ребенок и становится шаманом (Ионов, 1913). У других сибирских народов покровителем и первоучителем шаманов также является орел (Штернберг, 1936).

У казахов при трудных родах шаман приносил филина или беркута, чтобы они отгоняли злых духов. При этом филина

заставляли кричать, в убеждении, что его голос прогоняет нечистую силу, а беркута сажали на родильницу. Во многих случаях чисто шаманскую функцию изгнания злых духов, овладевших больным или трудно рожаящей женщиной, выполняли сами ловчие хищные птицы (орлы, сокола, ястреба), люди, с ними связанные или даже принадлежащие им предметы (Симаков, 1998).

Как пишет З.П. Соколова (1972), только на очень поздних стадиях развития общества душа человека стала представляться как невидимый дух. Даже у цивилизованных народов древности она мыслилась в облике птицы или другого животного. Птица для этого подходила идеально, как “небожитель”, поэтому чаще всего в мифологии различных народов мира мы сталкиваемся именно с “пернатым” обликом души. Отголоски этого сохранились до сих пор — душа, покидающая тело в виде голубя и т. п. А.Ф. Лосев (1957) считал, что представление о душе как о птице — типично для древности. Интересно, что в Египте иероглифом, обозначавшим душу, была птица с человеческой головой. В персидском языке слово “murgh” обозначало одновременно и птицу, и душу (Gattiker, Gattiker, 1989).

По данным В.Я. Проппа (1986), в мифологии многих народов мира были представления о том, что птицы являются душами умерших или переносят души в потусторонний мир. “Транспортные функции” выполняли самые различные виды. У индейцев квакиютль это был ворон (Соколова, 1972). В Океании — птица-носорог, в Австралии — ворона. На Таити и Тонга верили, что птица подстерегает душу умершего и проглатывает ее (Пропп, 1986). Атапаски считали, что души умерших с помощью духов выдры и гагары, которым их вверяли родные, попадали в загробный мир и продолжали там жизнь (Соколова, 1972). В Древней Индии верили, что души умерших предков могут возвращаться на землю в день чувствования их памяти в виде коршунов и других хищных птиц. В поэме о Гильгамеше Эабани снится, что его зовут в преисподнюю, где люди как птицы носят одежду из перьев. Как видим, еще в Вавилоне умершие представлялись в виде птицеподобных существ. Подобные воззрения были и в Греции. В Риме, когда

умирал император, выпускали орла, чтобы он уносил душу властителя к небу (Пропп, 1986). Египтяне считали, что душа умершего вылетает из тела в виде птицы (Соколова, 1972). По представлениям японцев, когда душа уходит из тела, можно услышать даже характерный шум, как от порхающей птицы. Доисламские бедуины верили, что после смерти тела душа продолжает свое существование в облике птицы. Среди словен в австрийской земле Штирии распространено поверье, что души детей, умерших не крещенными, летают по вечерам со стонами и плачем в виде черных птиц. По французским и португальским народным преданиям, души погибших моряков превращаются в морских птиц (Gattiker, Gattiker, 1989). Подобные поверья широко распространены среди моряков разных национальностей и сейчас. Считается недопустимым убить такую птицу: можно накликать беду. Были даже случаи забастовок из-за гибели альбатросов на судах (Соколова, 1972). Австралийские аборигены из племени арунта считали, что дух убитого противника преследует своих обидчиков в виде маленькой птички, издающей жалобный крик (Фрэзер, 1989). Хорошо известно также распространенное у многих мусульманских народов поверье, что в белых аистов превращаются души правверных, не совершивших предписанного Кораном паломничества в Мекку. По турецким народным верованиям, душа превращается в птицу или насекомое. Про умерших говорили, что они “улетели”. У западных турок еще долго после принятия ислама в смысле “умер” употреблялось выражение “стал соколом” (Бартольд, 1967, цит. по: Симаков, 1998). У современных тюркоязычных народов, в частности у туркмен, вместо слова “умер” употребляется слово “улетел” (Биялиев, 1966, цит. по: Симаков, 1998). По мнению Г.Н. Симакова (1998), ловчая птица у народов Средней Азии отождествлялась с душой ее хозяина.

У разных народов души представлялись в виде различных птиц. У гурунов это были голуби, у бороро — попугаи араара, у алтайцев — петухи, у якутов — жаворонки. Нередко души разных категорий соплеменников или богов имели различный облик. У тлинкитов морские утки — это души утонувших детей, совы — новорожденных, задушенных матерью. Душа еги-

петского бога Осириса имела вид коршуна (Соколова, 1972). Пифагор считал, что умершие поэты превращаются в белых аистов (Hornberger, 1967). В христианстве душа праведника покидает тело в виде белой птицы, преступника — черной. По верованиям сванов, душа мужчины и женщины после смерти переселяется соответственно в петуха или курицу. Был интересный обычай поисков души убитого по законам кровной мести: на месте убийства носили петуха или курицу (в зависимости от пола убитого). Когда птица кричала, считалось, что душа найдена. В случае похорон умершего вдали от родного селения также совершался особый обряд: петуха сажали в ямку рядом с могилой покойного, а в родном селении затем устраивали оплакивание и поминки над петухом (Соколова, 1972).

Интересные представления о душе у обских угров описывает З.П. Соколова (1972). По их верованиям, у человека есть несколько душ. Одна из них, “уходящая вниз по реке душа”, имеет вид птицы или комара. Из птиц это чаще всего кукушка. Когда человек слышал кукование в лесу, он обращался к птице: “Если ты моя душа, замолчи!” Если кукушка замолкала, значит это и была душа говорившего. В таком случае он вскоре должен умереть, поскольку душа покидает тело примерно за год до смерти. Чтобы удержать душу в теле, на плече или руке делали татуировку в виде птицы. Считалось, что “когда душа будет товарища иметь, то больше на месте сидеть станет”. Другая, так называемая “сонная душа”, прилетала к человеку только во время сна. Она представлялась в виде глухарки (“птицы сна”). Ее изображали на спинке детской люльки, чтобы она охраняла сон ребенка. Охотиться на этих птиц было опасно, можно ведь подстрелить свою душу.

Нередко душа представлялась птицей, готовой улететь. Малайцы пользовались рисом как приманкой, чтобы помешать этому или возвратит душу из опасного полета. На острове Ява специальные меры предосторожности принимались, когда ребенка первый раз ставили на землю. Этот момент казался особенно опасным. Ребенка помещали в клетку для кур, а мать кудатаньем начинала созывать цыплят. На Борнео при падении человека с дерева на месте происшествия сразу же разбра-

сывали рис и призывали кудахтаньем душу, которую затем относили в корзинке с рисом к пострадавшему (Фрэзер, 1980).

У первобытных племен еще не было четкого представления о физиологической причине рождения ребенка. Оно представлялось им как вселение в женщину существа из внешнего мира (Соколова, 1972). Даже в древнегреческих космогонических мифах богиня, снесшая мировое яйцо, оплодотворяется ветром (Грейвс, 1992). До сих пор сибирские шаманы проводят обряды для вселения души ребенка в бездетную женщину (Жуковская, 1998). Естественно, при этом опять фигурируют птицы. В Турции распространено поверье, что при оплодотворении женщины появляется птица, которая при рождении ребенка улетает (Gattiker, Gattiker, 1989). Семанги о беременной женщине говорили: “Она съела птицу” (Соколова, 1972).

Психология первобытного человека допускала возможность брачных союзов между животными и людьми или духами и людьми. Считалось, что потомство от такого союза будет сверхъестественным. У различных народов существуют многочисленные мифы о рождении женщиной ребенка от животного. Якуты вели свое происхождение от девицы-лебедя.

Представления о возможности перехода душ умерших в животных способствовали возникновению культа зооморфных предков. Позднее животные предки стали осознаваться как предки-богатыри, но они еще долго сохраняли черты животных, могли превращаться в них. Манси на Сосьве и Ляпине почитали таких богатырей в облике птиц и зверей. В разных селениях это были орел, ястреб, крохаль, гагара, чайка, собо́ль и др. Их изображения хранились в особых священных местах, им приносились жертвы (Соколова, 1972).

Суеверный страх перед покойниками и их душами привел к возникновению многочисленных обычаев умиловления их. Один из наиболее верных способов задобрить умерших — накормить их души. У обских угров куски жертвенной пищи оставляли для душ-птиц. Индейцы бороро любили держать возле дома попугаев ара́ра, в которых, как считалось, воплощались души умерших: покойные родственники находились рядом и не голодали. Вообще почитание животных, в которых воплощались предки или их души, включало в себя кормле-

ние их. В Средней Азии существовал обычай сыпать зерно на могилах (Соколова, 1972).

С развитием племенной организации формируются и культы племенных богов, в мифологии появляются культурные герои. У многих народов они связаны с тотемическими предками и имеют облик или черты животных. Так, у индейцев квакиютль бывший тотем одной из фратрий — ворон — становится Великим Вороном. Мифы рассказывают, что он подарил людям солнце, научил разным полезным вещам. Бывший тотемический предок выступает в качестве культурного героя у глинокитов. Это ворон Эль. С его именем связаны мифы о мироздании и начале культуры у этого племени (Соколова, 1972). По легендам эскимосов Аляски, ворон сделал из глины первую женщину, предназначив ее в товарищи первому мужчине. Он прикрепил ей на затылке волосы из морской травы, ударил крыльями над фигурой, и она поднялась на ноги (Фрэнгер, 1989). В мифах народов Индонезии верховный бог часто принимает облик птицы-носорога (Мифы народов мира, 1980–1982).

В некоторых случаях образы культурных героев только складываются — это еще животные, но действуют они как люди. Чаще всего такой герой мифа похищает огонь у хранивших его духов и отдает людям. У квакиютль ворон Иелх достал огонь на одном из островов, хотя и обжегся при этом. Унутка — дятел украл огонь у волков, которые охраняли его, добывая трением. На Таити огонь добывает цапля, у чукчей и камчадалов — ворон (Соколова, 1972). В финской мифологии огонь приносит в благодарность людям орел (Штернберг, 1936). По мифам одного из австралийских племен обладателем огня в древности был зверек бандикут, тщательно скрывавший его от всех и никогда не расстававшийся с тлеющей головешкой. Другие животные решили отнять огонь. Это сумел сделать голубь, неожиданно бросившийся на бандикута. Но тот успел бросить головешку в реку, чтобы огонь не достал похитителям. Головешку подхватил сокол и отбросил ее на берег. По преданиям другого племени, огонь хранила водяная крыса. Сокол сумел подхватить взлетевшую в воздух иску и сжег хижину крысы (Мифы народов мира, 1980–1982).

По немецкой легенде, зарянка перелетела через море, чтобы принести на остров неизвестный еще людям огонь. При этом птица опалила себе перья, и ее грудь так и осталась красной (Wassmann, 1992). Похищение или овладение огнем приписывается различным животным, но чаще всего это птицы. Одним из главных подвигов орла как культурного героя в мифологиях Евразии и Северной Америки является похищение им света или помощь в добывании огня. В мифе индейцев йокутов и моно он помогает койоту высоко поднять украденное тем солнце и повесить его на востоке (Мифы народов мира, 1980–1982).

В преданиях народов Южного Вьетнама фигурирует культурный герой — птица Бёрлинг. Иногда она представляется в виде певчего дрозда, иногда в виде чибиса. Во время потопа Бёрлинг уговорила воды отступить. Затем она сбросила в море гору, к которой пристал барабан. В нем были спасшиеся брат и сестра, предки народов. Бёрлинг посоветовала им вступить в брак. Бёрлинг считают также птицей-судьей, поскольку ей приписывается создание норм общественной жизни, брачных правил. От нее исходит вдохновение колдунам-предсказателям (Мифы народов мира, 1980–1982). По преданиям даяков с о. Борнео первый человек был сделан двумя большими птицами (Фрэзер, 1989).

В древности птиц не просто почитали, многим из них поклонялись как божествам. Такое поклонение животным называется зоолатрией. Наибольшего развития достигла она в Древнем Египте, несмотря на высокий уровень цивилизации. Многие ученые считают, что культ животных у египтян развился на тотемической основе. Первоначально свои зооморфные божества были во всех территориальных единицах — номах, что возникло, в свою очередь, на основе локального тотемизма (Соколова, 1972). Многие египетские боги имели черты птиц. Гор — сокола, Тот — ибиса, Мут — коршуна, Исида — голубя. Сокол с распростертыми крыльями был символом неба, считался олицетворением фараона. Убийство сокола и ибиса каралось смертью (Мифы народов мира, 1980–1982). В Египте вообще каждый дом имел свое почитаемое животное, которое содержалось как божество дома. После смерти его мумифицировали и хоронили наряду с членами семьи. Убийство

такого священного животного было тягчайшим преступлением. В Сахаре в пирамидах обнаружены тысячи забальзамированных ибисов (Gattiker, Gattiker, 1989).

У других народов происхождение многих богов и царей также было связано с птицами. Сирийская богиня Ма упала с неба в яйцо, которое высидела голубка. Согласно ассирийскому сказанию, оставленную в горах царицу Семирамиду вскормили голуби. После смерти она превратилась в голубку (Соколова, 1972; Мифы народов мира, 1980–1982).

Зооморфные боги постепенно приобретают все более человеческий облик, но еще долго могут превращаться в животных. Так, Зевс мог превращаться в быка, орла, лебедя, голубя, Один — в орла, Амон — в голубя. Вишну часто принимает образ сокола, ястреба. Некоторые божества сохраняли черты животных. Так, вавилонские Ашшур и Нергал имели крылья, ацтекский Кецалькоатль представлялся в виде человека с птичьим лицом, красным клювом и гребнем на голове. Бог войны Уитцилопочтли, происходящий от колибри, изображался в виде человека с зелеными перьями на голове. Черты птиц прослеживаются даже в образе некоторых христианских святых. Например, святой Иоанн нередко изображался в виде орла (Соколова, 1972).

Когда боги окончательно теряли облик животных, те нередко становились их атрибутами. Так, орел был птицей Зевса и постоянно находился около него на Олимпе. По мнению Л.Я. Штернберга (1936) и А.Ф. Лосева (1957), сам Зевс был некогда этим орлом и лишь на более поздних стадиях развития религии птица стала его атрибутом. Орлом первоначально был и скандинавский Один. В Ведах орел — это само солнце. Позже под именем Гаруды он становится колесницей бога солнца Вишну. Орел в то же время и Агни — бог огня. В облике этой птицы Индра похищает напиток бессмертия — Сому (Штернберг, 1936).

В Греции почти всем божествам пантеона были посвящены те или иные птицы: Аполлону — лебеди, Афродите — лебеди, воробьи, Афине и Гермесу — петухи. В Риме Юноне посвящались гуси, Марсу — петухи, дятлы. Такие посвященные животные содержались при храмах (Соколова, 1972).

В античном мире была целая наука гадания при помощи птиц. Определенным образом истолковывалось не только появление тех или иных видов, но и особенности полета, поведения, голоса и т. д. Такие гадания по наблюдениям за птицами назывались ауспигиями (от латинских слов *avis* — птица и *spicio* — смотрю, наблюдаю). Наибольшим вниманием пользовались, естественно, крупные хорошо заметные виды — хищники, совы, врановые, а также голуби, ласточки, домашние куры. Наблюдением за птицами и истолкованием полученных знамений занимались авгуры. К их словам прислушивались не только простые люди, но и цари. авгуры в античном мире пользовались не меньшим влиянием, чем астрологи в средневековье. В Афинах их привлекали на все общественные советы. В Спарте они были царскими советниками. В Риме авгуры могли влиять на законодательство.

Деятельность греческих авгуров заключалась в наблюдении за дикими птицами. Их случайное появление и было знаком-предзнаменованием. Во время таких наблюдений авгуры одевали белые одежды, на голове носили золотую корону. С собой авгур имел специальную дощечку, куда записывал названия появившихся птиц, особенности полета и другие сопутствующие обстоятельства. На своем наблюдательном посту он стоял лицом на север. Считалось, что только появляющиеся с востока, “по солнцу”, птицы приносили счастье. Со стороны заката же они предвещали беду. Особенно хорошим предзнаменованием было появление большой стаи птиц.

Следы этих верований можно найти во многих древних мифах, преданиях, песнях. Геракл обращается к Зевсу с мольбой даровать саламинскому царю Теламиду доблестного сына. Зевс в знак согласия посылает в виде знамения орла (Мифы народов мира, 1980–1982). Во время Троянской войны Одиссей и Диомед истолковали появившуюся справа от себя цаплю как благоприятный знак, полученный от Афины, и напали на троянцев (Грейвс, 1992).

В Древнем Риме авгуры составляли одну из древнейших жреческих коллегий. По преданию, ее основал сам Ромул. Римские авгуры по полету птиц изучали волю богов. Для этого жезлом очерчивался участок земли. Авгур находился внутри и

после молитвы ожидал появления знака со стороны богов. Для его истолкования имели значение характер, высота и направление полета птицы, голос, поведение, количество особей. Некоторые виды птиц имели значение только для определенных людей. Например, голуби для королей, лебеди — для моряков и т. п. Часто для гадания использовался дятел — священная птица бога Марса. Пролетавшая на юг или север “благородная” белая цапля была хорошим предзнаменованием. Это означало, что все опасности и страхи миновали. Появление орла во время битвы предвещало победу, особенно если он летел справа. Коршун, наоборот, предвещал поражение. Вестницей неудач и несчастий была также ласточка, несмотря на то, что практически повсеместно в мифологии ее образ имеет положительную окраску. Ласточки “предсказали” поражение Дарию в его походе против скифов. Особенно плохим предзнаменованием было появление ласточек перед битвой. Предание гласит, что царь Сирии Антиох погиб в бою потому, что ласточка свила гнездо в его походном шатре. В той или иной форме прорицания при помощи птиц были у древних германцев, славян, кельтов и многих других народов. Пережитки этого сохранялись еще в средние века, а в новое время подобные гадания отмечены в Африке и Австралии (Gattiker, Gattiker, 1989). У некоторых народов Юго-Восточной Азии предсказывали будущее по полету дроздов или чибисов (Мифы народов мира, 1980–1982). Восточные славяне ворожили весной, наблюдая за перелетными птицами: откуда они впервые летят, высоко или низко, где сели, в какой именно день увидели их первый раз, при какой погоде и т. п. (Килимник, 1994). Сейчас это все сохраняется в фольклоре в виде “несерьезных” примет, но раньше к ним относились совсем по другому.

В Древнем Риме войско не могло пойти в бой, не поинтересовавшись предварительным расположением богов. Для этого специально содержали священных кур. Отказ их от предложенной пищи был дурным предзнаменованием. В качестве птицы-оракула использовался также петух. Его крик служил хорошим предзнаменованием. Для определения судьбы предстоящего сражения могли устраиваться поединки петухов (Gattiker, Gattiker, 1989).

Вера в подобного рода божественные знамения сохранялась довольно долго. Во время Крымской войны действующую армию посетил недавно взошедший на престол Александр II. После молебна в Бахчисарайской церкви царь уже приближался к приготовленной для него резиденции, когда над ним пролетело несколько орлов. Войска сочли это добрым предзнаменованием (Макин, 1999). Поединки петухов с целью предсказания боевых успехов устраивались еще в XIX веке. В Швейцарии девушки до сих пор гадают по крику петухов, с какой стороны придет суженый. В Тюрингии (Германия) в рождественскую или новогоднюю ночь для гадания девушка идет к курятнику и трижды стучит в дверь. Если первым отзовется петух, значит в следующем году она пойдет под венец, если курица — останется пока незамужней (Gattiker, Gattiker, 1989).

Отголоски древних ауспий и подобных гаданий у других народов видим во многочисленных поверьях, связанных с птицами. В Арденнах тот, кто поднимаясь увидит летящих воробьев, воронов, сорок или канюков, может на протяжении дня увидеть исполненным любое свое желание. У французов нечетное количество птиц предвещает неприятности. Так, два ворона или две сороки приносят счастье, но от встреченных их поодиночке ничего хорошего ждать не приходится. Другое французское поверье — если составляя какой-либо план увидишь пару пролетевших птиц, можешь ожидать его воплощения в жизнь. Одиночно пролетевшая птица, наоборот, предвещает неудачу (Gattiker, Gattiker, 1989). Если девушка весной увидит первый раз пару аистов (журавлей, ласточек, жаворонков и др.) — выйдет в этом году замуж, если же одну птицу — придется еще подождать. Очень много подобных поверий связано с конкретными видами птиц, о чем будет говориться в других главах этой книги.

Широко распространено представление, что предзнаменования судьбы вообще путешествуют в виде птиц. Интересно, что в шумерском языке слово “судьба” писалось знаком ласточки (Дьяконов, 1977). Отсюда птицы-предвестники смерти и т. п. Но птицы не обязательно предсказывают смерть или несчастье, часто просто что-то необычное. В Германии гово-

рят: “Это мне птица пропела”, если человек удивляется чему-то неожиданному (Gattiker, Gattiker, 1989).

Существенное место птицы занимают в космогонических мифах. В мифах о мировом древе они поселяются в его верхней части, в кроне. Часто две птицы симметрично или одна на вершине, нередко такой птицей вершины является орел (Мифы народов мира, 1980–1982). В украинских древнейших колядках о сотворении мира упоминается и прадерево, на котором зародилась жизнь. На нем поселились птицы — голубь, сокол, кукушка и ласточка (Скуратівський, 1998). По представлениям селькупов, землю, небо и подземный мир соединяет “древо неба”. На его верхних ветвях сидят кукушки — священные птицы, покровительницы рождения (Мифы народов мира, 1980–1982).

Часто птицы выступают непосредственными помощниками при сотворении мира. Интересно, что при этом важным свойством их оказался не только полет, но и способность глубоко нырять. У многих народов Сибири и Северной Америки весьма распространены мифы о том, что земля сотворена из ила или грязи, которую птица (гагара, утка, и др.) достала со дна мирового океана.

По космогоническому мифу обских угров, земля появилась среди первичного океана из ила, который принесла в клюве трижды нырявшая на дно гагара. В кетской мифологии первый великий шаман Дох сотворил мир (остров в мировом океане) при помощи гагары, которая нырнула на дно и достала тину. У саяно-алтайских тюркоязычных народов в космогоническом мифе фигурируют утки. По одному из вариантов, в первичном море плавали две утки. Одна из них решила создать землю из ила. Вторая нырнула и принесла его со дна в клюве. Из разбросанного птицами ила появилась земля, из камешков — горы. По мифологии коми, два бога-творца Ен и Омоль вылупились из двух яиц, снесенных уткой в первичном океане. По другому варианту мифа — они плавали по океану в облике лебеда и гагары. Гагара приносит со дна ил и они создают землю. Подобные мифы о есть у самодийцев, эвенков, американских индейцев и многих других народов (Мифы народов мира, 1980–1982). По славянским апокрифическим ми-

фам, песок и кремь со дна моря достал Сатанаил в облике гоголя. Из песка Бог создал землю, а расколов кремь — правое и неправое, добро и зло (Федосеенко, 1998).

По мифам айнов, первоначально земля не была отделена от суши, мир представлял собой огромное болото. Тогда бог Пасе камуй призвал на помощь трясогузку (она была тотемом айнов). Птица стала бить крыльями по воде, месить лапками, бить хвостом. В результате этих усилий вода превратилась в океан, а на нем появились участки суши. По другой версии мифа, Пасе камуй сам создал мир при помощи каменных инструментов, а трясогузка потом разровняла землю (Мифы народов мира, 1980–1982).

Космогонические мифы чеченцев и ингушей связывают появление жизни на земле с огромной белой птицей, спустившейся однажды на землю. После того как она улетела, на плоской, безводной и безжизненной тверди из оставшихся экскрементов возникли вода и семена растений (Мифы народов мира, 1980–1982).

Птица, посланец неба, рождается из яйца, поэтому птичье яйцо само по себе становится важным символом, связанным с зарождением и возрождением жизни, плодородием и т. п. Весьма распространенный мифопоэтический символ — мировое яйцо (“яйце-райце” в украинском фольклоре). Из него возникает вселенная, творческая сила, люди и т. п. По древнегреческим мифам, мир возник из яйца, снесенного птицей (Грейвс, 1992). Впоследствии мотив мирового яйца был популярным среди христианских мистиков, картографов и алхимиков (Лебедь, 1998). Согласно ведийской космогонии, из мирового яйца — золотого зародыша — вышел творец Праджapati. В египетском мифе солнце возникает из мирового яйца, которое снесла птица “Великий Гоготун”. По трактовке Л.Я. Штернберга (1936), в финской “Калевале” орел высидивает на коленях Девы воздуха 7 яиц. Обожженная их нестершимым жаром дева роняет яйца в море, из них возникает мир. Согласно “Калевале”, из нижней части яйца произошла “мать земля сырая”, из верхней — небесный свод. В китайской традиции Цзянь-ди проглатывает два яйца, снесенные ласточкой, и рождает основателя династии Инь. В этногенетическом мифе народа мыон-

гов (Вьетнам) первые люди рождаются из яйца, снесенного птицей. По верованиям индейцев побережья Перу, они возникли из золотого, серебряного и медного яиц, посланных солнцем. Обычно начало творения связывается с раскалыванием или взрывом мирового яйца, брошенного в небо. У некоторых африканских народов был даже свадебный обычай разбивания яйца (Мифы народов мира, 1980–1982). Интересно, что эти представления о взрыве мирового яйца не так уж далеки от современных научных гипотез о происхождении Вселенной путем Большого Взрыва.

В христианстве яйцо символизирует воскресение Христа, но сам по себе этот символ очень древний. Так, у европейских народов оно символизировало возрождение природы на весенних праздниках. По данным Б.А. Рыбакова (1994), яйца были неотъемлемой частью весенних аграрно-магических обрядов.

Существенную роль, прежде всего в разного рода магических обрядах, играли и части тела птиц — перья, клювы, лапы, кости, шкурки. Например, они непреходящий атрибут шамана. Перья птиц, особенно таких как орел, сокол, лебедь и т. п., наделялись исключительной магической силой. На Гавайских островах идолов покрывали красными и желтыми перьями, из перьев делалась одежда вождей. У некоторых народов считалось, что при помощи перьев можно передать молитвы богам (Штернберг, 1936). Петушиные перья использовались в любовном колдовстве. В Бадене (Германия) полагали, что если парень вырвет у петуха из хвоста трое перьев и прижмет их к руке девушке, она останется ему верной (Gattiker, Gattiker, 1989). Вспомните хорошо известное из приключенческих фильмов парадное убранство индейских воинов — шикарные диадемы из черно-белых перьев. В основном для этого использовались хвостовые перья молодых беркутов. Они белые с черной верхушкой. Но дело в том, что перья были не просто украшением. Это награда за боевые или охотничьи свершения, аналогичная нашим орденам и медалям. Индейцы Калифорнии, отправляясь в битву, вообще надевали одежду из цельной шкурки кондора с перьями (Штернберг, 1936). У многих африканских племен магическим средством считаются части тела белого аиста — высушенная голова или клюв, трубчатые

кости ног, перья (Hornberger, 1967). Интересно, что ценным амулетом служат и найденные на птицах кольца (Schulz, 1988). Что-то подобное нашей подкове.

Немало поверий связано и с птичьими гнездами. В Тироле, например, тот, кто заберет гнездо и будет мучить птенцов, никогда больше не увидит счастья. Много поверий, связанных с запретом разорять гнезда, есть у славян.

Весна прилетает на крыльях

Если сами по себе птицы вызывали священный трепет у древнего человека, то уж миграции их и подавно. По сей день люди не устают поражаться грандиозности этого явления. Миграции птиц можно наблюдать практически везде. В одних местах пернатые обитатели исчезают с приближением холодов или сухого сезона, чтобы снова прилететь весной, в других — массово появляются во время перелетов или на зимовке. Например, на Ближнем Востоке каждую осень можно наблюдать неповторимое зрелище — массовый пролет хищных птиц, аистов, пеликанов. Да и у нас кого оставит равнодушным пролетающий в небесной синеве журавлиный ключ? Миграции птиц тысячелетия оставались загадкой для человека. Чего можно ожидать от наших далеких предков, если еще в конце прошлого века совершенно серьезно обсуждался вопрос о возможности зимней спячки птиц (Диксон, 1895). Там же, где есть загадка, появляются мифы — первая робкая попытка человеческого сознания осмыслить происходящее. Миграции птиц нашли отражение во множестве религиозных верований, поверий, обрядов и т. д., да и в повседневной жизни. Жители древних Персии и Аравии, например, при составлении календарей учитывали время прилета и отлета некоторых видов птиц (Клаудсли-Томпсон, 1982). У целого ряда сибирских народов — якутов, самодийцев, кетов и др. —

март, когда возвращаются первые птицы, называется месяцем орла (Штернберг, 1936). В древнем скандинавском календаре период с 22 апреля по 21 мая назывался месяцем кукушки (Gattiker, Gattiker, 1989).

Можно выделить два основных фактора, повлиявших на отношение людей к перелетным птицам, — направления и сроки миграций (Грищенко, 1996а).

Классический пример птицы, ставшей благодаря своим миграциям священной, — белый аист у мусульман. Азербайджанское название его — хаджи-лелейк, одно из арабских — хаджи-лаклак. Они включают слово “хадж” — паломничество в Мекку, т. е. получается “аист-паломник”. В данном случае сыграло роль то, что через Ближний Восток аисты летят в направлении священного города мусульман, хотя и не долетают до него, сворачивая в Египет. Из Закавказья и Передней Азии часть птиц также летит на зимовку через Аравийский полуостров. По арабскому поверью, в аистов превращаются души мусульман, которые за свою жизнь ни разу не совершили предписанное Кораном паломничество к гробу пророка Магомета. Они вынуждены делать это уже после смерти в облике птиц. Поэтому каждый, кто умертвил аиста, является убийцей (Creutz, 1988; Gattiker, Gattiker, 1989; Tavakoli, 1989). Другой вариант поверья, распространенный на востоке Анатолии, — в аистов превращаются жители далекой страны, чтобы посетить Мекку. После возвращения весной они снова принимают человеческий облик (Creutz, 1988). В данном случае на почитание птицы на “миграционной” почве наложились еще и отголоски более древних верований. Доисламские бедуины считали, что после смерти тела душа продолжает свое существование в облике птицы (Gattiker, Gattiker, 1989). Второй вариант поверья несомненно связан с давними тотемистическими представлениями.

Верования одного народа могут далеко перемещаться вместе с его представителями. Это касается не только религии в целом, но и отношения к определенным животным. После арабских завоеваний исходно ближневосточный культ белого аиста-паломника широко распространился по мусульманскому миру. Сходные воззрения встречаются у таких совершенно не

родственных народов, как арабы, турки, иранцы, некоторые африканские этносы. Впрочем, давние религиозные представления не мешают тем же мусульманам во многих странах активно охотиться на аистов — и как источник мяса, и для развлечения. Особенно активно такая охота ведется в Ливане, Сирии, Египте, многих странах тропической Африки (Schulz, 1988).

Благодаря регулярным миграциям с севера на юг и обратно перелетные птицы могли становиться “транспортным средством” для богов и героев. Это нашло отражение, например, в сказках — путешествия Нильса или Ивасика-Телесика с гусями и т. п. По греческим мифам, Аполлон регулярно отправлялся к гиперборейцам на колеснице, влекомой лебедями (Грейвс, 1992). Лебедь вообще считался священной птицей Аполлона. По мнению Б.А. Рыбакова (1994), представления о том, что Аполлон-солнце на зиму уходит на север, отражали смену сезонов года. В мифологии живущих на Енисее кетов первый великий шаман Дох улетает зимовать на юг вместе с птицами (Мифы народов мира, 1980–1982).

По многочисленным народным поверьям, более крупные птицы во время миграции переносят с собой мелких пичуг. Славяне, например, верили, что перепелки “путешествуют” на аистах или журавлях. На севере Судана местные жители считают, что аисты осенью приносят на своих крыльях большое количество трясогузок, зимующих на берегах Нила (Elmalik, 1989).

Второй фактор — сроки миграции, точнее совпадение их с наступлением важных для человека явлений природы — приход весны или сезона дождей, разливы рек и т. п. Священный ибис у древних египтян стал именно таковым не в последнюю очередь потому, что прилетал на места гнездования перед разливом Нила, от которого зависела вся жизнь людей в долине великой реки. Он стал предвестником разлива. Священный ибис олицетворял Тота — одного из верховных богов в египетском пантеоне (Антес, 1977; Мифы народов мира, 1980–1982). Ибиса бальзамировали, ему даже ставили пирамиды. В Египте он был и символом мудрости (Федосеенко, 1998). Здесь важно учесть еще и то, что для древних цивилизаций Ближне-

го Востока именно разливы рек имели решающее значение в орошении полей, а отнюдь не осадки. Так было и в Египте (Антес, 1977), и в Междуречье (Крамер, 1977).

Подобно этому у многих африканских племен священным считается белобрюхий аист — хрестоматийный пример сезонных миграций птиц в тропиках. Гнездится он в сухих саваннах к югу от Сахары и на Аравийском полуострове. Период размножения этой птицы приходится на сезон дождей, прилет совпадает с его началом. Более того, в сухой сезон белобрюхий аист покидает места гнездования и, пересекая влажные тропические леса, оказывается к югу от экватора. В это время сезон дождей наступает там. За такую особенность эту птицу в немецком языке так и называют “Regenstorch” — дождевой аист. Вполне понятно, почему согласно поверьям местных жителей он приносит столь необходимые земледельцу и скотоводу дожди. Подобно белому аисту в Европе, белобрюхий часто селится в африканских селах, устраивая гнезда на крышах хижин. По неписаному закону запрещается тревожить или преследовать птиц (Archer, Goodman, 1937; Kahl, 1981; Карри-Линдал, 1984). Африканский аист-разина, гнездящийся в тропической Африке и на Мадагаскаре, также совершает подобные миграции (в обратном направлении — зимует к северу от экватора), но в “противофазе” — предпочитает сухой сезон года. Поскольку сроки его миграции не совпадают со столь важными для человека явлениями, к священным птицам он не относится.

Прилет птиц весной люди отмечали издавна. Таинственное исчезновение их осенью и столь же загадочное возвращение весной порождали множество суеверий. Но главное, что с прилетом птиц приходила весна и возвращалось тепло. Л. Билецкий пишет по этому поводу: *“Обращение через молитвенную заклинательную песню к птицам, которые только что прилетели, можно считать одним из крепчайших и древнейших обрядовых действий”* (Білецький, 1947, цит. по: Килимник, 1994). Причем в данном случае важно не только то, когда, но и *откуда* прилетают птицы. По давним представлениям многих народов, они улетают на зиму в рай. В украинском языке до сих пор сохранилось выражение “птахи відлітають у вирій”.

Вырий — это рай древних славян. На Руси перелетных птиц называли “вырийными” (Тараненко, 1995; Вагурина, 1998), т. е. райскими. Более того, весну вообще встречали лишь с прилетом первых птиц (Килимник, 1994). Понятно, что птица, прилетевшая из рая, от богов, да еще принесшая при этом весеннее тепло, уже сама становится как минимум вестником этих богов. У казахов и киргизов Млечный Путь называется “птичьей дорогой”. Мусульманизованная версия — путь, по которому птицы летят в Мекку (Симаков, 1998). По представлениям живущих на Енисее кетов, между небом и землей есть отверстие, откуда и прилетают птицы (Мифы народов мира, 1980–1982).

Отношение к птицам, “принесшим” весну, было особое. Их любили, в честь их прилета устраивали веселые праздники, приносили жертвы и угощения, к ним обращались с молитвами и просьбами. Даже для традиционно охотничьих видов существовали определенные “льготы”. У эвенков, например, был обычай, запрещающий стрелять в первого прилетевшего гуся или утку.

Этнографы описывают праздники встречи перелетных птиц у самых разных народов. Были они и у восточных славян. Это прежде всего 17 марта (нов. ст.). В России этот день называется “Герасим-грачевник” (обычное в таких случаях объединение христианских и языческих праздников типа Ивана Купала). В Украине грачи прилетают раньше. В этот день ожидали аистов (Килимник, 1994). Такой разницей говорит о том, что это был скорее всего вообще праздник прилета птиц, просто в разных местностях различные виды были провозвестниками весны. Другой день, связанный с прилетом птиц, — 22 марта (христианский праздник Сорока святых). В этот день также встречали вестников весны, даже выпекали специальное обрядовое печенье, которое часто так и называют “жаворонками” (Килимник, 1994; Скуратівський, 1998). Такой небольшой интервал между двумя сходными праздниками говорит о том, что видимо в древности прилет птиц отмечался у восточных славян в конце второй — начале третьей декады марта. Хорошо известно, что раньше праздники не были жестко привязаны к конкретным датам. Возможно также, что раз-

ные дни отмечались в различных местностях. Лишь впоследствии они были приурочены к христианским праздникам. На этот период приходится еще и весеннее равноденствие, так что выбор его, видимо, был не случаен.

Аналогичные праздники были в других странах. В Восточной Пруссии день прилета птиц отмечался 25 марта — на Благовещенье (Hinkelmann, 1995). В Англии день 15 апреля назывался “ласточкиным днем”. В Греции прилет ласточек праздновался 1 марта (Gattiker, Gattiker, 1989).

“Приуроченность” прилета птиц к церковным праздникам (есть даже поверье, что птицы появляются весной непременно на христианские праздники) объяснить несложно. Еще совсем недавно не висел в каждом доме календарь. Крестьянин мог понятия не иметь, что такое 24 июня или 6 августа, зато он знал дни Ивана Купала и Спаса. По церковным (а ранее по языческим) праздникам, как по вехам, шел отсчет времени. Этнографы пишут, что счисление его крестьяне вели по церковным святцам, народные приметы связывались с именами святых или с христианскими праздниками (Лебедева, 1987).

Вестниками весны в Европе были самые разные птицы — грач, полевой жаворонок, скворец, чибис, белый аист, серый журавль, деревенская ласточка, кукушка, соловей и др.

Прилет грачей, по крайней мере в северной части ареала этого вида, — до сих пор радостное явление для людей, хотя летом они и приносят много хлопот человеку. В Новгородской губернии считалось грехом разорять грачиные гнезда. Весьма знаменательны здесь два момента. Во-первых, то, что это поверье связано именно с грачом, все-таки во все времена он вызывал немало нареканий у крестьян. Птице, которая прилетает весной самой первой, могли прощать многое. Во-вторых, регион — северная часть Европейской России. Здесь отрыв в сроках прилета грача от других птиц довольно значителен. Дальше на юг, например, в Украине, он уже не столь популярен. Весной грачи прилетают здесь почти одновременно со скворцами, жаворонками, гусьями, а еще южнее — немало их зимовало и в давние времена.

Скворец и по сей день остается одной из наиболее популярных в России птиц (опять-таки, несмотря на ущерб садам и

огородам), это подтвердил опрос В.М. Пескова в “Комсомольской правде” в 1982 г. Давняя народная традиция привлекать его на гнездование могла быть связана не только с песнями на усадьбе (скворец в общем то не лучший певец среди птиц), а и с почитанием как предвестника весны. Привлекать можно было бы и других птиц, например, синиц. Они также красиво поют и к тому же уничтожают множество вредителей сада, но изначально развешивались именно *скворечники*. Э. Штреземанн (Stresemann, 1948) считал, что в Восточной Европе привлечение скворцов на гнездование было связано с мифологическими представлениями. В Германии же скворечники со средних веков до недавнего времени использовались в совершенно иных целях — для отлова птиц. Подростшие птенцы были лакомством для сельской бедноты. По свидетельству П.С. Палласа, в России в XVIII в. считалось преступлением разорить гнездо или убить скворца в окрестностях деревни (Дементьев, 1950). Увидев первого скворца, жители Владимирской губернии говорили: “Господи, благослови, скоро будет тепло”.

У германцев аист и ласточка были посланцами богини Хольды, предвестниками весны (Gattiker, Gattiker, 1989). У балтийского народа пруссов белый аист связан с богом весны Потримпосом (Hinkelmann, 1995). В мифах армян аист фигурирует как вестник Ара Гехецика. Это умирающий и воскресающий бог, аналогичный египетскому Осирису, греческому Адонису и др. Он олицетворял весеннее возрождение природы (Мифы народов мира, 1980–1982). В Германии о прилете аистов оповещали герольды или городская стража, звонили в колокола, устраивали празднования. В день прилета аистов школьников даже освобождали от занятий или вместо уроков читали им сказки. Дети устраивали на улицах веселые шествия и получали подарки. В Бадене тот, кто первым сообщал наместнику о прилете аистов, получал от него в награду каравай хлеба (Gattiker, Gattiker, 1989). По сведениям Филострата, в Древней Греции и Риме первого аиста приветствовали, падая ниц.

К давним верованиям о весеннем возрождении природы восходит и известное уже всему миру поверье, что белый аист приносит детей. Просто трактовка его раньше была гораздо

шире. Древние германцы считали, что белый аист, как посланец богов, приносит с неба новую жизнь на поля после длинной зимней ночи (Gattiker, Gattiker, 1989). Аналогичные представления были и у славян — птицы приносят из вырия весну, а вместе с ней в образе птиц прилетают души новорожденных и предков, последние — для защиты урожая (Килимник, 1994). Вспомним также древние представления о том, что небо оплодотворяет землю. Так, на Руси считалось, что Перун во время первой грозы пробуждает землю к жизни и оплодотворяет ее (Митрополит Иларіон, 1994). Белый аист у германцев был священной птицей бога грома Донара (Тора), символом божественного благословения. А Донар был кроме того богом плодородия и урожая (Gattiker, Gattiker, 1989), так что аист имел все “полномочия” переносить новую жизнь.

Интересно, что белый аист является вестником наступления земледельческого сезона не только в тех краях, где он гнездится. Для одного из народов Кении появление летящих на юг аистиних стай означает, что пришло время обрабатывать поля. Когда же они летят на север — нужно убирать урожай (Schulz, 1988).

В Древней Греции во время весенних празднеств пелись “ласточкины песни” — дети ходили по домам и славили весну, щебеча, словно ласточки (Мифы народов мира, 1980–1982). Археологи обнаружили, что излюбленным сюжетом фресок на о. Фера возле Крита (критская цивилизация, XVI в. до н. э.) была ласточка, приносящая на своих крыльях весну (Maginatos, 1973, цит. по: Ильинская, 1988).

У ряда сибирских народов весну приносили орлы (Штернберг, 1936). Причем орел был не просто вестником или посланцем. Якуты верили, что природа весной возрождается силой царственного беркута. Тепло рождается от трехкратного трения твердого как камень клюва о могучую оперенную ляжку и от взгляда горящих глаз. С прилетом орла кончается старый год — зимний, и начинается новый — летний: “Орел трижды отер о ногу свой клюв — и сломался один рог мороза; он трижды воспел — и осыпался иней высокого леса; он шесть раз проклекотал — и солнце поднялось выше, подул теплый ветер и сломал другой рог мороза; все пришло в движение,

снег растаял, потекли ручьи”. Как возродитель природы, орел, подобно Дионису, был также богом плодородия. К нему обращались бесплодные женщины с молитвой о детях. Появившийся после этого ребенок считался “рожденным от орла” (Ионов, 1913). Подобно этому, в финской мифологии другой вестник весны — кукушка — вызывает плодородие своим кукованием. У древних греков орел также считался возродителем природы (Штернберг, 1936).

В Семипалатинской области Казахстана в качестве вестника весны почитался орлан-белохвост. Прилетал он одним из первых птиц в конце марта. Появление орланов отмечалось небольшой пирушкой. Другим вестником весны в Казахстане был орел-могильник. В честь первого появившегося орла кололи барана, которго съедали всем аулом. Убить могильника возле гнезда считалось преступлением (Плотников, 1893, цит. по: Симаков, 1998).

У кетов, а также некоторых других народов Сибири, вестниками весны и тепла считались лебеди. Они сопровождали “мать жара” Томэм (Мифы народов мира, 1980–1982).

Можно предполагать существование нескольких этапов формирования культа вестников весны. Исходно, видимо, отмечался прилет первых птиц вообще. Так, у восточных славян праздник встречи весны был приурочен к прилету первой птицы, которая ее “открывала” (Мифы народов мира, 1980–1982). В дальнейшем выделяются отдельные виды, наиболее известные, чем-то примечательные или значимые для человека. Причем далеко не все из них “приносили” весну, т. е. прилетали первыми. Ни аист, ни ласточка, ни тем более кукушка не принадлежат к раннеприлетным птицам. Различные виды предвещали разные этапы весны — самое ее начало, приход тепла, разгар весны и т. п. Весьма вероятно, что прилетавшие позже птицы стали почитаться как вестники весны уже после возникновения земледелия. Их появление как раз примерно совпадало с началом весенних полевых работ. Причем почитание многих вестников весны имеет под собой не только миграционную почву. Это хорошо видно на примере белого аиста — в истоках его культа у индоевропейцев лежит целый комплекс факторов (Грищенко, 1998). Наконец, в заключение формируется

культ одной или нескольких птиц-вестников. В разных местностях или у разных племен и народов могли быть разные вестники весны.

Была у птиц-вестников и своя “специализация”. Например, у украинцев ласточка приносила весну в дом, жаворонки — на поля, гуси, гоголи, цапли — к водоемам, кукушки, соловьи и горлицы — в леса и сады, аисты также приносили души новорожденных, перепела и кукушки — души предков. На крыльях же птиц прилетала и весна (Килимник, 1994).

У украинцев был целый период встречи весны протяженностью около месяца — от появления первых птиц в конце февраля — начале марта (ст. ст.) примерно до Благовещенья (Килимник, 1994). Новый год на Руси до середины XIV в. отмечался 1 марта (Лебедева, 1987), т. е. он наступал фактически с приходом новой весны. Перелетные птицы были тем дедом Морозом, который приносил радость и подарки людям. Это не просто метафора. Птицы-вестники весны наделялись в человеческом воображении большими возможностями. В древности они вообще воспринимались как божества. Существует множество поверий, примет, гаданий, магических действий, связанных с прилетом птиц. У древних германцев новый год наступал с прилетом кукушки и началом кукования. Жрецы спрашивали птицу о судьбе наступившего года (Gattiker, Gattiker, 1989).

По давним анимистическим верованиям, весне нужно было помочь прийти из вырия на землю. У самых разных народов существовал в древности обычай призывать весну. Многочисленные веснянки, которые сейчас стали просто красивыми народными песнями, раньше были своеобразными ритуальными текстами-заклинаниями. Обращение часто идет к птицам, как вестникам и “носителям” весны. Вот характерный пример:

Ой вилинь, вилинь, гоголю,
 Винеси літо з собою,
 Винеси літо, літечко,
 Зеленеє житечко,
 Хрещатенький барвіночок,
 Запашненький васильочок... (Килимник, 1994)

Короткие строки веснянок пелись очень протяжно, как при-

звив издалека. Обряд происходил на холмах, проталинах, иногда на строениях. Исполнительницы песен поднимали обе руки к небу (Рыбаков, 1987).

Вот как описывает обычай встречи жаворонков В.Я. Пропп: *“Начало весны связывали с прилетом птиц, причем полагали, что птицы приносят ее с собой: “Как птицы прилетят, так и тепло у нас пойдет”.*

Особо значимым считалось 9 марта — День сорока мучеников (по старому календарю). В этот день, считалось, из теплых стран прилетают 40 разных птиц, и первая из них — жаворонок. В их честь пекли 40 калачей.

Чтобы вызвать прилет птиц, а следовательно, и начало весны, надо было этот прилет сымитировать. Пекли жаворонков и куликов. Их делали с растопыренными крыльями (то есть изображали летящими), из пресного, обычно ржаного теста. В XIX веке праздник окликания весны был уже преимущественно праздником детским. С изображением птиц дети забирались на какое-нибудь возвышенное место, залезали на деревья, их сажали на забор (...).

Влезает с “птишками” на повети, на пеледи (стенки овинов), на крыши сараев, овинов и оставляют их там, сажают их на костры, на лозы, на ракиты, на рябины, на дубы, на плетни в садах, на яблони, жаворонков кладут также на землю, на проталинки — на холмах, курганах (...).

Часов в 10 утра ребята гурьбой с печеными животными направлялись на огороды, к гумнам, избирали места поближе к хранилищам хлеба. Куликов нитками привязывали к шестам и ставили их на огородах.

Ветер раскачивал их, так, что они казались летящими, при этом дети пели веснянки. Иногда птиц подбрасывали вверх.

*Летел кулик
Из-за моря
Принес кулик
Девять замков.
Кулик, кулик,
Замыкает зиму,
Замыкает зиму,*

*Отпирает весну —
Теплое лето.*

Каждую отдельную фразу ребята нараспев повторяли по несколько раз, делали паузу и переходили к новой песне.

*Жаворонки, жаворонки,
Дайте нам лето,
А мы вам зиму,
У нас корму нету.*

Жаворонков и куличков иногда съедали, а иногда по садам, домам и др. местам расставляли до будущего года. Считалось, что от них будет происходить благополучие. В это же время выпускали на волю диких птиц из клеток, обычай, воспетый еще Пушкиным” (Пропп, 1963).

В Украине выпеченными на Сорок святых “жаворонками” угощали своих и соседских детей. Получив подарки, ребята ходили по селу и, поднимая фигурки птиц над головой, приговаривали:

*Пташок викликаю
З теплого краю, —
Летіть, жайвороньки,
Пасти корівоньки! (Скуратівський, 1998).*

Интересную легенду В. Скуративский (1989) записал на Черниговщине. Жаворонок, вылетая из вырия, несет с собой тлеющий уголек и с разрешения Бога (видимо, уже более позднее добавление) роняет его на снег. Так появляются проталины и начинается весна. Как видим, здесь птица не просто приносит ее с собой, но и участвует в изгнании зимы, т. е. возрождает природу, так же как орел у якутов.

Встреча перелетных птиц была частью древней магии. Люди не просто радовались их появлению, а обращались с просьбами об урожае, благополучии, здоровье и т. д. Сейчас это уже в основном детские песенки и приговаривания, но раньше такие тексты имели вполне определенное молитвенное значение. Обращение идет к самым разным птицам. Причем, как и всяким божествам, им приносились жертвы. У славян до нас дошли лишь отголоски этих обычаев, жертвоприношения имеют уже чисто символическое значение. Например, птицам предлагает-

ся материал для постройки гнезд. При виде гусиного ключа дети подбрасывают вверх немного соломы и приговаривают:

Гуси, гуси, вам на гніздо,
А нам на тепло!..

или:

Гуси, гуси, вам на гніздечко,
А нам на здоров'єчко! (Килимник, 1994).

Обращение к аисту:

Буся, буся! На тебе галиопу,
А мне дай жита копу.

В Украине первым журавлям также кидали соломинку, приговаривая: “На тобі на гніздо, а мені на добро”. Ласточкам бросали комки земли со словами: “На тобі, ластівко, на гніздо, а мені на добро” (Скуратівський, 1998). На западе Украины дети гуцулов, завидев летящих аистов или журавлей, подкидывают вверх солому, палочки и кричат: “На гніздо”.

Ритуальное печенье (“жаворонки”, галиопы, голвогты и т. п.) имело, видимо, двойное значение. Фигурки птиц, да еще летящих, это то, что Дж. Фрэзер (1980) называет гомеопатической (имитативной) магией — “подобное производит подобное”. Изготовление их и дальнейшие ритуальные действия были направлены на то, чтобы побудить птиц прилететь из вырея и принести весну. Есть множество примеров такой магии. Наиболее известны, пожалуй, попытки колдовским путем причинить вред своему недругу, воздействуя на его имитационную фигурку или изображение. Охотники у многих народов таким же образом пытались вызвать появление дичи. Например, шаман индейского племени нутка (Британская Колумбия), питавшегося в основном рыбой, при наступлении голода опускал в воду чучело рыбы. Этот обряд, сопровождаемый молитвой, призван побудить рыбу незамедлительно появиться (Фрэзер, 1980). По одной из наиболее распространенных версий, наскальные рисунки времен палеолита связаны как раз с такой охотничьей магией. В поедании “жаворонков” можно усмотреть еще одно магическое действие — приращение телом божества. Подобные обряды были широко распространены в прошлом (Фрэзер, 1980).

С другой стороны, как видно из приведенных выше приме-

ров, ритуальным печеньем нередко также “угощали” птиц. Это отголосок древних жертвоприношений им как божествам. У тех народов, у которых подобные обычаи сохранились в более первозданном виде, подобные жертвоприношения уже не столь символичны. Например, отмечая прилет орлана-белохвоста, казахи кололи барана и внутренности его вешали на сучок под гнездом (Плотников, 1893, цит. по: Симаков, 1998). Подобные пережитки давних жертвоприношений сохранились и в календарных медвежьих праздниках в Сибири — сейчас это вознаграждение ряженым за развлечение (Болонев, Фурсова, 1999).

По украинскому поверью, если при виде первой ласточки бросить горсть земли на грядку, сказав: “Кріп сію”, то на этой грядке действительно вырастет укроп (Килимник, 1994). Тот, кто первым увидел появление ласточек весной, бежал домой, умывался молоком и вытирал лицо полотенцем, в которое была завернута свяченная пасха. Таким путем можно было лишиться веснушек (Скуратівський, 1998). Белорусы считают, что если первый раз увидев весной аиста сказать: “На тихое лето, на буйное жито, а нам на доброе здоровье!” и завязать в этот момент узел на поясе, то он будет хорошим средством от лихорадки. Любопытное поверье есть у косовских сербов. Тот, кто первый раз в году увидит аиста, должен замереть на месте, затем взять из-под своей правой ноги немного земли и бросить в ведро с водой. Этой водой следует обрызгать себя и свой дом, и тогда летом в нем не будет блох (Толстой, 1984). Украинцы, увидев первых журавлей, не сходя с места, брали руками землю, и эту землю потом сеяли вместе с просом. Считалось, что она способствует лучшему урожаю. Гагаузы говорили: “Сколько увидишь и сосчитаешь по весне журавлей, столько килограммов у тебя родится пшеницы”. В Прибалтике дают такой совет: кто хочет быть крепким на ноги весь год, тот должен пробежать в сторону аиста, когда увидит его первый раз весной.

Инвазионные мигранты из-за непредсказуемости своего появления нередко становились вестниками всевозможных бед и несчастий. Классический пример этого — свиристель в Западной Европе. Появляющаяся время от времени невесть откуда и в больших количествах яркая, заметная птица вызыва-

ла в средние века множество предрассудков и поверий. Во многих местах Европы свиристеля считали предвестником всяческих несчастий, войн, эпидемий. Хорошо показывают различное отношение людей к нему старые народные названия. Многие из них связаны с особенностями окраски птицы, ее внешнего вида и т. п. Для нас наиболее интересна та их часть, которая отражает поверья и предрассудки. Еще с античных времен свиристель считался переносчиком пожаров (нем. название “Brandstifter”), потому что яркие красные пятна на маховых перьях птицы суеверные люди принимали за огоньки. К. Вольфгарт в 1557 г. описывал появление однажды во время бури и грозы стаи “воронов”, которые несли в клювах горящие угольки и сбрасывали их на селения. У У. Альдрованди речь идет о стае воронов или грифов, которые в 1194 г. появились в огромных количествах, перелетали с места на место с горящими уголками в клювах и поджигали дома. Р. Кинцельбах (Kinzelbach, 1995) проанализировал эти и другие сведения, и пришел к выводу, что так гротескно описывались инвазии свиристелей в 1191/1192 и 1194/1195 гг.

Еще больше суеверий вызывало внезапное появление свиристелей. В средние века продолжительность жизни человека была небольшой. Крупные инвазии случались в среднем раз в 10 лет, при этом свиристели, естественно, могли появляться не во всех местностях. Т. е., человек за свою жизнь мог столкнуться с налетом этих птиц всего 1–2 раза. Каждый раз это было внове, порождало массу слухов и суеверий, возникало множество новых названий птицы. Естественно, многие инвазии совпадали с войнами, эпидемиями, стихийными бедствиями и другими крупными несчастьями, их во все времена было вдоволь. Так, инвазии свиристелей “предсказали” Великую французскую революцию (массированные налеты этих птиц в Западной Европе отмечались в 1787/1788 и 1788/1789 гг.); начало 30-летней войны (инвазия 1617/1618 гг.); поражения европейских армий от Наполеона в битвах под Аустерлицем и Иеной (инвазия 1806/1807 гг.) и даже первую мировую войну (инвазия 1913/1914 гг.). Понятно, что свиристель стал считаться во многих местах предвестником всяческих бед. Об этом говорят и многие старые немецкие народные названия —

“Kriegvogel” (“птица войны”), “Todtvoegel” (“птица смерти”), “Pestvogel” (“птица чумы”), “Pestdrossel” (“чумной дрозд”) и т. п. На Цюрихском озере в Швейцарии до сих пор появление свиристелей является предзнаменованием холодной зимы (Gattiker, Gattiker, 1989; Kinzelbach, 1995).

Наиболее прочно народная молва связала свиристеля с чумой. Причем настолько, что в голландском языке даже официальное научное название его так и осталось “Pestvogel”. Первая крупная эпидемия чумы, прокатившаяся по Европе в 1348–1353 гг., как раз совпала по времени с массовой инвазией 1350/1351 гг. Были и другие совпадения.

Большой интерес в этой связи представляет средневековая икона из г. Збраслав в Богемии, которая хранится сейчас в Национальной галерее в Праге. Нарисована она была в 1360 г. На иконе Мадонна с младенцем Христом, который держит в правой руке прижатого к плечу свиристеля. Птица нарисована четко и хорошо узнаваема. Это древнейшее точное изображение свиристеля, но наибольший интерес для нас представляет символика рисунка. В средние века была традиция изображать младенца Христа со щеглом в руках. Икона была написана вскоре после крупной инвазии свиристелей в 1350/1351 гг., т. е., возможно, автор под впечатлением недавно увиденных ярких и красивых птиц заменил традиционного щегла на свиристеля. Но возможны и другие объяснения. Эта инвазия, как уже говорилось, совпала с первой крупной эпидемией чумы в Европе. Весьма вероятно, что свиристель — это своеобразный знак судьбы, который находится в божьих руках. Он (Pestvogel!) в данном случае символизирует чуму. Имеется в виду, что это игрушка в руках Бога, или другой вариант трактовки — только он может обуздать эту “кару небесную” (Kinzelbach, 1995).

В тех же странах, где свиристель является более или менее обычным гостем, негативных эмоций его появление не вызывает. Например, для украинцев это просто красивая птичка. Прилет свиристелей, как и снегирей, говорит о приближении зимы, но не более того.

Не большей популярностью пользовалась в Западной Ев-

ропе и другие нерегулярные мигранты — чечетка, клест-еловик и др. Их также считали предвестниками несчастий. Появление этих птиц связывали со смертью, чумой, голодом и т. д. Интересно объясняли внезапное появление зимой чечеток крестьяне в Силезии. По их представлениям, эти птицы образовывались из мышей, весной же превращались обратно в грызунов (Gattiker, Gattiker, 1989). Клестам, правда, повезло больше. Во многих регионах Европы они гнездятся в горных лесах, поэтому не были такой диковинкой для местных жителей. В Швабии, например, клеста ставили даже выше ласточки и аиста. В ряде местностей Германии считалось, что наличие клеста в доме защищает от удара молнии. Есть сведения, что в древности он был священной птицей бога грома Тора (Gattiker, Gattiker, 1989).

Но не всегда внезапно появляющиеся птицы были знаменами злой судьбы. Могли играть роль и другие факторы. Например, окраска, голос, особенности поведения и т. п. Встреча белой совы у татар и калмыков была хорошим предзнаменованием. Залет ибиса в Закавказье — к счастью.

Избавители от напасти

Многие птицы в народных верованиях являются защитниками и помощниками человека, а нередко и избавителями от всяческих несчастий. Часть из таких верований имеет под собой вполне реальную почву. Уничтожая вредителей, птицы спасали урожай, а значит и благополучие человека, если не саму жизнь. Зарождение культа животных Л.Я. Штернберг (1936) как раз и связывал с представлениями древнего человека о “благодетельстве” или превосходстве определенных видов.

Характерный пример этого — белый аист. Одна из причин почитания его у многих народов — уничтожение вредителей, прежде всего саранчи (Тараненко, 1992; Грищенко, 1998).

Венгерский орнитолог Я. Шенк (Schenk, 1910) описывает несколько случаев, когда птицы ликвидировали массовые скопления этих опасных насекомых. В июле 1909 г. в Венгрии на площади 500 га появились большие массы саранчи. Туда слетелись тысячи птиц, особенно белых аистов и грачей. Вскоре саранча была полностью уничтожена. В 1907 г. в Южной Африке появилась стая саранчи на участке длиной в милю и шириной 300 м. На следующий день прилетела стая в 600–700 аистов, которая окружила насекомых. Через 8 дней от полчища саранчи осталась маленькая кучка, которая вскоре была полностью уничтожена. Подобные случаи отмечались в прошлом веке и в Украине (Грищенко, 1996б). Во время налета саранчи в 1907 г. в Хортобадь в Венгрии в пищеварительном

тракте одного добытого аиста было обнаружено около 1000 экземпляров этих насекомых. Пищевод птицы был набит до самой глотки! В одной из аистиных погадок нашли 1600 мандибул саранчи (Schenk, 1907). По оценке Я. Шенка (1907), стая из сотни аистов за день способна уничтожить 100 тыс. экземпляров саранчи. А большое скопление птиц за считанные дни в состоянии съесть уже миллионы этих насекомых.

На местах зимовки в Африке белые аисты могут кочевать вслед за большими стаями саранчи или других мигрирующих насекомых. Иногда их концентрация в местах, богатых кормом, бывает просто невероятной. В январе 1987 г. в Танзании на участке площадью всего в 25 км² кормилось около 100 тыс. аистов (Schulz, 1988). Это почти четверть всей восточной популяции! В Танзании в это время массово размножились гусеницы одной из местных бабочек, что и привлекало туда птиц. Слава пожирателя саранчи настолько прочно закрепилась за белым аистом, что в языках некоторых африканских народов он так и называется “саранчовой птицей”. Например, в языке африкаанс (ЮАР) одно из официальных названий — “Groot-sprinkaanvoël”, т. е. большая саранчовая птица (Hancock et al., 1992). Для многих африканских народов белый аист — традиционный охотничий вид, но в ряде стран отношение к нему положительное, и охота практически отсутствует именно из-за уничтожения вредителей, прежде всего саранчи. Это Кения, Замбия, Зимбабве. Интересно, кстати, что потомки европейских переселенцев в ЮАР пронесли через века любовное отношение к этой птице. Они ценят аиста за уничтожение личинок вредителей на полях люцерны, но не только. Как и в Европе, для буров белый аист — птица, которая приносит детей и счастье (Schulz, 1988).

Если даже сейчас налеты саранчи представляют собой большую проблему, то можно себе представить, каким бедствием они были для древнего хлебороба. Вспомним, что это одна из “казней египетских”. Саранча могла обречь на голодную смерть целые селения. Понятно поэтому, что птица, способная избавить людей от “шестиногих разбойников”, будет весьма почитаема. И таким был не только белый аист, но и другие “саранчовые птицы”, например розовый скворец. Его весьма уважа-

ли персы, армяне, азербайджанцы, татары, турки и др. (Gattiker, Gattiker, 1989). В Приазовье в XIX в. этих птиц даже привлекали на гнездование в степь, выкладывая для этого кучи камней (Скворцы..., 1884). На Кавказе опрыскивали поля святой водой, чтобы они прилетели. С розовым скворцом, правда, несколько сложнее, поскольку спасение весной и в начале лета урожая птицы затем “компенсируют” набегами на сады и виноградники. Не случайно в Предкавказье и Малой Азии весной его называют “святой птицей”, зато позже — уже “чертовой” (Лерхе, 1941; Gattiker, Gattiker, 1989).

Столь же активно белый аист поедает и других опасных вредителей сельского хозяйства — итальянского пруса, медведку и др., охотно ходит за плугом и выбирает из земли различных насекомых, т. е. он неизменно выступает как деятельный защитник урожая. Интересно, кстати, что в армянской мифологии он и является как раз защитником полей (Мифы народов мира, 1980–1982). В Иордании белый аист относится к почитаемым птицам, крестьяне считают, что он приносит большую пользу, уничтожая вредителей (Schulz, 1988).

Интересный пример формирования экологических традиций на почве взаимовыгодного “сотрудничества” с птицей — привлечение на гнездование скопы в Северной Америке. Появился этот обычай совсем недавно. Переселенцы усмотрели выгоду для себя в ее соседстве и стали привлекать на гнездование (совсем как аиста). Скопы гоняли со своих гнездовых участков ястребов, защищая тем самым фермерских кур. Рыбы же тогда хватало всем (Poole, Spitzer, 1983; Мищенко, 1990). В результате скопа сейчас спокойно гнездится даже на оживленных улицах городов. Ее гнезда можно увидеть в весьма людных местах, например, на столбах освещения стадионов.

Не меньшее, если не большее, значение имели птицы для человека в качестве защитников от всевозможной нечистой силы. Пожалуй, самым известным “избавителем” является петух. Это его качество многократно воспето в фольклоре, часто обыгрывается и в художественной литературе. У М. Булгакова, Н. Гоголя и многих других писателей предрассветный крик петуха заставляет исчезать нечистую силу. Этот же момент обыгрывает и Дж.Р.Р. Толкин. Во время штурма Минас Ти-

рита против крика петуха оказался бессилен даже верховный назгул. По народным преданиям, ведьмы во время шабашей с первым криком петуха должны были возвращаться домой.

Один из главных органов чувств у человека — зрение. Лишенный возможности видеть, он ощущает себя, мягко говоря, неудобно. Наверное поэтому ночь у всех народов мира отдана на откуп всяческой нечисти. Ночь, а вместе с ней и нежить, прогоняется рассветом. Неудивительно, что птица, предвещающая восход солнца (третьи петухи), в человеческом воображении сама по себе была наделена огромными возможностями.

Петух стал священной или хотя бы уважаемой птицей у очень многих народов. Причем почитался он прежде всего как предвестник восхода солнца. В Древней Греции его связывали с божествами подземного мира. Он был атрибутом Персефоны, вынужденной проводить треть года у своего супруга в Аиде. Богиня каждую весну выходила из подземной тьмы на свет, а петух провозвещал свет каждое утро. Вестником света он был у персов, символом изобилия и персонификацией солнца. Вообще в большинстве мифологических традиций петух был связан с богами утренней зари, солнца, света, небесного огня — Аврора, Гелиос, Митра, Ахурамазда и др. Интересно, что он является не только глашатаем солнца, но и его проводником в годовом и суточном циклах. Так, в Китае эта птица сопровождает солнце в пути через десятый “дом” китайского зодиака (Козерог) и через пятый — седьмой часы после полудня. У древних евреев петух был символом третьей стражи ночи — от полуночи до рассвета. Считалось, что он так же бдителен и всевидящ, как и солнце, поэтому в Древнем Риме его широко использовали при гаданиях и предсказании погоды. Изображения петуха в качестве стража от всевозможных злых сил помещали на крышах домов, флюгерах, сундуках. В Китае красный петух помещается на стенах дома как талисман против огня. С петухом связывается и символика воскресения из мертвых, вечного возрождения жизни. В Древней Греции он был посвящен и Асклепию как образ целительной смерти-возрождения. В Риме эта птица символизировала январь — месяц начала нового года и пробуждения природы. Черный

петух связывался с водой, подземным царством, олицетворял смерть и зло. Отсюда использование черных петухов и кур в магических целях. “Нормальный” же петух был лучшим средством для изгнания демонов и прочей нечисти. С этой целью его могли приносить, например, к новорожденному или в новый дом. В христианстве петух также стал символом света. Его нередко помещали на шпилях церквей. Изображения петуха встречались на гробах — во мраке смерти он должен был возвестить утро воскресения. Наконец петух был птицей плодородия и урожая, а также сексуальной потенции. У южных славян, венгров и некоторых других народов жених во время свадьбы нередко носил живую птицу или ее изображение. У ряда индейских племен Центральной Америки петух считался важным нагуалем (духом-покровителем), с которым связана жизнь человека. Смерть петуха влекла за собой и гибель его подопечного (Мифы народов мира, 1980–1982; Gattiker, Gattiker, 1989).

Большую роль играл петух в верованиях древних славян. Западные славяне чтили его как птицу Святовита (Вагурина, 1998). В Украине считалось, что петух является лучшим оберегом в хозяйстве. При его отсутствии обязательно появится сатана. Даже чумаки, отправляясь в путь, брали птицу с собой. На кладбищах нередко устанавливали резные или жестяные фигурки петухов, чтобы они “держали в страхе” покойников и не давали им вставать из могил. Ну и конечно же петух — вестник солнца и света. По одной из легенд он призывал утром солнечный свет, как птица бога солнца (Митрополит Лларіон, 1994; Скуратівський, 1998). Видимо в древности содержание на усадьбе петуха имело двоякое значение: и как оберег от нечистой силы, и с магическими целями — он призывал солнце. Ему тоже нужно было помочь прийти к людям, так же как и весне.

Использовались петухи и при врачевании. В Воронежской губернии существовал интересный обычай: если ребенок долго кричал по ночам, мать заворачивала его в подол и несла лечь в курятник. Она купала его под насестом, приговаривая: “Зоря-Зоренька, красная девица! Возьми свою криксу, отдай нам сон” (Вагурина, 1998).

Веру в необычайную силу петушиного крика хорошо иллюстрирует записанная И. Франко легенда. Семь братьев-князей перед смертью захотели построить в Киево-Печерской лавре церковь, где их должны были и похоронить. Но сколько ее не строили днем, ночью кладка проваливалась в землю. Тогда старший брат велел соорудить золотой шар, в который поместили живого петуха. Когда шар прикрепили к верхушке башни, петух закукарекал, и она сама вознеслась из-под земли аж до неба (Скуратівський, 1998).

Петух — птица драчливая. Недаром он стал также символом боевитости и мужества. Еще древние греки использовали петушиные бои для “зажигания” своих солдат. Датчане во время войны всегда держали двух петухов. Одного — в качестве “будильника”, второго — для вдохновения воинов на бой. Германцы также имели с собой петуха для стимуляции бдительности (Gattiker, Gattiker, 1989).

Благодаря своим большим возможностям и связям с самыми разными божествами петух был универсальной птицей для жертвоприношений, часто использовался в ритуальных и магических действиях. Жертвы могли приноситься с самыми разными целями — для умилостивления богов и сил природы, для предотвращения болезней и несчастных случаев, для хорошего урожая, при постройке нового дома и т. п. В Югославии петух и курица были символом брачного единства, их приносили в жертву супруги (Gattiker, Gattiker, 1989). Вместе с тем для самих людей существовало множество запретов на употребление в пищу петухов и даже кур. Воистину они считались пищей богов. У одних народов был полный запрет есть их мясо, у других вводились существенные ограничения. Например, кельты в Британии не употребляли в пищу кур (Александровский, 1998), .

Другими “борцами” со злыми силами были дневные хищные птицы и иногда совы. Мотивация тут уже была другая — “цари неба” должны были отпугивать и разгонять нечисть своей силой. Айны, например, считали филина добрым богом, который своим уханьем предупреждает людей о грозящих опасностях и защищает от них (Фрэзер, 1980). По представлениям эвенков, орел — единственная птица, способная отогнать злых

духов от души шамана. У некоторых народов орлов содержали в домах как лучшее средство против отравы и колдовства.

У киргизов для облегчения тяжелых затянувшихся родов (нормальному их течению “мешал” злой дух) приносили ловчего беркута, очень сильного и добычливого в охоте. Его сажали рядом с рожаящей женщиной, обязательно сняв клобучек, поскольку злые демоны боятся прежде всего орлиного взгляда. Считалось, что если женщина благополучно разрешилась от бремени, то беркут обязательно должен погибнуть. Не каждый охотник, поэтому, соглашался предоставить свою птицу для помощи роженице. Могли приглашать и самого беркутчи (охотника с беркутом), который, как считалось, тоже обладал способностью устрашать и изгонять злых духов. Для подобных целей в Средней Азии использовались также ловчие сокола или ястреба (Симаков, 1998).

Вообще орлу приписывалась большая магическая сила. Плиний писал, что его изображение на изумруде оберегает от саранчи, перья изгоняют клопов. В Тироле считалось, что орлиный пух на шляпе обостряет зрение. Правое крыло в древности использовалось для защиты от града. В Исландии верят, что когти орла могут предотвратить пожар. В Альпах они использовались в качестве амулета (Gattiker, Gattiker, 1989).

В Средней Азии и Казахстане верили в чудодейственную силу сов. Перья с груди и живота филина ценились как дорогой талисман, оберегающий детей и скотину от “дурного глаза”. Еще в конце 1920-х годов они нередко красовались на тубетейках узбекских детей. По местным верованиям, когти филина защищают от лихорадки, избавляют от бесплодия (Пукинский, 1977).

Ласточка считалась хорошим “офтальмологом”. В одном руководстве по способам лечения XIV века можно было прочитать следующую рекомендацию: “Кто увидит первый раз ласточку, должен три раза сказать: “Я прошу тебя, ласточка, чтобы мои глаза не слезились и не болели”. Вера во влияние этих птиц на зрение имеет древние корни. Еще греки и римляне верили, что поврежденные в результате несчастного случая или даже выколотые глаза у ласточки быстро восстанавливаются. Об этом писали Аристотель и Плиний. “Ласточкины

снадобья” использовались в народной медицине вплоть до средних веков (Gattiker, Gattiker, 1989).

Во Франции бытовало такое поверье: кто носит с собой лапки жаворонка, может не бояться врагов, он всегда возьмет верх. Песне соловья также приписывалось магическое действие. Она приносила спокойную смерть умирающему и быстрое исцеление больному (Gattiker, Gattiker, 1989).

После Тридцатилетней войны в Вогтланде разразилась страшная эпидемия чумы. Люди умирали сотнями, некоторые села обезлюдели полностью. Как спаситель прилетел с севера через Рудные горы белый ворон. Он кричал о том, что нужно есть одно растение, которое исцелит больных (Gattiker, Gattiker, 1989).

У многих народов болезнь представлялась как животное или злой дух, сидящий в теле человека. Отсюда берут начало многочисленные поверья о том, что птицы являются предвестниками или даже разносчиками болезней. Но для нас более интересным является другое развитие этой темы: птицы как спасители от несчастья. В различных немецких землях существуют предания о том, как птицы помогали людям во время эпидемий чумы, подсказывая пути спасения. Например, в песнях птиц люди слышали призыв есть определенное растение, которое излечивало от “черной смерти”. В Саксонии верили, что клест забирает на себя все болезни из дома (Gattiker, Gattiker, 1989).

Подобные представления пришли к нам из глубокой древности. Для первобытного человека было характерно представление о том, что тяжесть собственных страданий и грехов можно перенести на другого. Нередко для этого использовались животные. У батаков с острова Суматра был обряд под названием “изгнание проклятия”. Если женщина бесплодна, в жертву богам приносили трех кузнечиков, символизировавших корову, буйвола и лошадь. Затем выпускали на свободу ласточку, молясь, чтобы проклятие пало на голову птицы и улетело вместе с ней. Широко распространены были подобные обычаи повсеместно. Жители Богемии считали, что для излечения от лихорадки нужно найти до восхода солнца гнездо бекаса и забрать одного птенца. Его нужно держать с собой три дня, а за-

тем выпустить на волю. Лихорадка перейдет к бекасу. Инду-сы в ведические времена подобным образом лечили чахотку при помощи сойки, а желтуху жрец во время специального обряда переносил на желтых птиц — попугаев, дроздов и трясогузок (Фрэзер, 1980).

В античные времена радикальным средством от желтухи считалась золотистая ржанка. Достаточно было одного ее взгляда на больного. Торговцы птицами по этой причине выставляли ржанок хорошо закрытыми, чтобы кто-нибудь не излечился “на халяву” (Gattiker, Gattiker, 1989). Вот что писал об этом Плутарх: *“Природа и темперамент этой птицы таковы, что она выманивает болезнь наружу и посредством взгляда принимает ее как поток на себя”* (цит. по: Фрэзер, 1980).

У казахов при лечении болезни шаман приносил орла-могильника, курицу, голубя или другую птицу и клал около больного или же давал ему держать в объятиях. Делалось это для того, чтобы болезнь перешла к птице (Диваев, 1903, цит. по: Симаков, 1998).

Пернатые обитатели мифов и легенд

Страж и благодетель

Известный орнитолог Р.Т. Петерсон называл белых аистов “часовыми крыш”. Неизменно сидящие на верхушках построек птицы действительно напоминают пернатую стражу. Не удивительно, что в европейской геральдике аист нередко олицетворял бдительность в борьбе с врагами (Панченко, 1996). Отношение к этой птице у самых разных народов можно кратко передать двумя словами — защитник и благодетель.

Всем хорошо известно народное поверье, что белые аисты приносят детей. Карикатуристы придумывают на эту тему массу рисунков, поэты — стихи. Изображения аиста, несущего запеленанного ребенка, кочуют по свадебным, поздравительным

открыткам. В швейцарских селах в день, когда в семье появляется новорожденный, над домом вывешивают флаг с вышитым изображением аиста, держащего младенца. Но, оказывается, это лишь незначительная часть поистине волшебных способностей этих птиц.

Белый аист стал священной птицей у многих народов. Об этом говорят хотя бы многочисленные легенды, сказки, поверья, пословицы. По свидетельству Плутарха, в Тессалии того, кто убил аиста, карали смертью. Со времен Аристофана и Софокла в Греции аист был олицетворением заботы о родителях. Считалось, что когда старые птицы становились слабыми и теряли оперение, молодые выщипывали у себя перья и “одевали” родителей. Это поверье было так хорошо известно среди античных народов, что даже дань благодарности называлась “антипеларгосис”. Происходит она от греческого названия белого аиста — “пеларгос”. Это поверье в той или иной форме существует и поныне у многих европейских народов, хотя еще Аристотель называл подобные истории “болтовней”. Изображения аистов можно увидеть на многих античных произведениях искусства, на греческих геммах, а в Македонии их чеканили даже на монетах. Аптекари включили изображение аиста в свой щит, как символ благодеяния. У зороастрийцев аист обозначал один из годов календарного цикла.

Священной птицей был белый аист у армян. Он считался защитником полей. Два аиста олицетворяли солнце. В мифах эта птица (по-армянски арагил) фигурирует как вестник одного из главных армянских языческих богов Ара Гехецика. Это был умирающий и воскресающий бог, подобный финикийскому Таммузу, египетскому Осирису, греческому Адонису. Он символизировал годичный цикл — отмирание и оживание природы. Очевидно, вестником этого бога не зря стал именно аист, ведь он прилетает рано весной и “приносит” с собой тепло. Армяне также верили, что аисты — это люди из дальних стран, которые лишь на короткое время одеваются в перья (Мифы народов мира, 1980–1982). Интересно, что выбрасывание птенцов из гнезда объяснялось тем, что перед отлетом аисты приносят одного из своих детей в жертву богу.

У древних германцев белый аист также был посланцем бо-

гов. Он считался вестником богини Хольды, которая приносила весной возрождение природы. Ее появлению предшествовали посланцы — аист и ласточка.

Очень уважают аистов мусульмане (правда, это не мешает во многих исламских странах охотиться на них). Азербайджанское название белого аиста — “хаджи-лелейк”, арабское — “хаджи-лаклак”, т. е. аист-паломник. По арабским поверьям, в аистов превращаются души мусульман, которые за свою жизнь так ни разу и не совершили предписанного Кораном паломничества к гробу пророка Мухаммеда. Они вынуждены это делать ежегодно уже после смерти как птицы. Поэтому каждый, кто умертвил аиста, является убийцей. Марокканцы верили, что черногузы — жители далекого острова, которые на определенное время прилетают в облике птиц, а затем возвращаются и снова становятся людьми. В Фезе был даже госпиталь для раненых и больных аистов. Умерших птиц хоронили как людей.

Можно пройти из края в край почти все страны, где гнездится белый аист, — везде живут представления о том, что он наделен какими-то волшебными силами природы. В средневековой медицине его желудку даже приписывалось действие против всех ядов. В разных странах целебными считались также яйца и жир. Хотя бывало и по-другому. Однажды римский папа среди животных, запрещенных к употреблению в пищу как “нечистых”, назвал и белого аиста. Гурманы Древнего Рима употребляли аистиное мясо в пищу. Гораций назвал это “трагической приметой времени” (Hornberger, 1967).

У немцев, славян, прибалтийских народов белый аист с древних времен считался птицей судьбы, предвестником счастья и благополучия. В Украине крестьяне верили, что в дом, на котором появилось его гнездо, придет счастье и согласие, в семье прекратятся ссоры, дети будут расти здоровыми, их обойдут стороной болезни, у хозяина усадьбы будет хороший урожай на поле, в окрестностях гнезда будут хорошо родить фрукты. Село, в котором поселилось много аистов, могло рассчитывать на богатый урожай и не бояться засухи. Считалось, что черногузы хорошо разбираются в людях: селятся только у добрых и работающих. Более того, они могут “перевоспиты-

вать” людей, влиять на их дальнейшую судьбу. Так, поселившись на доме в котором происходили свары или кто-то тяжело болел, птицы приносили примирение и исцеление. Того же, кто разрушит гнездо или поднимет руку на саму птицу, будут преследовать злыдни и неудачи. За разоренное жилище аисты могут отомстить и сами: подожгут стреху или принесут змею во двор. Есть поверье, что за каждого убитого аиста судьба заберет у обидчика по ребенку. Тому же, кто спас или уберег черногуза, отблагодарится сторицей — его будут сопровождать счастье и удача. Если аисты вдруг оставляют усадьбу или весной не возвращаются к гнезду, значит можно ожидать какой-нибудь беды — пожара или смерти хозяина.

В Полесье просили у птицы урожая, приговаривая: “Бузьку, бузьку, на тобі галиопу, а ти мені дай жита копу, на тобі борону, а мені дай жита сторону, на тобі серпа, а мені дай жита снопа”. Галиопа — обрядовое печенье в форме птицы, по-другому называемое “жаворонками”. Просили у аиста и ветра при зное во время жатвы: “Іванько, Іванько, зашли нам трохи вітру, бо не здужимо жати”. Дети, которые хотели иметь сестру, по совету старших выбегали за ворота и кричали: “Буську, буську, принеси Маруську!”.

Считалось, что когда молодая девушка рано весной увидит первый раз пару аистов, выйдет в этом году замуж, одиночного — еще останется в девичестве. Специалисты по вещим снам уверяли, что если девушке часто снятся аисты — нужно ждать сватов. Если в первый день, когда в доме появится малыш, над ним покружит белый аист — ждет новорожденного счастливая судьба. Встретился весной первый раз черногуз в полете — год будет удачным, стоящий — не повезет. Сербы считают, что тот, кто впервые увидит стоящего аиста, будет здоровым, сидящего — не миновать болезней. Немцы верили, что увидевший первого аиста в полете будет в этом году много путешествовать. Летящая в сторону наблюдателя птица предвещала здоровье, стоящая же в поле — несчастье. Тот, у кого при встрече первого аиста были в кармане деньги, будет иметь их и весь год. В Познани рекомендовали при этом позвенеть деньгами, чтобы они и дальше водились в достатке. В Померании считалось, что если первого черногуза увидишь за поис-

ком корма или постройкой гнезда, и сам будешь весь год старательным, если же спящего или улетающего — ленивым (Gattiker, Gattiker, 1989).

Сходные поверья есть во многих странах Европы. Нередко они переходили из края в край, перемещались вместе с расселявшимися на север и восток аистами. Из-за этого бывает нелегко найти их первоисточник, проследить развитие образов. Например, еще в прошлом веке поверье о том, что белый аист приносит детей, в Швейцарии было неизвестно. Оно пришло в эту страну из Германии (Gattiker, Gattiker, 1989). По мнению М. Панькива (1999), на Покутье (Ивано-Франковская область) эти представления были также принесены из других местностей. Аиста с рождением ребенка связывали редко.

По всей Европе, да и за ее пределами, в Турции, например, распространены представления о том, что гнездо аиста защищает от удара молнии и пожара. Белый аист у многих народов считался птицей бога грома, поэтому такая связь не удивительна — не может же тот поразить своего посланца. На Волыни даже советуют в грозу прятаться под деревом с аистиным гнездом. Правда, нет правил без исключений. В некоторых местностях Мекленбурга (Восточная Германия) считается, что, наоборот, гнездо белого аиста “притягивает” молнию. По представлениям жителей средневековой Европы, черногузы могли спастись от пожара и не только магическим путем: при появлении пламени они приносили в клювах воду и поливали гнездо и крышу. Считалось также, что аисты могут и уносить птенцов в безопасное место. По одному из дошедших до нас преданий, в голландском городе Дельфт во время большого пожара часть птиц унесла аистят, другие же накрыли их крыльями да так и сгорели вместе с ними (Gattiker, Gattiker, 1989).

Интересно, что выбор мест для устройства гнезда белым аистом мог еще больше усилить “священный трепет” перед ним. У славян широко распространен в качестве оберега от молнии так называемый “громовой знак” — круг с 6 радиусами или шестилепестковая розетка. На севере он вырезался на причелинах изб. В Украине же, где деревянная резьба отсутствовала, функцию “громоотвода” выполняло старое тележное колесо, помещенное на соломенной кровле хаты или сарая (Ры-

баков, 1987). Весьма вероятно, что именно эти колеса и были облюбованы аистами. Устанавливать их специально для птиц стали уже позже.

Если о том, как наши предки начали привлекать аистов на гнездование, мы можем только догадываться, то на вопрос зачем они это делали можно ответить более определенно. Первоначально это несомненно было магическим действием. Оно сродни молитвенному обращению к перелетным птицам и другим обрядам аграрной магии. Логика тут вполне понятна: если присутствие аистов приносит такое благо, нужно его обеспечить. В одном из населенных пунктов Восточной Пруссии, чтобы побудить этих птиц заселить гнездо, в него даже клали кусок серебра (Tolkmitt, 1960, цит. по: Hinkelmann, 1995). Форма первых искусственных гнездовых также говорит о многом. “Колесо Юпитера” да и просто колесо — один из древнейших солярных символов. В связи с этим не лишне вспомнить, что у армян два аиста олицетворяют солнце (Мифы народов мира, 1980–1982).

Интересные поверья об аистах есть в Германии. Считалось, что когда девушка увидит впервые весной летящего аиста — станет уже в этом году невестой, стоящего — кумой, если же он трещит клювом — женщины перебьют на кухне много посуды. Перелетит аист через дом с новорожденным — будет через год снова увеличение семьи. Крестьяне верили, что если у хозяина усадьбы зимой умрет жена, то весной аисты в гнездо уже не вернуться. Считалось, что эти большие птицы несут на своих крыльях в Африку пернатую мелкоту. Осенью перед отлетом вожаки устраивают “аистинные суды” и убивают или изгоняют старых и немощных птиц, которые не смогут выдержать дальнейшее путешествие. Жители Швабии полагали, что если бы аист умел говорить, он смог бы поведать немало человеческих тайн, поскольку видит и слышит все вокруг. Но иногда птица хочет о чем-то предупредить и трещит клювом. В одном из городов в Баден-Вюрттемберге сохранился с давних времен интересный обычай. В “аистинный день” ходит по улицам человек в высоком черном цилиндре с муляжом двух черногузов на нем и собирает лакомства для детворы, которая толпится следом. Оставила свой след птица и в языке. Например, в

одном из диалектов в Нижней Саксонии последний весенний снег называют “аистиным снегом” (Schüz, 1986). Подобно этому в Турции бурю в конце марта также называют “аистиной”.

Поскольку белый аист приносит детей, естественно, множество примет и гаданий связано именно с продолжением рода. В Богемии считали верным предзнаменованием близкой свадьбы, если на дом села пара черногузов. В Ольденбурге верили, что когда аисты загнездятся на доме новобрачных, у них появится столько же детей, сколько будет птенцов в гнезде. На острове Рюген считалось: если аист в этом году не отложит яиц, значит в доме не родится ребенок. В Вестфалии верили: погиб в гнезде аистенок — можно ожидать в доме смерти ребенка (Gattiker, Gattiker, 1989).

В Германии, Швейцарии, Бельгии, Польше и ряде других стран неизменно считали дурной приметой, если аисты больше не возвращаются весной к старому гнезду на доме или начинают его отстраивать, а затем бросают. В таком случае можно ожидать пожара, болезни или других неприятностей. Люди верили и в то, что черногузы могут предупредить о надвигающейся беде. Перед пожаром, например, они поднимают страшный шум, могут уносить птенцов или даже переносить гнездо в новое место (Gattiker, Gattiker, 1989). Такая “предусмотрительность” аистов объясняется тем, что по представлениям многих народов им, как и многим другим птицам, было дано видеть будущее.

А вот несколько литовских примет. На чьей крыше сидит аист, там не будет пожара. Если аист где-нибудь долго не был, а затем появился, там непременно кто-нибудь женится или выйдет замуж. В гнездо аистов надо вложить 5 копеек, тогда эти птицы всегда там будут жить. Аист приносит счастье тому человеку, на чьем доме он сидит: первый раз улетаая, в знак благодарности оставляет перо, второй раз — яйцо, третий — птенца.

Гагаузы полагают: сколько увидишь весной аистов и сколько их сосчитаешь — столько килограммов пшеницы у тебя и уродится. Нельзя гневить аиста, ибо он может наслать грозовую тучу.

В мифологии многих народов белый аист считался связан-

ным со стихиями огня и воды. Зародились подобные поверья скорее всего из-за представлений о нем как посланце неба: дождь идет с неба и молния — небесный огонь, но реальные наблюдения за поведением птиц “подтверждали” и усиливали эти верования. Белые аисты часто кормятся возле водоемов. Охотно они собираются на выгоревшие участки высокотравья, где насекомые и другие мелкие животные становятся легкой добычей. Причем увидеть этих птиц можно даже сразу за бушующим пламенем (Thiollay, 1971; Sára, 1973; Тараненко, 1992). “Огненная” окраска клюва и ног могла способствовать закреплению таких представлений. Отсюда поверья о защите построек с аистиными гнездами от пожара или наоборот, подожженный в отместку дом, “ответственность” черногузов за дожди и т. п. Дошли до нас и многочисленные приговаривания. Так, в Полесье обращаются к аисту: “Иване, Иване, дай люльку закурити” или “бузьку, викреши вогню”.

В Западном Судане широко распространено охотничье поверье о том, что аист, которого ранили стрелой, забирает ее с собой в небо. Когда охотник проходит мимо этого места, стрела падает на него назад и смертельно ранит (Hornberger, 1967).

Множество поверий и примет связывает белого аиста с погодой. У болгар и сербов он предвещает дождь. Интересное поверье есть в Германии и Швейцарии: если весной аист прилетит чистым, надо ожидать сухое и теплое лето, если же грязным — оно будет холодным и мокрым (Hornberger, 1967). Крестьяне Брауншвейга (Германия) знали: если в марте аист старательно трещит клювом, значит весна будет теплой, а лето сухим и жарким. На западе Германии считалось, что поздний прилет аистов, да еще грязных, предвещает плохой год. По поведению черногузов можно было узнать о приближающейся непогоде — они стоят обеими ногами в гнезде, топорщат перья, прячут клюв под крыло или в оперение груди. Ранний отлет аистов предвещал раннюю зиму и наоборот (Gattiker, Gattiker, 1989). В Украине также есть много примет о погоде, связанных с белым аистом. Он приносит тепло и забирает его назад в вырий. Рано прилетел — будет теплое лето. Аист начинает беспокоиться — к плохой погоде. Активно трещит вечером клювом — завтра будет солнечный день. Стоит на од-

ной ноге — нужно ожидать похолодания. Если не улетает далеко от гнезда, а держится поблизости, — к непогоде. Если птица в ясный день придерживается сухого места, значит и следующий день будет солнечным. Перед тем, как поднимется ветер, аисты долго кружат возле своих гнезд. Когда в течение лета черногузы часто собираются в стаи и кружатся, значит наступающая осень будет холодная и ненастная. Но если они не начинают отлетать до Спаса, то будущая зима обещает быть мягкой и теплой. Перед хорошей погодой аисты охотятся на сенокосах, перед плохой — на полях. Есть и чисто земледельческие приметы. Например, хлопотали аисты у гнезд — время садить лук.

Но таким отношение к белому аисту было не всегда и не везде. Древние евреи считали его нечистой (не кошерной) птицей, хотя и прекрасной видом. Связано это с питанием лягушками и насекомыми (Федосеев, 1998). Известный немецкий орнитолог Э. Шюц (Schüz, 1966) провел специальный анализ изображений птиц на египетских фресках и барельефах. По его мнению, ни на одном из них нельзя с достоверностью узнать белого аиста. Из длинноногих птиц чаще всего встречаются серый и степной журавли. Первый из них был, очевидно, вообще наполовину одомашненным. Египетские художники не могли не знать белого аиста, ведь он в массе встречается во время весеннего и осеннего перелетов в долине Нила. Э. Шюц предположил, что эта птица и в Египте была по каким-то причинам табуирована. Отношение к аистам могло изменяться и через политические пристрастия. В Древней Греции, как уже говорилось, они были весьма почитаемыми птицами. Но во время турецкого ига все резко изменилось. Священную птицу турков греки ненавидели едва ли меньше, чем самих порабитителей.

Закономерен вопрос: с чем именно связано обожевление белого аиста у многих народов? Мы уже отмечали ранее, что основа его почитания имеет, скорее всего, комплексный характер (Грищенко, Борейко, 1988; Грищенко, 1996). Анализ религиозно-мифологических представлений позволяет сделать ряд интересных выводов. Прежде всего, заметно их сходство у многих европейских народов. Весьма вероятно, что они имеют

общее происхождение для всех индоевропейцев и уходят корнями во времена праиндоевропейской языковой общности (Грищенко, 1998).

В Европе исходной формой культа белого аиста был тотемизм. Это наиболее древняя причина его почитания, уходящая корнями глубоко в каменный век. В народных верованиях и фольклоре прослеживаются многочисленные отголоски тотемизма. Весьма распространены представления о том, что улетая на зиму в дальние края, аисты превращаются там в людей, что они понимают человеческий язык, что аист — превращенный в птицу за грехи или околдованный человек и т. п. По древним германским верованиям, осенью аисты возвращаются в светлое царство богини Хольды в стране эльфов, где снова принимают человеческий облик. Французы верили, что родиной этих птиц является гора Синай, где с них снимаются чары, и они живут в виде людей. В европейских странах есть множество легенд и сказок о превращенных в аистов людях, об общении птиц с людьми, о взаимопомощи и т. п. Не удивительно, что в средневековой Европе за ущерб, причиненный аистам, карали почти так же сурово, как и за преступления против человека. В бюджетах некоторых городов выделялись специальные средства для помощи этим птицам — ремонта и защиты гнезд, подкормки и т. д. (Gattiker, Gattiker, 1989). Есть поверье, что аисты одного из птенцов приносят в жертву Богу. Это, с одной стороны, попытка объяснить наблюдаемое в природе явление — уничтожение родителями части потомства, с другой — сближение аистов с людьми. Обычай принесения в жертву детей не был редкостью в древних культах (Крывелев, 1975). Вспомните, хотя бы, известный библейский сюжет о жертвоприношении Авраама. Встречается обычай давать аистам человеческие имена. Это отмечено, например, у славян (Толстой, 1984; Скуратівський, 1998), а также в Северо-Западной Африке (Schüz, 1986).

Видимо, к тотемизму восходит и упомянутое выше поверье, что молодые аисты любят своих родителей и трогательно заботятся о них. Здесь мы также видим сближение с человеком — давний культ предков. В Швабии (Германия) считается, что белый аист имеет образцовую семейную жизнь и сердечно

любит своих детей. Во время перелетов эти птицы также предпочитают держаться парами. Если прилетевший аист снова исчезает, это значит, что он должен разыскать свою подругу (Hornberger, 1967). Все это скорее всего также пережитки давних тотемистических представлений. По крайней мере на реальных наблюдениях в природе эти поверья основываться не могут. Семейная жизнь аистов и отношение их к птенцам далеки от человеческих представлений об идеале (см., например, Грищенко, 1996б).

Некоторые ученые считают, что белый аист был тотемом у пеласгов — догреческого населения Греции. Страбон называет их пеларгами. “Пеларгос” — греческое название белого аиста, отсюда вывод о том, что он вероятно был тотемом этого народа (Грейвс, 1992). Было также фракийское племя киконов, чье название созвучно латинскому “ciconia” (Тараненко, 1995). Впрочем, с тем же успехом оно может быть связано и с греческим названием лебедя — “кикнос”. Лебеди также играли очень большую роль в верованиях древнего человека.

У мусульманских народов большое влияние на отношение к белому аисту оказали давние анимистические представления. По всему миру были широко распространены поверья о том, что после смерти душа человека превращается в птицу. Культ аиста-паломника имеет два древних корня — анимизм и тотемизм. С пережитками тотемистических представлений связан другой вариант поверья — в аистов превращаются жители далекой страны, чтобы посетить Мекку.

В Европе большое влияние на возникновение культа белого аиста оказали представления о нем как о вестнике весны и посланце богов. С этим связано множество традиций, поверий и легенд. Приход весны, конечно, радует всегда и всех, но в наибольшей степени он важен земледельцу. Все-таки охотник, рыбак да и скотовод имеют возможность добывать пищу и в другое время года. Поэтому можно предположить, что комплекс верований, связанных с прилетом аистов, сформировался лишь после появления земледелия.

Сыграли свою роль и особенности питания. Белый аист у многих народов считается защитником полей да и вообще избавителем от всякой напасти. Особенно важным для человека

было уничтожение саранчи. Л.И. Тараненко (1992) считает, что белый аист был выделен человеком среди прочих птиц именно как специализированный потребитель саранчовых. Это и послужило основной причиной сакрализации. Мы совершенно согласны с ним, что такая специализация в питании была одной из важных причин почитания, но она отнюдь не является единственной. Только лишь питание саранчой не может объяснить весь комплекс верований, связанных с белым аистом. Кроме того, ее активно поедают и другие птицы, а во время массовых налетов на этих насекомых и вовсе переключается множество видов. Тем не менее столь видное место в народных верованиях занял именно белый аист.

На древнегреческих геммах часто изображали сцены битвы аистов со змеями (Hornberger, 1967). Белый аист может съесть гадюку или ужа, принести их птенцам в гнездо, но это бывает не настолько часто, чтобы придавать столь существенное значение. Такой сюжет — аллегория. Это все тот же мотив защиты, причем не просто от опасных для человека тварей. Символика тут более глобальная. По А.Ф. Лосеву (1957), змеевидность мифологического персонажа всегда указывает на близость земли и пользование ее силами. Змея часто олицетворяет стихийную мощь земли, силы природы, враждебные человеку. Здесь мы видим аналогию весьма распространенным в религии и мифах “змееборческим” сюжетам. Просто небесные силы воплощает не Святой Георгий, а птица. Видимо, отсюда и берет начало значение белого аиста в геральдической символике.

Нельзя сбрасывать со счетов и особенности окраски птицы. Белый цвет принадлежит у многих народов к почитаемым, “чистым”. Вспомним хотя бы белое убранство невесты, белых священных животных — быков, соколов, слонов, тигров и др., белого голубя мира (а отнюдь не сизаря!), Белобога в противоположность Чернобогу и т. д. У пруссов белый конь был символом бога Перкуна (аналог славянского Перуна). Его могли использовать для поездок только высшие священники (Hinkelmann, 1995). У монголоязычных народов белый цвет — цвет молока — вообще считается священным (Чешкова, 1999). Почитают его и тюркские народы. Ловчие птицы с белым или даже светлым оперением считаются особо ценными.

Наконец, еще один важный фактор — синантропность белого аиста. Анализ показывает, что она не могла быть среди исходных причин, но способствовала закреплению и усилению почитания этой птицы (Грищенко, 1998).

На примере белого аиста можно проследить как быстро распространяются связанные с птицами традиции и поверья. Так, северная половина Прибалтики была заселена им лишь на протяжении последних столетий. Еще в XVIII в. граница распространения белого аиста проходила по реке Даугаве. Северной границы Латвии он достиг только во второй половине прошлого века (Янаус, 1983). Тогда же черногуз появился в Эстонии и соседних губерниях России. Вслед за ним пришли и новые традиции. Народная латышская мудрость учит: если поднять аистиное гнездо на дерево всей семьей, дружно помогая друг другу, аисты в усадьбе обязательно поселятся. В Эстонии бытует схожий обычай: молодожены водружают на крышу колесо от телеги. Если оно приглянется аистам и совыют они гнездо — значит брак будет счастливым. Брянскую область белый аист также заселил совсем недавно — с конца прошлого века со стороны Украины и Белоруссии. Тем не менее этнографы там нашли уже обычный “набор” из ряда основных поверий (Зайцева, 1996).

Черному аисту повезло меньше. Отношение к нему людей, за редкими исключениями, было гораздо менее доброжелательным. Почему он не занял столь же выдающееся положение в представлениях человека, как его близкий родственник? Найти ответ на этот вопрос может помочь анализ причин разного отношения к этим птицам (Грищенко, 1998). Черный аист несомненно тоже был в древности тотемом, как и множество других птиц. В пользу этого говорит, например, находка выполненного из кости изображения головы аиста на неолитической стоянке III тыс. до н. э. в Рязанской области (Белик, Тараненко, 1996). Изображения тотема или частей его тела делали в больших количествах для ритуальных целей и в качестве оберегов (Соколова, 1972). Это также перелетный вид, он вполне мог бы быть вестником весны, а значит и посланцем богов. Мог бы черный аист и гнездиться в поселениях человека. Известны находки его гнезд на постройке в лесу (Franke,

Meу, 1994), на триангуляционной вышке и возле автостоянки (Schröder, Burmeister, 1995), а в Гомельской области пара даже поселилась в старом гнезде белого аиста на лесном хуторе (Tcherkas, 1995; И.Э. Самусенко, личн. сообщ.). Да и на Ленкоранской низменности он еще совсем недавно гнезвился рядом с человеком (Спангенберг, 1951).

Как видим, есть много тех же предпосылок, которые послужили сакрализации белого аиста. В чем кардинальные отличия этих двух видов, повлекшие за собой столь разное отношение людей? Прежде всего это питание и окраска. Рыбоядная птица была уже пищевым конкурентом, но никак не защитником и “благодетелем”. Черный цвет у многих народов вызывает мрачные ассоциации. Интересно, что в древнеиндийском языке даже вороного коня называли серым. Объясняется это эмоциональной значимостью названий цвета. Черный — означает смерть и несчастье, поэтому употреблялась смягчающая замена (Порциг, 1964). На что уж петух — гроза всевозможной нечистой силы, но именно черный петух нередко символизировал смерть и зло, использовался в колдовских целях (Мифы народов мира, 1980–1982).

Понятно, что не везде и не ко всем черным птицам было негативное отношение, но на черном аисте это отразилось точно. Современное эстонское название аистов, относившееся сначала лишь к черному, — “toonekurg”, что можно перевести как “птица потустороннего мира”. Toonela — царство мертвых, загробный мир (Schüz, 1986). Будет ли кто-то радоваться гнездованию у себя на крыше посланца из мира теней? Не будем забывать, что птицы для древнего человека однозначно были связаны со сверхъестественными силами — как светлыми, так и темными.

Вместе с тем, черного аиста и не преследовали. До начала “просвещенного века”, когда “вредной рыбоядной птице” была объявлена настоящая война. Это послужило одной из главных причин катастрофического сокращения численности вида в Европе (Грищенко, 1994). Ничего подобного в древности не было. Охотничьим видом черный аист не являлся. По крайней мере остатков его нет в “кухонных отбросах” древнего человека на территории стран СНГ. Известны лишь единичные находки:

кость на неолитической стоянке в Московской области (Карху, 1990) да остатки в отложениях X–XIV вв. в Западной Беларуси (Бурчак-Абрамович, Цалкин, 1972).

В.П. Белик и Л.И. Тараненко (1995, 1996) на этом основании предполагают, что черный аист в древности был священной птицей. Вполне возможно, что в этом есть рациональное зерно, хотя сама эта гипотеза и имеет много слабых сторон (Грищенко, 1996в, 1998). Прежде всего предполагаемая священность черного аиста ни в коей мере не объясняет отсутствие его остатков в археологических памятниках. В примитивных религиях были распространены обычаи ритуального убийства священных животных, причащения их мясом, торжественного захоронения (Фрэзер, 1980). Известны целые “кладбища” из черепов и костей лап медведей, связанные как раз с медвежьим культом (Рыбаков, 1994). Вполне вероятно другое объяснение — черного аиста просто старались не трогать. Не только финно-угорские племена могли видеть в нем птицу, связанную с потусторонним миром. Убить или обидеть ее — значит накликать несчастье, а уж тем более не может она быть охотничьей добычей. Ведь считается же дурной приметой убить паука, хотя сами они особой любовью у нас и не пользуются.

Черный аист был священной птицей у викингов. Его древнее название — *Odensvala* (ласточка Одина). На юге Швеции сохранилось немало топонимов, связанных с ним (Forsberg, Aulén, 1993).

Греки называли черного аиста “меланопеларгос”, не путая его с близкими видами. По их представлениям, эти птицы двигались перед стаями белых аистов в качестве проводников или охраны (Hornberger, 1967). Иногда черных аистов считали “князьями” белых. Кое-где в Украине и по сей день верят, что судьей белых аистов есть их черный родственник. Нередко черный аист воспринимался просто как диковинка на фоне привычных и хорошо известных любимцев. В общем, “белая ворона” наоборот. Но в тех местах, где черного аиста отродясь не видели, его появление может вызывать и суеверные страхи — предвестие несчастья и т. п. О таком случае в Винницкой области, например, рассказывал С.А. Лопарев.

Белобрюхий аист — “податель дождя” — стал священной птицей у ряда африканских народов, о чем уже говорилось в главе о миграциях. Интересно, что в Судане он имеет для местных жителей во многом такое же значение, как и белый в Европе. Его считают “стражем деревни”, он приносит счастье и детей, правда, только мужского пола (Schulz, 1988).

В народных сказках и легендах белый аист неизменно выступает как положительный герой, помогающий людям в тяжелом положении, приносящий счастье, удачу, богатство.

... Давно это было. Напали татары на украинское село. Многих его жителей убили, остальных повели в неволю. Только младенцев бросили на пепелище — не выдержат они дальнего пути. Нечего с ними возиться. Увидели это аисты. Стали звать казаков на помощь. Но далеко они ускакали на резвых конях, не слышат. Тогда птицы ухватили детей в клювы и поднялись с ними высоко в небо. Далеко разнесся детский плач, услышали его воины. Бросились казаки спасать семьи. Догнали они орду и отбили жен и детей. С того времени аистов в Украине любят и уважают.

Другая легенда рассказывает, почему у этих птиц черные крылья. На соломенной стрехе хаты, в которой жила семья с двумя младенцами, было гнездо черногузов. Однажды хата загорелась, языки пламени скользнули по крыше. Засуетились аисты, стали звать хозяев, но они были далеко в поле и не могли их услышать. Тогда птицы бросились в окно и вынесли детей. С этого времени у них черные концы крыльев, красные ноги и клюв — обожгли в пламени.

В Молдове белый аист стал символом виноградарства и виноделия. Часто можно увидеть его изображения с гроздью в клюве. Вот что рассказывает об этом молдавское предание. Жестокие янычары осадили крепость Городешты. Как храбро ни сражались ее защитники, но силы их таяли. Уже кончилась пища, не было воды. Враги радовались, предчувствуя близкую победу. Но вдруг мощный порыв ветра заставил их пригнуть головы. Этот ветер поднял крылья сотен аистов, которые слетались к обреченному городу. В клювах они несли гроздь винограда с родной земли. Воины были спасены от голода и жажды. С новыми силами они бросились на яныча-

ров и разбили их. Есть и подобная украинская легенда — аисты принесли гроздья винограда запорожцам, которые страдали в татарской темнице.

Широко распространена легенда об аистиной верности. Когда из подложенного в гнездо чужого яйца (гусиного, куриного и т. п.) вылупился птенец, самец убил его и выгнал “изменницу-самку”.

Умеет черногуз и отблагодарить за помощь. Есть узбекская сказка о волшебном арбузе. Бедный крестьянин подобрал раненого аиста и выходил его. Птица быстро стала на крылья и в награду принесла своему спасителю небольшое арбузное семечко. Бедняк посадил его весной и через некоторое время увидел на своем поле огромный арбуз. Когда же его разрезали — вместо семечек посыпались золотые монеты. Узнав об этом, богатый сосед поймал аиста, перебил ему ногу, а затем понес домой лечить. Выздоровев, птица также оставила семечко, снова из него вырос невиданный арбуз. Но когда богач, собрав своих родственников и друзей, разрезал его, оттуда вылетели злющие осы.

У разных народов есть легенда о том, что аист — это превращенный в птицу за грехи человек. Он выпускал из мешка всякую нечисть — лягушек, змей, саранчу и т. п. Бог поручил человеку отнести этот мешок и бросить его в глубокую речку. Тот же не вытерпел и развязал мешок. Оттуда сразу же так и полезли его “обитатели”. Теперь провинившийся вынужден все это собирать уже в облике птицы.

Есть интересная легенда о том, как появился черный аист. Когда-то в селе жили два брата. Младший был честный и работающий, а старший — злой и ленивый. Когда к старшему брату на крышу прилетел аист, тот прогнал его. Младший же не только обрадовался птице, но и пристроил на крыше колесо, чтобы можно было построить гнездо. С тех пор, как у меньшого брата поселился аист, и урожай у него стал лучше, и корова начала давать больше молока, и сыновья росли здоровыми и не хворали. Старшему же наоборот — не везет ни в чем. То хлеба град побьет, то воробы вишни поклюют, то болячка какая прицепится. Проняла его черная зависть, и решил он отомстить брату. Однажды, когда все спали, поджег

его хату. Первыми переполошились аисты, разбудили хозяев. Деревянная мазанка сгорела быстро, но все-таки успели спасти семью и кое-какие пожитки. Только вот аистят спасти не удалось. Стали люди думать, какая же причина пожара. Вдруг слышат во дворе старшего брата какой-то шум, крики. Видят: налетела на него пара черных аистов, бьет крыльями, клюет клювами. Поняли все — он поджег. Думали люди, что черным оперение у аистов стало от сажи и копоти. Ждали, что отмоются они и снова станут белыми красавцами. Но шло время, а птицы оставались черными. И поняли люди, что почернели они от горя, как седеют люди. С той поры и гнездится черный аист подальше от людей в глухой лесной чаще.

Упоминается белый аист и в исторических преданиях. В 452 г. н. э. черногузы оставили гибнущий римский город Аквилею, где в то время было много их гнезд. Его обложили полчища Аттилы. Он уже хотел начинать длительную осаду, но воспринял отлет птиц как предзнаменование близкой победы и с ходу ворвался в город. Другое предание рассказывает, что за три дня перед переходом армии Людовика XIV через Рейн все аисты с немецкой стороны покинули свои гнезда, оставив даже птенцов, поскольку предвидели близкое опустошение края (Gattiker, Gattiker, 1989).

Народные названия всеми любимой птицы очень разнообразны. Происхождению русского слова “аист” посвящено множество работ. Ему уделялось, пожалуй, больше внимания, чем какому-либо из других названий наших птиц. Тем не менее проблема остается до конца не решенной. Существует множество гипотез, порой весьма фантастических и далеких от реальности. Трезвый анализ показывает, что наибольшего доверия заслуживает все же старая “классическая” версия (Грищенко, 1996в). Она звучит так. Из средневерхненемецкого диалекта было заимствовано слово “Heister”. Это одно из старых местных названий сороки. Современное ее наименование в немецком языке — “Elster”. “Heister” в польском языке трансформировалось в “hajster”, “hajstra”, затем перешло в украинский и белорусский языки и некоторые диалекты русского в форме “гайстер”. Название было перенесено на черного аиста. В дальнейшем это слово трансформировалось в “аист”. Эту

точку зрения разделяли многие видные лингвисты – Миклошич, Бернекер, Булаховский и др. Почему название было перенесено с сороки на аиста, птицу не родственную и ничем не похожую? Сходство как раз есть – это черно-белая окраска. Аналог подобного названия можно найти в современном русском языке – кулик-сорока. Назван он так именно благодаря контрастной черно-белой окраске. Если сократить название, получится просто “сорока”. Такой вариант, кстати, употребляется в профессиональном жаргоне орнитологов, занимающихся изучением куликов. Н.Н. Сомов (1897) приводит старое польское название черного аиста – “bosian hajstra”. Как видим, оно когда-то также состояло из двух слов. Есть еще обитающий в Австралии сорочий жаворонок. Назван он так по той же причине.

Сохранилось множество диалектных названий, которые можно выстроить в ряд, показывающий, как шло превращение: гайстер – гайстр, айст – аист. Есть также многочисленные их варианты – айстер, гарист, гарис, гастир, астер, оист и т. д. Некоторые из них могли возникнуть как искажения первоначального слова. Вероятно к таким искажениям можно отнести и распространенные на северо-западе России названия “калист” и “галис”. Слово “гайстер” известно в русском языке с XV в., “аист” – с XVII в. (Клепикова, 1961; Лебедева, 1992). Название “гайстер” осталось лишь в отдельных диалектах восточнославянских языков.

Русское наименование “аист” первоначально относилось только к черному аисту. Белый на территории России стал гнездиться лишь в XIX в. (Мензбир, 1895), поэтому вначале собственного названия в русском языке не имел. Вслед за ним из Белоруссии перекочевало название “бусел” и из Украины “черногуз”, стали возникать местные диалектные наименования. Позже слово “аист” стало официальным научным названием рода *Ciconia*. Таким образом, название “белый аист” не народного, а книжного происхождения (Клепикова, 1961; Лебедева, 1992). Аналогично, кстати, в украинском языке возникло название “чорний лелека”. Слово “лелека” – звукоподражательное, связано с клетотом и первоначально относиться к черному аисту никак не могло. Тот не трещит клювом.

В Украине наиболее распространенные названия белого аиста — “лелека”, “черногуз”, “бусол”, “бузько”, “боцян”, “гайстер”. Есть многочисленные их фонетические варианты — “бусько”, “бузьок”, “бусень”, “бушель”, “буся”, “боцюн” и т. п. В отдельных говорах встречаются и более редкие названия — “келечкало”, “клекотень”, “клек”, “неклеяка”, “бовдур”, “жабоїд”, “гова” и т. д. Иногда дают аистам и человеческие имена — Иван, Антон, Василь. Встречаются также названия типа “журавель”, “веселик”, “чапля”, относящиеся вообще-то к другим видам. Объяснить это можно как плохим знанием птиц современниками, так и отголоском давних общих наименований для этих сходных по виду птиц.

Название “бусол” распространено на Украинском Полесье и в Беларуси (“бусел”), “бузько” — в основном на Галичине и Подолии, “лелека” и “черногуз” — в центральных областях, “гайстер” больше характерно для центральных и северо-восточных областей, “боцян” встречается на Волыни (это слово пришло из польского языка).

Украинское научное и литературное название “лелека” имеет тюркоязычное происхождение. Само слово является звукоподражательным и связано с клетком. Это название имеет очень древнюю историю. “Лакалака”, “лаклакку” и подобные им звукоподражательные наименования употреблялись еще в Древней Месопотамии (Schüz, 1986). Очевидно отсюда они распространились на соседние страны, породив целое семейство названий. Они и поныне широко распространены в Средней Азии, Азербайджане, Турции, на Балканском полуострове, в арабских странах.

Происхождение слова “бусол” также во многом загадочно. Большинство исследователей производят его от древнерусского слова “бусый” — серый. Оно, в свою очередь, происходит от тюркских корней “buz” или “boz”. Но единого мнения у ученых по поводу этого названия нет.

Давняя связь белого аиста с человеком отображена не только в народном творчестве, но и во многочисленных географических названиях, фамилиях, геральдике, названиях и эмблемах различных предприятий и организаций. Так, в Украине есть фамилии Черногуз и Лелеченко; речки и ручьи Бузьків

Яр, Гайстрова Струга, Лелечий Потік, Лелечиха, Черногузка; села Боцянівка, Лелеківка, Черногузи и т. п. В разных странах Европы есть множество населенных пунктов, улиц, площадей с “аистинными” названиями. Белый аист изображен на гербах Тирасполя, Гааги, Шторкова, Гроссботвара, Темпельбурга, Альтлансберга и других городов. Некоторые природоохранные и орнитологические организации используют его в качестве эмблемы. Так, белый аист в полете изображен на эмблеме Немецкого природоохранного союза (NABU, ранее Немецкий союз по охране птиц, DBV). Есть многочисленные названия ресторанов, кафе, клубов, связанных с черногузом. Даже в Нью-Йорке есть “Аистинный клуб”.

По данным В.А. Панченко (1996), белый аист встречается на гербах 4 или 5 украинских городов. На гербе Беловодска (Луганская область) 1781 г. в верхней части щита изображен герб Воронежской губернии, в нижней — аист на зеленом фоне. На гербе Ананьева (Одесская область) 1847 г. в нижней части щита — на голубом фоне три аиста, стоящие на гнездах. Попал бузек и на герб города Бусска (Львовская область), очевидно, по созвучию названия (сам город получил название от реки Буг, на которой стоит, а отнюдь не от птицы, как можно подумать). На гербе местечка Щуровичи на Львовщине (сейчас село Радеховского района) на красном фоне был изображен серебряный аист, держащий в клюве змею. В средневековой западной геральдике это было символом бдительности в борьбе с врагами. Наконец, аист (по другим данным — журавль) с камнем в лапе был изображен на печати XVII в. города Дунаевцы (Хмельницкая область).

Дальние родственники аистов — цапли — в традициях и мифологии народов мира занимают не столь значительное место. Серая цапля считалась хорошим предвестником непогоды. Если она стоит грустная на берегу, значит приближается буря. Перед бурей цапля ложит голову на грудь и поворачивает ее в ту сторону, откуда ожидается шторм. Французские крестьяне говорили, что если осенью цапли стоят грустные и неподвижные на берегу, значит зима не за горами (Gattiker, Gattiker, 1989). Подобные представления видимо связаны с распространенным в древности поверьем, что в цапель превра-

щаются души моряков и рыбаков. Кому как не им лучше всех предвидеть перемену погоды. В Украине есть поверье, что перо цапли приносит счастье (Яблоновская, Боженко, 1996). С большой любовью и заботой к белой цапле относятся корейцы. Она у них священная птица.

Некоторые поверья связаны с выпью, в основном из-за ее характерного крика, напоминающего рев быка. В Украине эту птицу так и называют — “бугай”. Одни в этом крике слышали дурные предзнаменования, другие — наоборот. Немецкие крестьяне полагали, что если выпь начинает кричать рано весной, это предвещает хороший урожай. Эстонская легенда рассказывает, что в эту птицу был превращен Понтий Пилат за то, что позволил распять Христа (Gattiker, Gattiker, 1989).

В заключение несколько украинских народных загадок и песенок о лелеках.

Бузьку Іване,
 Дай мені сметани —
 Я ж ноги помащу,
 За тобою полечу.
 Бузьку Іван
 На капусту орав,
 Молодую дівчиноньку
 До роботи загаяв.
 Бузьку Микола,
 Крутися довкола —
 Завтра раненько
 Буде тепленько.
 Черногузе-дядьку,
 Зроби мені хатку,
 І ставок, і млинок,
 І цибулі грядку, —

* * *

Ой не коси, бузьку, сіна,
 Там росиця по коліно,
 Нехай сіно чайка косить,
 Що набік шапку носить.

* * *

Лелеко, лелеко!
До осені далеко?
— Як замовкнуть жаби,
Як померзнуть баби,
Тоді осінь настане,
Теж їсти не стане,
Полечу в кращий край,
На той рік дожидай.

* * *

Летів птах через дах,
Сів на воротах в червоних чоботях.

* * *

Які ноги заввишки, такий ніс завдовжки.

* * *

Хату на хаті має, всім жабам рахунок знає.

* * *

На вершку палати хатина,
А там пан високий.

Гуси-лебеди летели

Рочитание водоплавающих птиц уходит корнями также в глубокую древность. Знаком с ними человек испокон веков, поскольку люди сами старались сесть у водоемов, к тому же это всегда был традиционный объект охоты.

Гагары наибольшее культовое значение имеют у северных народов. Они довольно часто фигурируют в космогонических мифах, о чем говорилось в первой главе, причем могут участвовать не только в сотворении мира, но и в его устройстве после потопа. Некоторые племена почитали их как вестников весны. Это довольно распространенное тотемическое животное. Тунгусы считали гагару божеством воды. Шкурку или изображение гагары можно увидеть в убранстве сибирского шамана. Кеты считали ее птицей нижнего мира. С гагарой был связан первый великий шаман Дох. Падая с неба на землю, он обернулся гагарой и был убит людьми. Хотя шаман и кричал им, что он человек, те не распознали его в облике птицы и забросали камнями (Мифы народов мира, 1980–1982). Есть данные, что в Древней Греции около Мегары находилось святилище, где богине Афине поклонялись в облике гагары и баклана (Федосеенко, 1998). Интересно, что изображения гагар были обнаружены также на посуде у скифов — на ритуалах из кургана Куль-Оба и Чмырева кургана (Гаврилюк и др., в печати).

Есть древняя легенда о пеликане. Самка в порыве страст-

ных ласк убила собственных детей. Тогда самец разорвал себе клювом грудь и окропил их кровью. Птенцы снова ожили (Gattiker, Gattiker, 1989). По другой версии — пеликан кормит детей собственной кровью. Образ пеликана, разрывающего себе грудь или кормящего птенцов, стал широко использоваться впоследствии как символ самопожертвования. Он часто встречается в религиозной символике. В геральдике пеликан обычно изображается “кормящим детей своих” (Яблоновская-Грищенко и др., 1996). Пеликан в Скандинавии — эмблема доноров.

Пожалуй, наибольшей популярностью у человека во все времена пользовались лебеди. Это не удивительно — сильная и красивая птица, само воплощение грации. Опять же белый цвет оперения, что, как было показано на примере с аистами, тоже немаловажно. Почитание лебедей имеет очень древние корни. Изображения их археологи находят при раскопках поселений еще каменного века.

Лебедь связан со многими богами — Афродитой, Аполлоном, Зевсом, Брахмой и др., а также христианскими святыми. Зевс, увлеченный красотой Леды, прилетает к ней в облике лебедя. В фольклоре различных народов весьма распространен мотив превращения лебедя в девушку и девушки в лебедя. С детства нам хорошо знакомы различные варианты сказки о том, как юноша похищает у купающейся девушки-лебедя ее пернатое одеяние, чем лишает возможности превратиться обратно в птицу. Хорошо известны также легенды о “лебединой песне” и “лебединой верности”. Еще древние греки считали, что эти птицы перед смертью взлетают к солнцу с последней песней (Федосеенко, 1998). В художественной литературе лебедь символизировал поэта, певца, высоту поэзии (Мифы народов мира, 1980–1982). В геральдике это символ чистоты, целомудрия, возрождения, гордого одиночества, поэзии, смерти (Яблоновская-Грищенко и др., 1996).

В мифологии разных народов достаточно широко отражена связь лебедей с солнцем. У греков Аполлон улетает на зиму к гиперборейцам в колеснице, которую везут по небу лебеди. У славян эти птицы также сопровождали бога солнца. Изображение солнечного колеса, влекомого лебедями, встречается у

этрусков. В прикладном искусстве древности идея суточного движения солнца выражалась при помощи животных: днем светило везут по небу кони, а ночью по подземному океану водоплавающие птицы: утки, лебеди, гуси (Рыбаков, 1994). В Дрейней Греции лебедь считался олицетворением света. Германские валькирии имели тело лебедя (Штернберг, 1936).

Германцы считали лебедей птицами, которые могут предсказывать будущее. У греков они сопровождали богиню красоты Афродиту. По немецким народным верованиям, в лебедей превращались души юных дев, особенно чистых и добродетельных. Для моряков появление этих белых птиц над морем предвещает спокойное и благополучное путешествие. Более того, во многих местах лебедь почитался как защитник и покровитель моряков. Альдрованди писал, что лебеди предвещают дождь, когда роняют на воду капли или при купании погружаются в воду по плечи. В Швейцарии появление их на озерах считается предвестием близких холодов (Gattiker, Gattiker, 1989).

Культ лебедей, как считает этнограф С.Н. Кайдаш (1986), сохранился в славянских землях и после принятия христианства. В северных русских областях еще недавно вспоминали обычаи, как 21 сентября — в день рождества Богородицы — выпускалась на волю пара лебедей. Хранит память о них и топонимика. В Сумской области есть город Лебедин; на берегу нынешнего Киевского водохранилаща, близ Киева, — Лебедивка, в Карпатах текут речки Лебединка, Лебедишка и Лебединец. А в Киеве и в наши дни течет древняя, правда, изрядно загрязненная речка Лыбедь, названная в честь сестры основателей Киева — братьев Кия, Щека и Хорива.

В Украине о лебеде загадывают: “Белый, как снег, надутый, как мех, лопатами ходит, а рогом ест”. Лебедь — это символ девушки, тоскующей по милому. “Лебедина, лебедина, да на дівчину походила”, — поют в Украине.

Ой вийду я за ворота,
 Гуляю, гуляю,
 Як біла лебедочка
 По тихім Дунаю.

До наших дней дошли отголоски поверий и сказок, по ко-

торым к лебедям надлежит относиться осторожно и бережно. В одном из русских заговоров матушка увещевает доброго молодца: "... не пускать бы молодцу калену стрелу по поднебесью, не стрелять бы белых лебедей". Да как же иначе, если у славян лебедь со своей лебедушкой являлся воплощением супружеской верности, красоты и дородства.

"Плавай, плавай, лебедонько, по синьому морю, расти, расти, тополенько, все вгору та вгору", — поют и сейчас девушки в Украине. Почитают лебедя хоринские буряты. Он — тотем их рода. Весной они встречают лебедей чаем и молоком.

Лебедь считался священной птицей остяков, зырян, эвенков, бурятов, селькупов, народов Прибайкалья, чьи роды по поверью произошли от этой белой птицы. Если эмблема Эстонии — ласточка-касатка, Латвии — белая трясогузка, то Литвы — лебедь-шипун. "Кто убьет лебедя, с тем несчастье будет", — говорили татары и жители некоторых русских губерний. Лебедь — образ водяной стихии, с помощью лебединых сорочек девы превращались в птиц.

Лебедушка — символ чисто женский и плавание лебедей сопоставлялось с разными аспектами женской жизни. С плаванием лебедя против течения сравнивается грусть разлуки. В свадебных песнях лебеди расплетают навеки косу невесты. Лебедь с лебедятами — образ матери, обремененной семейством. Подобно другим птицам, лебедь говорит правду, которую видит и знает.

Лебедь у русских — распространённое ласковое обращение к женщине. В других песнях это часто символ девицы.

Уж не лебедь ходит белая,
По зеленой травке шелковой,
Ходит красна девица душа".

Невеста часто носит название "лебедушки и лебеди белой". В мордовской песне "Лебедь" поется:

"Птица хорошая — лебедь,
Птица прекрасная лебедь!
Богом любимый лебедь,
Богом хранимая птица.
Словно белый снег его перья,
Словно в черных чулках его ноги,

Словно медная труба у него шея,
 Словно медная братина зоб,
 Как серебряный клюв у лебеда,
 Кончик клюва его позолоченный.
 Лебеда послал вышний бог,
 Птицу послал бог Нишке,
 Над землей летать,
 В небесах парить,
 Жизнь людей посмотреть” (Морохин, 1994).

Очень хорошо относились к лебедю народы Сибири. Лебедь — название музыкального инструмента у остяков, лебеда не употребляют в пищу гиляки, ханты, якуты, не убивают — кумандинцы, чеканцы, тувинцы, зыряне, остяки. Его считают в прошлом человеком угры и кумандинцы, а остяки, нганасаны, селькупы — божественным. У кетов, якутов, селькупов и эвенков лебедь — птица священная.

В Сибири говорили: лебедей грешно есть, потому что они рождаются слепыми и сводятся по-собачьи. И еще: лебедей грешно есть, потому как они носят цветное.

М.И. Лебедева и Т.П. Шеварева пишут: “... по данным возврата колец по разным видам птиц от отстрела меньше всего колец было по белым аистам, лебедям-шипунам, деревенским и городским ласточкам. Их почти не стреляют” (Лебедева, Шеварева, 1960). И дай Бог, чтобы так и дальше было.

Этнограф С.А. Токарев писал по этому поводу: “... божьями птицами считались голубь, аист, журавль, соловей. Самой священной птицей считался в народе лебедь. Есть поверье, что эта птица была прежде женщиной. Стрелять лебедей грех, говорили на Севере, это поведет к беде. М. Пришвин рассказывает о своих разговорах с выговскими полесниками, свято соблюдавшими этот запрет. “Да вот покойник Иван Кузьмич, — говорили они ему, поясняя причину запрета, — убил весной лебеда, а к осени и помер, через год жена померла, дети, дядя, весь род повымер” (Токарев, 1957).

Интересно, что примерно такая же история, как рассказывал В.И. Гаранин, случилась и под Казанью.

Почитание лебеда отмечено также у бурятских родов, башкир, казахов, туркмен, киргизов и шорцев.

Не ясен-то сокол по горам летал,
Летал-то летал, лебедей искал,
Все лебедышек искал,
Он нашел-то, нашел на крутой горе,
На всей красоты сидят,
Все сидят-то, сидят все белешеньки,
Словно беленький снежок,
Что одна-то, одна, лебедь белая,
Всех поснарядливей,
Поснарядливей, да подогадливей, — поется в старинной русской песне.

По славянскому поверью, в лебедя превращался Белобог.

Гусь в мифологии часто выступает как птица хаоса, но вместе с тем и как творец вселенной. Гусь снес золотое яйцо — солнце (Великий Гоготун у египтян). В некоторых языках понятия солнца и гуся передаются сходно. В Китае гусь связан с небом и принципом ян. Он считается талисманом, помогающим в любви и браке. Гусь также воплощение святого духа, символ предусмотрительности и бдительности. У некоторых сибирских народов был так называемый “гусиный дух”, который ведал судьбой (Мифы народов мира, 1980–1982).

В египетской мифологии белый гусь — священное животное бога солнца Амона (наряду с бараном) и Геба (бога земли и ее природных функций). Великий Гоготун рождает солнце в облике белого гуся (Федосеев, 1998).

Гуси “прижились” на гербе украинского города Гусятина. У коми раньше строго-настрога запрещалось по весне стрелять уток и собирать их яйца. У эвенков гагара, чирок, кулик и бекас считались культовыми птицами. У долган (жители Таймыра) нельзя убивать краснозобую казарку. На русском Севере на избах и по сей день изображают гусей, веря, что эти птицы уберегут хозяев от беды.

У якутов и остяков гусь — бог птиц и птичьего промысла, у нганасанов и телеутов — помощник шамана, у угров — тотем.

В Украине ребята, увидев в небе по весне диких гусей, кидали им вслед соломинки с пожеланием: “Гуси, гуси! Нат

вам на гніздечко і на здоров'ячко, а нам на тепло!” Считалось, что гуси и журавли произошли из земли.

Хорошо известно выражение: “Гуси Рим спасли”. Тит Ливий рассказывает о том, что римского консула Манлия разбудили крики священных гусей, которые жили на Капитолии. Благодаря этому удалось отразить внезапную атаку галлов (Федосеенко, 1998).

У финских народов покровителем была утка. Утку объявили священной и народы, проживающие на восточных склонах Урала. Гуся — угорские остяки. У киргизов гагара — бедная мать, отчаявшаяся найти своего погибшего сына. По греческим мифам, утки спасли будущую жену Одиссея — Пенелопу, не дав ей утонуть.

У мари и по сей день сохраняется культ птиц. Они поклоняются утке — родительнице мира. Считается, что утки, летевшие на отмель, спасли мари во время потопа — повели за собой. Образ утки запечатлен в фольклоре (даже в русском — на исконно марийских территориях), в предметах материальной культуры. Сохранялись места обитания уток. Поклонение уткам, охрана их — это поклонение творческим силам природы, женскому началу.

Марийцы говорят, что утка — родительница мира. Именно она стала женой великого бога грома Укко и снесла огромное яйцо — землю. Когда невесту в свадебной песне величают утицей, ей воздают славу как существу, которому предстоит участвовать в великом деле воспроизводства рода. Кстати, во многих русских песнях слово “утушка” вытеснило традиционное “лебедушка”. Утиные движения — в марийском танце.

У киргизов атайка — огарь или красная утка — произошла из снохи пророка, рискнувшей выкупаться в запретном озере. Так как эта птица произошла от человека, то по мусульманским обычаям ее мясо в пищу не употребляют. У калмыков красная утка святая, она — “поп всех птиц”. У качинцев утка — воздушный бог, орочи считают, что от нее пошли первые люди.

Утка в украинской народной поэзии — женский символ, большей частью грустный. Молодец называет свою возлюбленную в ласкательном смысле уткую, а девицу, которую мо-

лодец любил, но которая просватана за другого, он сравнивает с застреленной уткой. В казацкой песне с уткой, плавающей по озеру, сопоставляется плачущая жена казака, ушедшего в поход. Селезень — образ молодца, вместе с уткой означает в народной поэзии любовную пару. Утка и селезень, подобно другим птицам, приносят вести. У зырян утка — любимое изображение. В виде уток делали коньки на крышах, предметы домашнего обихода.

В китайской мифологии Бииняо — чудесная птица, которая заключала в себе сущность двух уток, у каждой из которых было по одному крылу (красное и зеленое). неразлучность их тел символизировала счастливое супружество (Федосеев, 1998).

В древних славянских мифах говорится, что мир породила утка. Иногда она раздваивается и предстает в виде белого гоголя (который и есть Бог) и черного гоголя — сатаны (Вагурин, 1998).

Есть латышская легенда о происхождении гоголя. Девушку полюбил ее собственный брат и хотел на ней жениться. Родители были согласны, но девушка не могла и не хотела выходить замуж за брата. Она отправилась на берег озера, разделась, сложив одежду на маленький черный шелковый платок, и прыгнула в воду. Но Бог не дал ей утонуть, превратив в гоголя (Gattiker, Gattiker, 1989).

Гербовые птицы

К сожалению, у многих к хищным птицам (может быть, за исключением орлов и соколов) довольно плохое отношение. Верхом охотничьей доблести стало нынче умение разрядить ружье в любую птицу, у которой клюв крючком.

Но так было не всегда. Анализ словаря В. Даля показывает, что отношение русского народа к двенадцати видам хищных птиц еще в XIX веке было нейтральным, к двум — соколам и орлам — положительным, и только к четырем видам — коршуну, ястребу, пустельге, скопе — враждебным или неуважительным. Примерно такой же результат получен и при анализе украинских народных сказок. Наиболее любимая хищная птица у восточных славян — сокол. Из 80 упоминаний животных в бессмертном памятнике древности “Слове о полку Игореве” сокол упоминается больше всех других животных — 18 раз. В “Задонщине” из 48 упоминаний животных, 11 — упоминание сокола и кречета. Среди всех хищных птиц соколу в словаре Даля также посвящено больше всех пословиц и поговорок — 13, из них 4 — положительно окрашенные, остальные — нейтральные (Борейко, Грищенко, 1995).

Пернатые хищники испокон веков занимали важное место в символике. Они, прежде всего орлы, чаще других птиц изображаются на гербах. Так, из 373 гербов Черниговской губернии орел изображен на 22, он встречается чаще, чем любая другая птица (Яблоновская, Боженко, 1996). Вообще среди

“пернатых обитателей” гербов дворянства России и Польши преобладают орлы (Яблоновская-Грищенко и др., 1996). Орел и сокол чаще встречаются и на государственных гербах (Наріжний, 1997). По мнению Е. Кагарова (1913), изображение орла на гербах, знаменах и монетах развилось из изображения коршуна, первоначального символа победы у царей Востока. Он впоследствии был вытеснен орлом.

Прообразом гербовых орлов является беркут — наиболее сильная и величественная из этих птиц, к тому же широко распространенная на различных континентах. Его изображения были на оружии, гербах, печатах уже в глубокой древности — в Македонии, Эпире, Сирии, государстве Птолемеев в Египте, в Риме, позже — в Византии. В наше время орел на гербах Германии, России, Австрии и многих других стран, а также великого множества провинций, кантонов, департаментов, городов и т. п. Как символ высшего достоинства и доблести орел часто изображается на орденах. В средневековой Европе, подобно римлянам, орлов помещали на знаменах. Интересно, что древний египетский иероглиф, обозначающий орла, в конце концов превратился в хорошо известную нам букву А. “Палочки” обозначали спину и хвост, грудь и ноги, на верхушке была голова птицы (Gattiker, Gattiker, 1989).

Сокол у древних славян — первоптица и первобог мира. Он стоял у начала жизни на земле. Взгляд этой птицы был способен увидеть в первобытной темени зарождение жизни. Сокол загнезвился на прадереве и снес “яйце-райце”, из которого и произошел мир (Скуратівський, 1998). Его золотое оперение осветило вечную тьму. Сокол пустил мелкую слезинку, из которой появилось озеро живой воды. Он снес золотой желудь, из которого вырос прадуб — первое дерево. “Сокол”, “соколик”, “Финист-ясный сокол” означало на Руси ласковое прозвище доброго молодца, жениха. В Украине так поэтически называли любимого (“соколом прилинув”), красивых и сильных парубков, детей (“соколята”), даже матерей (“Соколихо-мати, коня не продати”). Нередко с соколами сравнивали казаков. Эта птица ассоциируется с такими чертами характера, как сила, отвага, верность, скорость и высота полета, острота зрения (Скуратівський, 1998).

Сокола входили в гербы городов и княжеских родов, играли огромную роль в дипломатических контактах Киевской Руси. Они были изображены на гербах украинских городов Сокаля, Соколова, Вознесенска (Панченко, 1996). Ханы Золотой Орды получали от русских князей в счет дани много ловчих птиц, особенно ценились сокола. Часто посылались они и в виде даров. Например, персидские шахи считали привозимых из России кречетов лучшим подарком. Даже если по пути из Москвы в Тегеран какая-либо птица погибала, посольство все же передавало шаху ее крылья и голову. Везти такие дары за границу могли лишь специально уполномоченные послы (Дементьев, 1951).

Как считает Т.А. Бернштам (1982), образ сокола у восточных славян обладает сложной многозначной символикой, в нем есть признаки древнейшего мифологического пласта, указывающего на связи с языческими божествами. Интересно, что сокол-балобан в языках западных славян называется “рарог”. Рарог — давний персонаж славянской мифологии. Это огненный дух, связанный с культом очага. Одним из его олицетворений был сокол. Предполагается его связь с древнерусским богом огня Сварогом (Мифы народов мира, 1980-1982).

Сокола, особенно ловчие, ценились очень высоко. Сага о Нибелунгах начинается описанием зловещего сна Кримгильды: два орла убили ее сокола, которого она вынашивала несколько дней. “На этом свете у нее не могло случиться большего горя”, — говорится в поэме. В песне о Сигурде светлый рыцарь Сигурд и темный рыцарь Куно добиваются руки Лизелотты Салернской. Она обещает выйти за того, чей сокол окажется лучшим при напуске на цаплю. В Исландии убивать кречетов строго запрещалось. По закону, действовавшему до 1752 г. за это карали смертью. Ловить кречетов могли только сами исландцы, получившие особые патенты на занятие этим промыслом. О добычливости ловчих соколов говорит древнее предание. С ними охотились дети Чингисхана. В конце недели они отправляли в Самарканд для раздачи народу по 50 верблюдов, груженных лебедями (Дементьев, 1951).

Интересно, что в одном из ханаанейских мифов битва Баала с богом Ямме описывается в терминах соколиной охоты:

одна палица “словно сокол из его пальцев” слетает с руки и стоняет бога с трона, другая настигает и ударяет в голову (Гордон, 1977).

У тюркских народов считалось, что отдавать или продавать ловчего сокола нельзя ни в коем случае, он равен душе хозяина и его жизни на земле. По представлениям народов Средней Азии, потеря на охоте ловчей птицы равносильна утрате ее хозяином души на какое-то время. В фольклоре подобные ситуации описываются многократно. Герой обретает покой и счастье лишь когда вновь находит потерянную птицу. По легенде, хан Золотой Орды Тохтамыш имел бесценную пару соколов, которые давали продолжение славной породе. Тамерлан смог победить его лишь после того, как получил несколько яиц от его соколов, чтобы вырастить подобных для себя и овладеть военным могуществом (Симаков, 1998).

О чеглоке у киргизов существует такая легенда. В давние времена жил прекрасный, благородный и храбрый юноша. Он горел желанием свершить подвиг на благо людей. По поручению своей семьи, хана, возлюбленной, он совершил немало геройских дел. Однако каждый раз он узнавал, что за даваемыми ему поручениями скрываются эгоистические интересы любимых и почитаемых им людей. Разочаровавшись в людях, герой обратился с просьбой к пророку, чтоб тот даровал ему полную свободу и освободил от служения человеку. Пророк обратил его в чеглока, поместив в семью благородных соколов. Чеглока не удастся приручить.

Культ орла универсален. Он широко распространен по всему миру, встречается у народов самых различных культур и рас, причем далеко удаленных друг от друга. Везде орел так или иначе ассоциируется с солнцем, то совершенно отождествляется с ним, то представляется его хозяином и в качестве такового — творцом, верховным божеством либо священной птицей верховного божества. Он является благодетелем и покровителем как отдельных людей, так и целых народов, птицей счастья, плодородия и т. п. (Штернберг, 1936). Наиболее ранний этап культа орла отражен в тех мифологиях, где он выступает в качестве самостоятельного персонажа, первоначально, вероятно, тотемистического происхождения (Мифы

народов мира, 1980–1982). Орлы были священными птицами в Бактрии, Ассирии, Вавилоне, Персии, Египте, Греции, Риме, Скандинавии, немецких землях и во многих других местах (Gattiker, Gattiker, 1989).

Вот что пишет о причинах обожествления орла Л.Я. Штернберг: *“Огромная сила этого хищного пернатого, дающая ему возможность уносить в своих когтях взвесь крупную добычу, в глазах примитивного человека ставит его выше самых крупных хищников сухопутных, окружая ореолом всемогущего существа. С другой стороны, несравненная сила полета, уносящая его в недостижимую высь, к самому небу, страшный огонь в его глазах, мечущих молнии, примитивному человеку говорят о связи его с солнцем, а, быть может, самое поразительное для примитивного человека — это обычная неагрессивность орла по отношению к человеку, и это-то превращало в его глазах эту птицу в благодетельное существо и покровителя человека. Наконец, в культуре орла, как в культуре некоторых других перелетных птиц, играло роль совпадение прилета его с наступлением весны и отлета с наступлением осени, что подало повод считать его существом, вызывающим явления времен года. Эти-то все очевидные свойства орла и создали универсальное поклонение ему, связав его с солнцем и верховным божеством”* (Штернберг, 1936).

В Древней Месопотамии орел был символом божества войны шумерской Нинурты, в Древней Греции — Зевса, в Риме — Юпитера. В ведийском гимне орел приносит священный напиток сому с неба для бога Индры. В библейской метафорике орел служит воплощением божественной любви, силы и мощи, юности и бодрости духа, а также гордыни. Орел — символ евангелиста Иоанна и один из четырех “апокалиптических зверей” (Мифы народов мира, 1980–1982). В индийских Ведах орел — само солнце. Позже под именем Гаруды он становится колесницей бога солнца Вишну. В то же время орел и Агни — бог огня (Штернберг, 1936).

Распространены поверья о необычайном долгожительстве орлов. Древние евреи считали, что они линяют и поэтому сохраняют свою молодость (Фрэзер, 1989). В словаре Памво Беринды (1627 г.) приводится поверье о том, что раз в 500 лет

орел купается в священном источнике и снова становится молодым (Скуратівський, 1998). В России “орлов камень” темно-красного цвета привязывали к ноге роженицы как символ вечности бытия и жизни (Федосеенко, 1998).

Есть поверье о том, что орел создает ветер. Если приснились два орла, это предвещает бурю (Gattiker, Gattiker, 1989).

Исследователь славянской мифологии П. Троцин в своей, к сожалению, не опубликованной рукописи, высказывает предположение, что первоначально “небо” и огромная птица “орел” обозначались у славян одним словом. Затем же под птицей стал подразумеваться “орел”, как самая большая из всех птиц. Именно от “неба”-орла стали именовать “орел-громовик”, птица бога грозы, птица громовика — Зевса, Юпитера, Перуна, Донара. Хлопанье ее крыльев — гром, сверкание глаз — молния.

На металлических изделиях изображения орлов обычно делают позолоченными. Относительно этого в Галиции есть поверье, что орлы постоянно собирают предметы из благородных металлов, которыми затем золотят и серебрят голову и хвост. Отсюда и многочисленные рассказы о том, что в гнездах этих птиц лежат золотые монеты (Скуратівський, 1998). Такие поверья могли возникнуть в связи с окраской птиц. У взрослого беркута и могильника верхняя часть головы золотистого цвета. Недаром английское название беркута — Golden Eagle (“золотой орел”). У молодого беркута основание хвоста белое. Вот вам и серебро.

Очень развит культ орла у многих сибирских народов. Значение его весьма многообразно. У якутов он хозяин и повелитель солнца. Крик орла заставляет солнце подниматься из-за горизонта. Он также хозяин огня. При лечении кожных болезней (считалось, что они насылаются только хозяином огня) обряд высекания огня мог выполнять только человек, ведущий свое происхождение от этой царственной птицы. Орел — возродитель природы, а также бог плодovitости. Весна и тепло приходят благодаря его силе. Орла молят бесплодные женщины о детях. Орел создал мир и шаманов. Орел — распространенный тотем у сибирских и многих других народов.

Например, перуанцы считали свой народ произошедшим от орла (Ионов, 1913; Штернберг, 1936).

У якутов божество Хомпоруун Хотой (горбоносый орел) — хозяин и повелитель солнца, высшее божество света, хозяин огня, творец, возродитель природы, якутский Дионис, покровитель птиц, отец орлов, прародитель якутов. Наказание, которое может наложить орел на провинившегося якута, самое страшное. Человек тогда бесследно исчезает с лица земли, не оставив после себя потомства, и о нем скажут: “его дым исчез”. Хомпоруун Хотой наказывал тех, кто убил орла или непочтительно к нему относился. Бог сводил виновника с ума или насылал кожные болезни. Человек, спасший орла от гибели, мог получить от божества “камень счастья”, дающий богатство.

“Ко всем хищным птицам якуты вообще относятся с некоторой боязнью, почтением”, — писал В. Ионов (1913). Но по отношению к орлу это чувство перешло в религиозное уважение. Орел может наслать какую-нибудь беду на обидчика. Както четверо якутов, возвращаясь из Охотска, убили какую-то птицу и съели ее. Только присмотревшись, обнаружили, что съели орла. И кто какую часть съел, у того та часть тела и заболела. Кроме того, они потом часто слышали клекотание орла, им чудились везде его кости. Один политический ссыльный убил орла. Вскоре у него пропал конь, и сам он заболел. Для орла, прилетевшего к дому якута, самый бедный человек не пожалует своей последней скотины, дабы накормить благодетеля. Орлы часто являлись к жилищу якута на зимовку. В таких случаях хозяин половину своего скота скармливал орлу. Уходя весной из юрты, орел клекотом благодарил хозяев, и в таких случаях они быстро и необычайно богатели. У якутов орел — чувствующее, понимающее и могучее существо. Его посещение означает рост благосостояния — лишь бы не прогневить его, доставить все, что ему требуется. Мертвого орла необходимо с почетом похоронить как человека, на столбе или дереве. Орел у этого народа еще родоначальник и творец шаманов. Увидеть орла — счастливая примета. Он — специальный страж человека. Не только орел считается неприкосновенным, но и скотина, им задранная. Разгневанный орел по-

сылает различные болезни. У хантов считалось священным дерево, на котором орлы несколько лет подряд гнездились. Строго запрещалось ломать гнездо или рубить дерево. Случайно найденное перо орла крепилось на самом почетном месте в чуме.

У бурят орел также не просто тотем одного из родов, но и первый шаман, сын хозяина острова Ольхон, божество озера Байкал. Считается, что шаманская наука — дар орла. Он символ небесного знания и небесного происхождения шаманов. Буряты молились этой птице, приносили ей жертвы. Мясо развешивалось на дереве, и орлы поедали его. Убивать и просто причинять вред орлу запрещалось. По представлениям бурят, орел — это сила, которая является источником бытия всех живых существ и управляет их судьбой. Именно он наделяет их сознанием вместе с жизнью, а затем отбирает во время смерти. Орел является символом высшей силы, он не воспринимается обычными органами чувств. Как считают бурятские шаманы, орла способны воспринять только видящие, то есть люди, которые обрели целостность самих себя (Никифорова, 1997).

Айны также поклонялись орлам как богам, просили защитить народ от напастей. Священной птицей был у них и ястреб (Фрэзер, 1980).

Тотемическое почитание орлов до сих пор отмечается у народов — “сыновей Солнца”: якутов, австралийцев, североамериканских индейцев. Беркут — помощник шамана (телеуты, алтайцы); тотем рода (якуты); приносят в его честь жертвы (алтайцы). Кречет — главный тотем, амулет у эскимосов. Коршун у тунгусов и самагиров — священная птица, его хоронили как человека. Орел — носитель счастья (ненцы), его не убивают (зыряне, ламуты, кеты, мезень), орел дарит огонь людям (шорцы), он помощник шамана (энцы), священная птица (лопари, алтайцы, якуты), основатель человеческого рода (якуты, орочи), тотем (эвенки, алеуты). Беркут — священная птицы у навахо (Зотова, 1999) и многих других индейских племен. У финнов Калев, бог, давший имя стране Калевалы, был принесен в страну в клюве орла, да и сам он — тоже орел.

Орел — символ победы над неприятелем, но вместе с тем и

один из главных элементов в птицеволхвовании. Мать называет своих сыновей сизыми орлами, а девица своего возлюбленного — сизокрылым орлом. Полет орла — символ быстроты. Орлы, товарищи казаков, сопровождают их в походы в степях. Орел приносит горестные вести родителям убитого казака. По другой песне, казак встречает орла и спрашивает, как дела у него дома. Орел отвечает, что милая даже заболела от тоски по нему. А потом летит к дому казака и извещает его родных о скором прибытии героя.

По тунгусской легенде, во время всемирного пожара спаслись лишь орел, мальчик и девочка. По индейской — во время всемирного потопа — лишь орел и женщина. От них и пошли все краснокожие. Культ орла сохранился в Индии и Персии в различных обрядах. По их легендам, орел — носитель грома — никогда не поражается молнией.

Не меньшим почетом пользовались хищные птицы у казахов и киргизов. Убить орла считалось у казахов большим грехом, его прилет праздновался большим обедом. Кречеты являлись на востоке символом бесстрашия. Кстати, орел у казахов, наравне с фламинго, и сейчас считается самой любимой птицей. У казахов и киргизов Каракус (черная птица, богатырь черная птица) — орел, беркут — огромная птица, которая в благодарность за спасение своих птенцов от дракона помогает герою. Орел, беркут у этих народов — священная птица, помощник шаманов. В Индии огонь принес орел. У католиков орел — символ силы и разума.

В Средней Азии очень ценились ловчие беркуты. Охотники с беркутами — беркутчи — и знатоки ловчих птиц — сынчы — были уважаемыми людьми. Их могли привлекать даже для магической помощи людям. Например, по представлениям киргизов, бесплодная женщина может родить ребенка, переспав с беркутчи или сынчы. Считалось, что чем ярче полыхает в глубине глаз беркута огонь, тем он смелее, сильнее и добычливее. Причем, по поверьям казахов, пламень в глазах ловчего беркута окрашивается в разные цвета, в зависимости от вида добычи, замеченной птицей. Таким образом, по мнению беркутчи, орел предупреждает своего хозяина о характере замеченной добычи. В фольклоре встреча во сне ловчей

птицы трактуется как предзнаменование значительных событий, например, рождения детей у бесплодных родителей. Умершую ловчую птицу хоронили. При изъятии птенцов из гнезда для последующего их воспитания раньше охотники придерживались непреложного правила: не оставлять его пустым, единственного птенца забирать было нельзя. Брали столько, сколько нужно для охоты. Лишь наши современники считают, что можно забирать всех птенцов (Симаков, 1998). Убить ловчую птицу считалось тяжким грехом, да и вообще нельзя было убивать беркутов или соколов. Если это сделано вблизи аула, то считалось тяжким оскорблением для всех его жителей. Птицы с белым или просто со светлым оперением и вовсе считались священными (кречеты, тетеревятники). Считалось недопустимым причинять вред или оскорблять человека, держащего на руке белую ловчую птицу. Выражение “ак санкар” (белый кречет, в переносном смысле — солнце, день) было образным титулом ханов Туркестана (Дементьев, 1935; Симаков, 1998).

Г.Н. Симаков (1998) приводит интересную легенду с озера Иссык-Куль, характеризующую взаимоотношения беркута и его хозяина. У знаменитого сынчы и беркутчи Оболбека был беркут. Когда он охотился с ним, тот брал лису и смотрел на хозяина долгим мрачным взглядом или не брал добычи и также долго и пристально смотрел на охотника. Однажды после неудачной охоты Оболбеку объяснили, что у него не простой беркут, а аристократ, что его зовут Мырза конур (мрачный Господин). Чтобы он перестал загадочно смотреть на охотника и был добычливым, хозяин его должен богато и красиво одеваться, выезжать на охоту на хорошем коне, иначе беркут не будет уважать его и станет считать хозяина своим рабом. После этого дела пошли на поправку, беркут перестал мучить хозяина загадочным взглядом и стал энергично охотиться. Беркутчи Киргизии рассказывают, что ловчий беркут в обращении требует твердой, но при этом ласковой руки. Его ни в коем случае нельзя бить или как-либо обижать. За это птица обязательно отомстит, напав в неожиданный момент на охотника (Симаков, 1998). Как видим, и в неволе орлы остаются аристократами неба.

Интересно, что традиции охоты с ловчими птицами в Азии

за многие века не смог вытеснить даже ислам. Согласно ортодоксальным взглядам мусульман, охота вообще считается небогоугодным занятием. Например, в Бухарском ханстве охота с ловчими птицами для должностного лица по шариату считалась занятием недостойным, греховным и была возможна лишь с особого разрешения высокопоставленного духовного лица. Но это не мешало предаваться охотничьей страсти ни светской аристократии, ни духовенству (Симаков, 1998).

Об орлах сложено немало красивых и поучительных легенд. У эстонцев есть такая. Один лесник очень любил охотиться. Однажды зимой он разжег костер, к которому прилетело греться два орла. Лесник зарядил ружье серебряной пулей и выстрелил в одного из орлов. Раздался визг, глухой гром, и орел, превратившись в прекрасного юношу, схватил охотника за шиворот: “Ты, безжалостный старик, убил мою жену! Пусть не видать теперь тебе никогда добычи!”. С тех пор этот лесник всегда возвращался с охоты с пустыми руками.

Рыбаки на Оби весьма почитали и оберегали орлана-белохвоста. Он очищал от снулой рыбы их большие резервуары, в которых пойманная добыча содержалась живой до осени (Johansen, 1957).

Древний Египет испытывал особое благоговение перед хищными птицами. Сокол с распростертыми крыльями был символом Неба и поэтому считался божественным. Он был воплощением богов Гора, Монту и олицетворял фараона. Его культ оказался особенно популярным в поздние времена, и за убийство птицы виновный мог заплатить жизнью, писали Геродот и Диодор. Все ястребы были священны у египтян. Коршун почитался в Верхнем Египте. Богиня-коршун считалась покровительницей Верхнего Египта и входила в качестве обязательного компонента в гербы всех фараонов. Коршуны охранялись в Древнем Риме. Коршун был одним из атрибутов Марса. По легенде, когда Ромул и Рем решили основать новый город, к ним явились двенадцать коршунов (по другим данным — грифов) как предвестники двенадцати плодотворных веков. Египтяне первоначально представляли себе небо как распластанные крылья огромного коршуна богини Нехбет (Федосеенко, 1998).

В Германии по полету красного коршуна охотники предсказывали погоду. Если он летает высоко, “за облаками”, нужно ожидать жаркого и сухого дня, спускается низко к земле — приближается дождь. Жители Сардинии боялись убивать этих птиц. По народным поверьям, ружье после этого никогда не будет стрелять, кроме того, у убившего коршуна в том же году умрет жена (Ortlieb, 1989).

Жители древнего города Чатал-Хююк на юго-востоке Турции (VIII–VII тыс. до н. э.) тело умершего вначале отдавали на съедение коршунам, и лишь оставшийся после такой “обработке” скелет хоронили (Николаев, 1999).

Известный художник-анималист В.А. Ватагин писал: *“Если вспомнить, какое из животных наиболее характерно для символического искусства Египта, то можно указать на изображение сокола — священного символа бога Гора. Выразительные контуры головы с крючковатым клювом, с огромным обведенным глазом гармонически венчают человеческое тело Гора. Его изображения — от больших каменных изваяний, бронзовых статуэток до ювелирных золотых бляшек и многоцветных фаянсовых амулетов, тысячами найденных среди развалин египетской культуры — поражают гармоничной формой и строгой простотой линий, величавой выразительностью образа”* (Ватагин, 1948).

Сокол — символ молодца, мужской красоты, ума и силы, отваги и удалства, знак молодечества и смышленности. В песнях обрядовых сокол с другой птицей символизирует любовную чету. В свадебных песнях означает жениха. Сокол упоминается и при птицеволхвовании, так, в одной из песен героиня хочет узнать, что делают чумаки. Она выносит сокола на правой руке и спрашивает: “Соколоньку! Скажи всю правдоньку...”. В одной галицкой колядке лесной охотник хочет стрелять в сокола на гнезде, но сокол просит не стрелять, так как будет полезен: когда молодец станет жениться, сокол переведет его через воду и возьмет на свои крылья его невесту.

Амон-Ра, божественный сокол,
Сверкающий крыльями,
Взмахом крыльев свершающий свой путь
по небу, — говорили с почтением древние египтяне.

Орел — любимая птица Зевса. По преданиям, орел родился одновременно с Зевсом, кормил и охранял младенца-бога, отнес новорожденного Зевса на Олимп, возвестив ему победу в борьбе с титанами. Орел переносит громы Юпитера — говорили римляне. На двух орлах Александр Македонский пытался взлететь в небо.

В украинской сказке о Покотигорошке рассказывается, как во время грозы и бури Покотигорошек влез на дуб, нашел там гнездо орла с орлятами и накрыл их своей одеждой. Когда же прилетел орел и хотел убить человека, птенцы заступились за него, рассказав, что он спас их от бури. Орел в знак благодарности отнес Покотигорошка на его родину.

В Древнем Египте мифического сфинкса, ставшего символом бессмертия, рисовали в образе орла.

Орла часто ваяли скульпторы. Его можно увидеть на памятнике Пржевальскому, на обелиске русским воинам под Тарутино, на Киевском вокзале в Москве, в тех местах на Кавказе, где побывал Лермонтов.

Сезонный запрет на имена хищных птиц, прежде всего ястреба, известен у белорусов Витебщины, у украинцев на Винничине. Чтобы эта птица не вредила летом, ее, а также и ворону, в день рождества Христова называли “голубями”. Не называли прямыми именами хищных птиц также якуты и жители некоторых российских и украинских губерний.

Г.О. Булашов писал по этому поводу: *“Ястребу в первый день Петрова поста женщины, собираясь в корчмы, обещают известную десятину цыплят; при этом приглашают одна другую в корчму так: “ходімо на шуляк”. Такой обычай соблюдался для того, чтобы сохранить цыплят от слишком зорких глаз ястреба, который, в противном случае, всех их поъест и поест. С этой же целью всякая женщина, выносящая в первый раз во двор цыплят после их вывода насадкою, непременно должна завязать свои глаза, и выпуская цыплят на землю, проговорить: “Как не вижу я, где выпускаю цыплят, так чтоб не видел их шуляк”, “Не дивись на кури, а дивись на падло”* (Венгрженовский, 1895; Булашов, 1909).

Характерно, что о каком-либо отстреле ястребов крестья-

нин и не помышлял, ибо всякий, по его мнению, имел право на жизнь.

Древнегреческий герой Геракл говорил о стервятниках, что это “самые праведные птицы, потому как никогда не нападают даже на самых маленьких живых существ” (Грейвс, 1992).

Ястреб был вестником Аполлона у греков, а беркут — птица гербов, символ воинственности, силы и восходящего солнца. В старину орлов изображали часто на рельефах, печатях, в художественных произведениях. В Вавилоне, Персии, Индии орел (беркут) являлся символом высшего божества. “На орлиных крыльях” покинули дети Израиля Египет. Аристотель считал, что только орлам дано прямо смотреть на солнце. Эта птица возносит своих птенцов на него. Народы Аттики и германцы считали орла приносящей счастье птицей. В Англии и Дании в средние века казнили за убийство орла, тогда же бытовало поверье о тайной связи между орлом и ветром. Ветры изображались с головами хищных птиц.

Сидящий орел у древних ацтеков был на знамени, белоголовый орлан — национальная эмблема США, сокол был нарисован на щите предводителя гуннов Атиллы. У Чингисхана был герб: серый кречет с черным вороном в когтях (Наріжний, 1997).

Орел всегда был олицетворением силы, зоркости, прозорливости, благородства. Орлы произошли из царей, — говорили в Украине, — поэтому они вырезаны на царских печатках, в них нельзя стрелять.

Христианство также переняло этот символ. Орел стал символом апостола Иоанна. Как знак победы добра над злом перенято изображение битвы орла со змеей. Индейцы украшали свои уборы орлиными перьями. И разбивали свои лагеря только там, где в небе парили орлы. Примета верная: где парят орлы — в том районе много дичи и рыбы.

Как гербовая птица орел равен льву. Государства, земли и города заносили орла на герб. Так, на старинной королевской печати времен Армянского царства орел изображен рядом с символом пылающего солнца и несет на груди знак звезды. Образ орла перенял Наполеон I, этот знак с 1804 г. стал символом Великой Армии (Fischer, 1979).

Появление парящего орла над войском служило предзнаменованием победы и у древних славян. Еще большим почетом на Руси пользовался сокол. В XIX веке в Московии за уничтожение дерева, где размещалось гнездо сокола, был установлен штраф в 6 рублей (Кириков, 1966). Еще в первой половине XIX века казахи в Оренбургском крае давали за кречета 3 хороших лошадей (Эверсманн, 1866). Описание угодий в Киевской Руси давалось с обязательным указанием гнезд крупных хищных птиц. Кречеты на Востоке считались эмблемой бесстрашия. У калифорнийских индейцев был культ сарычей.

У казахов и сейчас бытует обычай — “тамыр” — дарить ловчую птицу, получая за нее в подарок все, что угодно. Эвенки верят, что орел — единственная птица, способная отогнать злых духов. Орел был внесен в гербы Белгорода, Орла, Якутска, Иркутска, Москвы, Коломны, Ростова, Сокала, Суздаля, Кингисеппа, Нерчинска, входил в состав герба князей Рюриков, государственного герба Российской империи, Польши, княжества Финляндии, Астраханского, Казанского, Сибирского ханств, Российской Федерации.

Предполагают, что на Русь соколиная охота была занесена варяжскими князьями, и быстро стала любимой забавой, превратив соколов в почитаемую птицу. Всем сокольникам строжайше воспрещалось пить, курить, играть в “зернь”, чтобы “государевым птицам от пьяных и нечистых людей дурно не учинилось”. Однако к XIX веку охота с ловчими птицами в России пришла в упадок. Последний раз у русских царей она официально проведена в 1856 г. по случаю коронации Александра II.

По мнению гагаузов, стрелять орла большой грех, так как евангелист Лука, когда ему нечем было писать, вырвал перо у орла, за что его изображают всегда с орлом. Выпавшего же из гнезда птенца пустельги забирают в бездетную семью — он поможет рождению детей.

Раньше украинский охотник, прежде чем выстрелить в орла, спрашивал его три раза: нажился ли тот на свете? Если нажился, орел посмотрит прямо на охотника, если нет, то отвернется, и тогда стрелять орла нельзя. Рыбаки Архангельской

губернии считали большим грехом убивать в море орлов. В Азии верили, что орел, сокол, ястреб — прямые представители Солнца.

Несколько примет и пословиц, связанных с хищными птицами. Коршуны кружатся, кричат перед плохой погодой; если степные луни выют гнезда в степи — лето будет дождливым, на болоте — сухим; соколу лес не страшен; очи сокольи, брови собольи; красносотрителен же и радостен всякого сокола лет; орел мух не ловит; сокол мал, да удал; пришел волк (темная ночь) — весь народ умолк, взлетел ясен-сокол (солнце) — весь народ пошел; всем птицам птица орел; от соколиного глаза никуда не укроешься; он орлом летит, орлом летает; не кидается девица на цветное платье, а кидается на ясного сокола; где бы ни летал сокол, везде ему свежий мосол; видно сокола по полету, а добра молодца по походке; зор, как у орла; куда орлы летят, туда сорок не пускают.

В Карпатах считается, что ставить чучела хищных птиц в доме — к беде. Чехи верят, что не аист, а ястреб приносит в дом младенцев, и не уничтожают эту птицу. У сибирских староверов и сейчас в силе заповедь “когтистых не есть”, то есть не употреблять в пищу хищных птиц. У эвенков орел — единственная птица, способная отогнать злых духов. Английский король Эдуард III за убийство ястреба присуждал смертную казнь, за разорение гнезда — один год тюрьмы. А Карл V так любил соколов, что отдал за них остров Мальту, менял на птиц из плена герцогов.

О грифе рассказывают, что это такая громадная птица, что может без отдыха летать 40 суток и своими крыльями затмить даже солнце. Многие древние народы считали грифа священной птицей. В Вавилоне, Ассирии, Древнем Египте главные божества изображались с головой грифа. Одна из египетских богинь носила имя Мут, что в переводе означало “гриф”. У римлян гриф считался священной птицей бога войны Марса. В буддийской мифологии Пехар (“Белый бог неба”) — хранитель сокровищ монастыря, предводитель божеств, которые обеспечивают спокойствие людей. Он спасся от преследователей, обернувшись грифом (Федосеенко, 1998).

Хищные птицы — один из основных мотивов скифо-сибир-

кого звериного стиля (характерных изображений животных на различных изделиях). Часто встречается сцена терзания хищником жертвы — оленя, зайца, рыбы и др. Орел, терзающий дельфина, был изображен на гербе греческого города Ольвии. Как считают исследователи, смысл таких сцен терзания связан с идеей жертвы и миром смерти (Королькова, 1998).

Журавлиный ключ вечности

Проплывающий в небесной синеве журавлиный ключ, наверное, никого не оставит равнодушным. Весной он символизирует возвращение тепла, осенью — предупреждает, что зима не за горами. Встреча журавлей — всегда радостное событие, провожают же их с грустью. Соответственно различному настроению человека считалось, что весной и осенью птицы и курлычут по-разному — весело или грустно. Голос журавля во все времена так впечатлял человека, что в большинстве языков и названия ему давали звукоподражательные: это и наше “журавль”, и латинское “grus”, английское “crane”, немецкое “Kranich”, шведское “trana”, армянское “трунк”, эстонское “kurg”, финское “kurki”, венгерское “daru” и многие другие. Сходство названий журавля у европейских народов некоторые ученые связывают с тем, что они берут начало из праиндоевропейского языка (Мейе, 1938). Но объяснить это можно и по-другому: у многочисленных сходно звучащих названий был один общий источник, а именно — крик самой птицы.

Украинцы дают такой совет: “Як побачиш весною журавлів, треба сказати “веселики”, то цілий год весело тобі буде, а як скажеш “журавлі”, то будеш цілий год журитися”. Или еще так: “Летит журавль с моря — убавит нам горя; веселок, колесом, перевяжи дорогу красным поясом!”. Есть поверье, что

журавль приносит из вырея души новорожденных, подобно аисту.

Улетающих журавлей провожали и даже пытались задержать, связывая их отлет с приближением холодов. Тоже своего рода магический обряд, в надежде продлить лето. В России деревенские мальчишки, увидев журавлиную стаю, бежали за ней, крича: “колесом дорога”, чем будто бы можно повернуть журавлей назад, во всяком случае, они при этом собьются с пути и будут целый день без толку кружиться на одном месте. В Украине люди выходили на свои усадьбы, снимали головные уборы, поднимали вверх руки и обращались к журавлям:

Журавлі, журавлі,
Колесом, колесом!
Ваші діти
За лісом, за лісом.

Или:

Журавель, журавель,
Колесом, колесом!
Зав'яжем тобі очі
Красним поясом, поясом.
Журавель, журавель,
Кругом дороги! (Скуратівський, 1998).

Увидев улетающих осенью журавлей, украинцы говорили: “Із чужої сторононьки повертайтеся додомоньку!” При этом нужно было собрать в платок щепотку земли и держать ее до весны. А заметив первый журавлиный ключ, возвращающийся с юга, ту щепотку сразу закопать в поле или огороде. Это означало, что весна будет щедрой и буйной. Дети приговаривали вслед журавлям:

Ви летіть від нас,
Та не забудьте нас!
Ми вас будем дождити,
В віконечко виглядати;
Не барітеся ви ж там,
А мерщій летіть ви к нам! (Скуратівський, 1998).

Журавль был одной из наиболее распространенных тотемических птиц. Пережитки этого до сих пор можно встретить,

например, у многих сибирских народов — эвенков, энцев, гольдов, нганасанов, угров, зырян и др. Его нередко изображают в религиозных танцах. Видимо, с древними тотемистическими представлениями связано и поверье, что журавли созданы из земли (Скуратівський, 1998). Здесь явное сближение с человеком. Создание первых людей из земли — очень распространенный сюжет в мифологии самых различных народов мира (Фрэзер, 1989). Вспомните, хотя бы, Библию.

На Руси танцующих журавлей изображали на многих предметах — браслетах, колтах и т. п. Бытовало поверье, что счастье и удача выпадут тому, кто первым весной увидит танцы журавлей (Рыбаков, 1987). Б.А. Рыбаков (1987) даже предполагает, что слово “жар-птица” произошло от журавля по созвучию названий.

В Древней Греции журавль был священной птицей Гермеса, в Египте — Тота, наряду с ибисом (Федосеенко, 1998). Почитали его и кельты. Ирландцы, например, не употребляли мясо журавлей в пищу (Александровский, 1998). У кельтов Галлии был бог Езус, которого изображали стоящим возле дерева. Рядом с ним был бык, на котором сидели три журавля (Мифы народов мира. 1980–1982).

Журавль у финнов — святая птица, уважаемая, приносит пользу, так как поедает ядовитых змей, из-за этого ее мясо в пищу не годится. По другой легенде, мясо журавля не едят потому, что он родом человек. Крик журавля звучит как музыка, говорят, что курлычат они к дождю. Прилетел журавль — опасно ходить по льду, и нельзя оставлять за рекой санки — утром льда уже нет. Когда же журавли осенью летят и курлычат, то прислушавшись, можно услышать тонкий писк. То пиликают маленькие птички, что под крыльями у журавлей сидят, и таким способом путешествуют. Нельзя считать, сколько птиц в журавлином клину, ибо если журавли узнают, сколько их, им станет тяжело лететь.

Эстонцы говорят, что журавли по весне под крылом приносят с собой трясогузку. Когда они летят, то ни в коем случае нельзя на них пальцем показывать или считать — журавли могут заблудиться. Ну, а если журавли все же сбились с доро-

ги, то нужно или камень на другой бок перевернуть, или считалку три раза проговорить:

Прямо, прямо, журавлики,
Папа впереди, мама сзади,
Сыновья и дочери в середине, —

и это поможет птицам найти правильный путь. И еще, увидеть впервые весной журавлей парами — к свадьбе.

Журавль — птица осторожная, он летит высоко и видит далеко, говорят в России. Журавль прилетел и тепло принес. По народным русским приметам, чем позднее улетает журавль, тем позже наступит зима. Народ говорит, что перед отлетом журавли собираются на болота уговор держать, каким путем-дорогою на теплые воды лететь. Если журавли вечером раскричатся в местах гнездования, на другой день будет хорошая погода.

Очень почитают журавлей в Туркмении, а также в Японии, называя “людьми в перьях” или “мой великий господин журавль”. В Индонезии расскажут, что журавль рождается из скалы, омываемой морем. Древние греки рассказывали, что их героя Мегара от всемирного потопа спасли журавли. В китайской мифологии журавль — Хэ, “журавль бессмертных” — Сяньхэ, “бессмертный журавль”, Линхэ — “чудесный журавль” — популярнейший образ, связанный со светлым началом (ян). Журавль питается субстанцией огня и металла, и к 160-летнему возрасту тело его становится белым и чистым, а крик может быть услышан небом. Ему приписывается исключительное долголетие. Белый Хэ в возрасте тысячи лет становится синим (зеленым), а еще через тысячу лет — черным. Белый журавль искусен в танцах, черный — в музыке. Упоминаются в легендах также желтые и красные журавли. На белых журавлях ездят бессмертные — китайские боги.

Японского журавля, считавшегося священным, не добывали. У китайцев, как и японцев, журавль — символ долголетия и носитель счастья. В странах Европы серый журавль в прошлом означал бдительность. По поверьям удмуртов — “кто убьет журавля, у того умрет жена”. На Волыни бытовало подобное: “кто вб’е журавля — буде журитися завжди”.

У эвенков журавли тоже священны и считались помощни-

ками шаманов. Почитают до сих пор журавля (красавку) алтайцы. Журавль — священная птица у башкир. *“Эти птицы — наш господин, так как они обратили в бегство наших врагов и поэтому мы поклоняемся им теперь”*, — говорят в народе (Самарбаев, 1991). По другому поверью, журавли предупредили башкирские племена о нашествии врагов, и те успели вовремя подготовиться к отпору. Корень “дыр” — журавль, сохранился в названиях вещей и селений не только у башкир и угров. Есть еще и такая башкирская легенда. Один юноша записал журавлиное курлыкание и переложил на флейту (курай). Считается, что наигрывание этой мелодии помогает выиграть битву, но вот часто играть ее нельзя — может случиться засуха.

На Кавказе есть поверье, будто павшие на поле брани воины превращаются в журавлей. Помните, у Р. Гамзатова: “Не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей”. А посему дуплет в журавля — дуплет в живую память о погибших в Великую Отечественную войну. Журавль — вестник плодородия, дождь приносящий. Китайцы говорят, что журавли перевозят ангелов. “Если журавль погибнет от твоей руки, то твоя жена умрет”, — предостерегают вотяки.

В Японии журавль с древних времен был символом долгой жизни, здоровья, счастья. Есть трогательный рассказ о японской девочке, умирающей от рака через 12 лет после атомной бомбардировки Хиросимы. Она делает бумажных журавликов в надежде снова стать здоровой. В Японии возведен памятник миру, который так и называется “Башня тысячи журавлей”. На его вершине стоит маленькая девочка, держащая в поднятых руках журавля (Leder, 1987).

По поведению цапель и журавлей рыбаки и моряки с древности предсказывали погоду. Если рулевой в море видел как журавлиный ключ разворачивался и летел обратно, значит причиной этого послужил сильный ветер. Корабль торопился к берегу. Летящие же высоко и спокойно журавли предвещали хорошую погоду. Еще Теофраст писал, что можно ожидать бурю с дождем, если журавли возвращаются на берег (Gattiker, Gattiker, 1989). Следует заметить, что в основе этих поверий лежат реальные наблюдения за птицами. Они действительно

предпочитают не лететь против сильного ветра, а в бурю отсиживают на берегу. В Италии крестьяне верили, что появление журавлей или аистов предвещает дождь.

Интересно, что название поднимающего механизма — “кран” — происходит от журавля. Это сокращенный вариант от немецкого “Kranich”. В английском же и некоторых других языках журавля и машину называют одним и тем же словом. Кран имеет длинную “шею”, как и птица. Колодезный журавль получил свое название из тех же соображений.

Вещая птица

Вещей птицей многие народы считали кукушку. Кто из нас в детстве не спрашивал, заслышав кукование в лесу: “Кукушка, кукушка, сколько лет мне жить?” Девушки могут задавать вопрос и по-другому: “Кукушка, кукушка, сколько мне в девках ходить?” Но только такими “предсказаниями” возможности птицы не ограничиваются. Кто услышит кукование в лесу, имея при себе деньги — при деньгах будет целый год, — считалось на Руси. Иногда, для верности, рекомендовалось этими деньгами еще и брякнуть в кармане, дабы пернатая вещунья услышала. Ее голос может служить оракулом, чтобы спрашивать что-то. Сколько раз прокует кукушка, через столько лет и сбудется желание. В Литве справлялся праздник в честь кукушки. Украинцы считали, что на юг ее несет на себе удод, а из клюва у нее выпадает ожерелье, кто его найдет — к счастью.

Гадание по кукованию кукушки распространено наверное у всех народов, где она встречается. Причем считалось, что голос ее был не только вещим, но и имел магическое действие. Он могло влиять на здоровье, счастье, богатство того, кто впервые слышал кукушку. Распространено поверье, что тот, кто слыша первый раз кукушку имеет при себе деньги или хлеб, будет иметь их в достатке и весь год. А в Гнезно в Польше считалось даже что тот, кто трижды услышит кукование, выиграет в лотерею. На Цюрихском озере верили: если впервые слыша кукушку ты имеешь деньги в кармане и полный желу-

док, значит твои дела на протяжении года будут идти хорошо. В швейцарском кантоне Фрайбург нужно было услышав кукушку быстро потрясти карманы. Если там что-то находилось, значит все лето в кармане будут водиться деньги. Многочисленные варианты подобных поверий распространены по всей Европе. Кукованию и первому появлению кукушки приписывалась даже способность излечивать болезни и изгонять паразитов. Во Франции в XVII в. делали так: услышав первое кукование брали землю из-под правой ноги, затем ее рассыпали в доме. Это считалось хорошим средством против блох. В Тюрингии делали немного по другому: услышав первое кукование, нужно было сразу же остановиться и не оглядываясь схватить то, что находится сзади. Первый попавшийся под руки предмет помогал против клопов. В Бельгии чтобы избавиться от многих болезней нужно было услышав кукование покататься по земле. В Богемии услышать первое кукование с востока считалось хорошим предзнаменованием, с запада — можно было ожидать несчастья (Gattiker, Gattiker, 1989).

Украинцы верили, что услышав первое кукование нужно бросить несколько мелких монет в ту сторону, откуда оно доносится. Тогда весь год будешь при деньгах. Боялись голоса птицы, когда она прилетала на усадьбу. Это могло предвещать несчастье. Смотрели как она сидит: если хвостом к дому и кукует, это к доброй вести, если же головой — “кого-то из семьи призывает”. Особенно опасным считалось трехразовое кукование. По народным поверьям, эти птицы считаются хранительницами ключей вырея. Они последними закрывают его, когда птицы улетают к своим жилищам, и первыми открывают, чтобы пустить перезимовать (Скуратівський, 1998).

Кукушка, как предвестница, большое участие принимает в переменах жизни. Как будто таинственная связь соединяет ее с человеком. Но кукушка символ не грозного рока, который поражает без жалости. Кукушка — птица добрая, она — добрый гений, она предупредит о беде человека, предостережет его. Кукушка ведает, что делает казак на чужой стороне, расскажет матери, где сын ее ночует, предскажет любовь девице. Ей известен весь свет — обмануть ее нельзя. В русских песнях кукушка выступает еще и как символ судьбы горемычной и

горькой. У греков Зевс, восплавав страстью к гордой Гере, превратился в кукушку и стал издавать жалобные стоны. Гера пожалела несчастную и пригрела на своей груди. Тогда Зевс принял свой настоящий облик и овладел строптивой богиней. Кукушка стала священной птицей Геры, символизирующей весну, любовь и возрождение (Федосеенко, 1998). Уважение к кукушке осталось и у нынешних греков, именующих ее ласкательными именами. У поляков раньше считалось преступлением убить кукушку. Для многих народов кукование кукушки — особый язык, понимаемый поэтическим чутьем. Дочь, собираясь умирать, просит посадить на ее могиле калину, на калину сядет кукушка и расскажет матери всю правду, и дочери будет легко лежать в земле.

“Кукушка, — пишет Я.Я. Никифоровский (1897), — была когда-то замужней женщиною. После несправедливой сдачи в солдаты любимого мужа, она стала так убиваться, что Бог преобразил ее в такую птицу, которая среди других напоминала бы несправедливость людям, что, по их милости, она сделалась “ни вдова, ни мужняя жена”.

В белорусском и украинском фольклоре кукушка постоянно встречается в свадебных песнях. Она олицетворяет девушку-невесту. Песни с образом кукушки говорят о несчастном или неудавшемся браке или же его предчувствии. Образ этой птицы у всех восточных славян символизировал также молодую женщину, несчастную в браке, и вдову (Бернштам, 1982). Недаром Ярославна в “Слове о полку Игореве” хочет лететь кукушкой по Дунаю в поисках мужа.

В украинских легендах часто говорится о том, что кукушки являются женщинами-оборотнями. По одной из них, девушка вышла замуж за ужа, но отказалась жить у его родителей. По другой — легкомысленная дочка захотела напугать свою мать и спрятавшись за печь начала куковать. Разгневанная мать сторяча прокляла дочь. Есть и такой вариант — женщина превратилась в кукушку за то, что убила своего мужа (Скуративський, 1998).

В германской мифологии кукушка была птицей бога грома Донара. Как его посланец она была вестником весны, устройтелем и предсказателем погоды. Ее крик влиял на плодови-

тость, погоду, урожай. Кукушка была фаллическим символом, ее крик был благоприятным знамением для новобрачных. В Зальцбурге (Австрия) говорили: “Когда кричит кукушка, приходит время любви”. Кукушка делает брак плодотворным. В Богемии во время свадебного выезда специально прислушивались к голосу кукушки, чтобы определить предзнаменования для будущей семейной жизни. В Ломбардии кукушку спрашивали о времени и результате свадьбы. В других странах у нее интересовались продолжительностью холостяцкой жизни (Gattiker, Gattiker, 1989). По верованиям финнов, кукушка вызывает плодородие своим кукованием (Штернберг, 1936).

Кукушка более из других птиц “способна” на метаморфозы. У сербов сестра превращается в кукушку, плача над убитым братом. У поляков княжна, которую выдавали замуж за нелюбимого, стала кукушкой. У украинцев девушка, отданная в далекий край замуж, превратилась в сизую кукушку и вернулась к матери. По другому поверью в Киевской Руси считалось, что кукушка и сизая галочка хранят у себя райские ключи — ключи от вырея, и с их прилетом Перун отпирает небо и низводит на землю плодородный дождь.

В Западной Украине бытует поверье, что когда кукует кукушка, из ее горла выпадает жемчуг и золото. Считается, что кукушка произошла от человека, поэтому ее нельзя убивать. Кукушка не кукует целое лето, потому как подавилась осыпавшимся колоском ячменя. Однако, в основном с кукушкой связаны поверья, легенды и обычаи, имеющие эротическое звучание. Недаром у многих европейских народов она в почете, особенно любят ее девушки. Львовский этнограф Д. Лепский (1885) писал, что в верованиях о кукушке отображена практически вся душа украинского народа. Кеты и гилаки не убивают кукушку, у якутов она помощник шамана. У селькупов это священная птица, покровительница рождения (Мифы народов мира, 1980–1982).

Первый весенний крик кукушки радовал людей во все времена. Он означал приход тепла. Еще Элиан называл эту птицу посланцем весны. В Англии весну называют кукушкиным временем. В германских землях в день, когда послышалось

первое кукование, устраивали празднество. Дети, которые принесли это известие, получали в подарок яйцо. А в Эрлингаузене услышавший впервые кукование всем встречным вместе “добрый день” говорил: “кукушка закуковала”. Связывали эту птицу и с рождением детей. В Шлезвиг-Гольштейне она даже занимала место аиста и приносила младенцев. Много гаданий было связано со сроком прилета кукушки. В разных местах Европы были свои “оптимальные” дни, и если птица появлялась не вовремя, это служило дурным предзнаменованием. Французы считали, что если кукушка прилетит до появления листьев на деревьях, это предвещает позднюю весну и холодное лето. Цыгане верили, что если слышишь кукование до пасхи и при этом сидишь или лежишь, будешь весь год болеть или страдать. Чтобы избежать этого, нужно было девять раз обойти вокруг дерева, на котором сидела птица, и съесть немного коры (Gattiker, Gattiker, 1989).

На острове Рюген в Германии рассказывают такую легенду. Когда бог создал землю, он дал каждому животному свое жилище: аисту — крышу, чибису — луга, жаворонку — поля, ласточка поселилась под крышей. Только кукушка так ничего и не смогла выбрать себе по душе. Так и летает она в бесплодных поисках до сих пор, нигде не устраивая гнезда (Gattiker, Gattiker, 1989).

Властители ночи

Совы принадлежат, наверное, к наиболее таинственным и загадочным птицам. Скрытный ночной образ жизни, “умный” взгляд, бесшумный полет, пугающий голос поражали человеческое воображение. Отношение к совам было двойственным. С одной стороны их почитали, посвящали богам и героям, они стали символом мудрости. Во многих сказках и легендах совы выступают советниками, проницательными птицами, вестниками, носителями необычных знаний. С другой – сова наиболее распространенный среди птиц “пособник” нечистой силы. Еще древние египтяне считали ее символом потустороннего мира, смерти. Упоминается она как “нечистая птица” в древних армянских легендах и Библии. Античные историки донесли до нас интересное предание: поражение римлян при Каннах от армии Ганнибала в 216 г. до н. э. была накликана совами, кричавшими всю ночь (Путковский, 1977).

Почему сову стали связывать с чертями, ведьмами и другими представителями “нечистого” ведомства? У нее ночной потаенный образ жизни. А ночь – пора темных сил. Благодаря мягкому оперению полет совы бесшумный, она скользит среди ночных теней словно призрак. Голос сов у многих людей вызывает мягко говоря неприятные ощущения. Даже у хорошо знакомой серой неясыти кроме обычного “пугу-гу-у” есть еще целая гамма звуков – от “смеха”, мяуканья до жутких стонов. Весьма необычные звуки можно услышать от молодых птиц,

которые начинают пробовать голос. То же самое у домового сыча. Но наибольшего страха может нагнать филин. Брачный крик этой птицы напоминает душераздирающий хохот. Доста-точно услышать его среди затаившегося лесного мрака, как даже убежденный атеист вспомнит рассказы о лешем. *“Голос филина — одно из чудес ночи, — пишет орнитолог Ю.Б. Пукинский. — По силе, глубине и производимому им в ночном лесу впечатлению нет равного ему звука”* (Пукинский, 1977). Интересно, что крики филина поражают не только людей, но и животных. Ученым нередко приходилось слышать, как в ответ на его голос начинали выть волки, шакалы и другие звери.

В криках сов суеверным людям нередко слышится призыв из загробного мира. Домовый сыч по всей Европе считается предвестником смерти и всяческих несчастий. Связано это во многом с его голосом. Немцы, например, слышат в крике “кувит, кувит” самки серой неясыти “Komm mit! Komm mit!” — “иди со мной”. Из-за этого птиц даже убивали по ночам (Melde, 1984). Представьте себе реакцию человека на такой “призыв”, если он раздастся где-нибудь на кладбище. А для сов там немало удобных мест и для гнездования, и для охоты. Украинцы передают крик домового сыча как “поховав, поховав”. Норвежцам голос серой неясыти напоминает слова “оденься в белое”, т. е. в саван (Пукинский, 1977).

В формировании “негативного имиджа” сов мог сыграть роль и такой фактор. Серая неясыть и домовый сыч приспособились гнездиться в постройках человека — на чердаках и в дымоходах. Естественно, на первых этапах “освоения” жилища они устраивали гнезда в одиночных хижинах среди леса. А те, кто жил в них в то время — знахари, колдуны и т. п. — сами вызывали суеверный страх (Грищенко, 1988).

Способствовать утверждению этих взглядов могли некоторые детали внешнего вида и поведения сов. У них, в отличие от большинства птиц, оба глаза направлены вперед. Вокруг них хорошо выражен так называемый лицевой диск из перьев. Все это связано с ночной охотой сов на мелких животных. Неподвижный, да еще и непохожий на птичий взгляд огромных глаз как будто пронизывает насквозь. Не удивительно, что он вызывает мистический ужас. Кому приходилось близко

наблюдать за жизнью этих птиц, мог увидеть довольно интересное явление. Чтобы точнее выявить местонахождение добычи на слух, сова меняет положение ушей относительно источника звука.словно индийская танцовщица, при неподвижном туловище птица отклоняет голову вправо-влево, втягивает ее в плечи или вытягивает шею. Издали в вечерних сумерках такая сова смахивает на какого-то сказочного гномика, делающего упражнения на ветке.

Во многих местностях России к сове относились радушно. Ее звали “совушкой-вдовушкой”, белокурой, разумной голу-вушкой, залесской барыней Ульяной Степановной. Д. Кайгородов (1906) рассказывал, как в начале XX века “птичьи фабрики” стали направлять своих заготовителей в область Войска Донского заготавливать сов. Первые два года агентам никто не мешал, сов стреляли, а на третий год донцы встретили их чуть ли не с дрекольями: из-за сильного уменьшения численности сов развелось много мышей. Китайцы считали сову символом благополучия. Филин у вогулов — тотем рода, энцы его не убивают, у нгансанов он помощник в борьбе со злыми духами. Сову и филина гольды любят; поймав их, кормят дома, считая, что эти птицы охраняют их малолетних детей.

На острове Самоа член клана совы, найдя мертвую птицу, плачет и бьет себя по лбу камнем, пока не потечет кровь, а затем хоронит сову как сородича.

В Украине бытует поверье, что сова кричит к появлению ребенка. У калмыков белая (полярная) сова считалась святой птицей. Ее называли предвещающей и относились с большим почтением.

В бывшей ГДР стилизованное изображение филина было на знаке “Охрана природы”.

Один раз, рассказывают, сова встретила с соколом и стала спорить, чьи птенцы лучше. Сокол говорит — давай соберем их вместе и посмотрим. Собрали. Увидела сова, что ее дети хуже, а сокол еще и плюнул на них.

— Хоть мои и хуже, — сказала сова, — но мне их больше жаль, чем твоих, ведь они — мои дети. Так не плюй на них, а если тебе так уж хочется плевать, то плюй на землю”.

Как трогательно пишет о домовом сычике Д. Кайгородов:

“В его взгляде заметно что-то хитрое, лукавое, но не злое, а даже привлекательное. “Тот, кто знает эту совку, — говорит Брем, — тот поймет, что греки могли видеть в ней любимую птицу богини мудрости Афины-Паллады”. У итальянцев домовые сычки являются истинными домашними друзьями, часто ходят с подрезанными крыльями по дому, двору и саду, и ловят повсюду мышей” (Кайгородов, 1906).

Древние греки изображали сову на серебряных монетах, чеканившихся в Афинах еще в V в. до н. э., на различных измерительных сосудах. Сова — спутница Афины-Паллады. Афина помогала в работе и сражениях, олицетворяла мудрость. Понятна радость грека, если он встречал сову — значит, к нему придет толковая мысль.

У римлян богиней мудрости считалась Минерва. Сову чаще всего изображали сидящей у ее ног. “Сова Минервы летает по ночам”, — говорили римляне. Это означало, что хорошие идеи приходят чаще всего ночью. А древние перуанцы поклонялись сове из-за ее больших глаз.

В мифах некоторых народов Центральной Америки Уитака — обольстительная женщина, покровительница женского плодородия и плодородия полей. За ее чрезмерную чувственность и пьяные оргии боги превратили Уитаку в сову (Федосеенко, 1998).

Ласковое отношение к филину слышится в украинской народной песне “ Ой не пугай, пугаченьку”. Пугач в ней говорит: “Як же мені не пугати: хотять байрак вирубати, ніде мені гнізда звити, малих діток прогодувати”.

Филина почитали многие азиатские народы. Причины этого во многом сходны с обожествлением орла — крупная сильная птица с “огнем” в глазах. Он тоже “царь птиц”, только ночных. Европейцы филина побаивались. С античных времен появление его днем считалось одним из худших предзнаменований. Сообщалось, например, что филин предсказал гибель Юлия Цезаря. Птицей судьбы был он и у германцев. Ушастых сов римляне считали старыми ведьмами, которые обернулись в птиц. Вообще представления о том, что совы — это превращенные в птиц люди, за грехи или по другой причине, широко распространены в Европе (Gattiker, Gattiker, 1989).

У айнов филин считался добрым богом, который предупреждал людей об опасностях и защищал от них. Он был божественным посредником между людьми и творцом. Айны окружали птицу любовью, доверием и божественным поклонением. Филина называли “возлюбленным богом” и “дорогим маленьким божеством” (Фрэзер, 1980).

Поговорки о сове: днем слепа, ночью зряча, мышей ловит, а не кот; всю ночь летает — мышей добывает, а станет светло — спать летит в дупло; если много сов — урожай будет хороший; сыч кричит ночью перед дождем и холодом; филин кричит на оттепель; сова в дупле — на ветер, в сушняке — к дождю; сова кричит — на холод.

Небесный колокольчик

Жмя жаворонка, наверное, практически у всех европейских народов связано с весной. В мифологии жаворонок относится к зооморфным символам солнца (Мифы народов мира, 1980–1982). Как жаворонок запоет, мужик о полевой работе помышляет, — говорят немцы. Весела, как вешний жаворонок; тебе, жаворонок, петь — моей спине не болеть, — это уже русские поговорки. Кто с жаворонком встает, — считают французы, — будет петь, как он. Гиляки верят, что жаворонок делает гром, а потому его нельзя убивать. Подходить к его гнезду с птенцами — грех, будет гром.

У белорусов Минской губернии существовал такой обычай. Тому, кто увидит первым по весне жаворонка и заявит об этом жителям деревни, давали булку. И всей гурьбой спешили в кабак праздновать приход весны.

У латышей бог Усиньш, покровитель лошадей, был связан с жаворонком. У монголов жаворонок — символ света и огня. Он проявил себя еще во время первотворения (Федосеенко, 1998).

У украинцев жаворонок принадлежал к числу наиболее почитаемых птиц. Их называли “божьими полевыми стражами”. Крестьяне верили, что эта птица натягивает серебряные струны между небом и землей и при их помощи разговаривает с Богом — просит у него влаги или тепла. Считалось, что жаворонки могут выпросить дождь во время засухи. Если долго продолжается жара, они берут соломинки в клювы и поднима-

ются высоко в небо, вымаливая у Всевышнего: “Урожай, урожай, теплый дощ на врожай!”. Бог прислушивается к просьбе птиц, и дождь идет там, где больше всего нужна влага (Скура-тiвський, 1998).

На Покутье (Ивано-Франковская область) верили, что увидеть во сне жаворонка — к богатству, а поющего — к любви (Паньків, 1999).

В России говорили: сколько проталинок, столько и жаворонков. Жаворонки прилетают и раньше дня Сорока мучеников, но гибнут. Лишь тот, кто прилетает точно в этот день — остается жив и приносит весну. В разных российских губерниях их встречали различными куплетами. В Рязанской:

Жаворонок, жаворонок!
На тебе зиму, а нам лето!
На тебе сани, а нам телегу!

В Смоленской пели другое:

Уж ты, пташечка,
Ты залетная!
Ты слетай
На сине море.
Ты возьми
Ключи весенние,
Замкни зиму,
Ототкни лето.

В Саратовской губернии была такая записка:

Жаворонки, прилетите!
Нашу весну принесите!
Нам зима-то надоела,
Весь хлеб у нас поела.
Нет ни хлеба, ни картошки,
Самовар стоит на окошке,
Чай я выпил, сахар съел,
Самовар на кол надел.

В Пензенской губернии в хлебных жаворонков запекали кольца, монетки, щепки. По этим находкам гадали — кому будет свадьба, кому — богатство. Новгородцы запекали монетки. Кому попался жаворонок с монеткой — считался сча-

стливым. Ему предоставлялось право первым рассыпать зерна во время посева. (Круглый год, 1991).

“Жаворонок, птица летняя, красных дней утеха, взойди в синие небеса”, — начинал свой рассказ о победе на Куликовом поле летописец XIV века Сафоний Рязанец. Хохлатого жаворонка очень уважают в Украине.

Аристофан считал, что жаворонок — первое существо на земле, которое было еще до Кроноса и Зевса (Штернберг, 1936). На небольшой вазе, датируемой V веком до н. э., богиня Афина Паллада изображена в виде жаворонка (Федосеенко, 1998).

Жаворонок принадлежит к почитаемым птицам по всей Европе. И как вестник весны, и как птица, связанная с полями и урожаем. Убить его раньше считалось преступлением. В Мекленбурге верили, что убивший жаворонка непременно попадет в ад. Нельзя было показывать пальцем на взлетающую с песней птицу. Кто это делал, мог получить нарыв под ногтями. В Англии появление жаворонка было хорошим предзнаменованием. Сельские жители полагали, что взлетающий за крестьянином жаворонок приносит счастье. В Бретани верили, что душа, покидая тело, приобретает облик жаворонка. По этим птицам крестьяне предсказывали погоду. Если жаворонок со щebetом взлетает в воздух, будет солнечная погода, если же посреди поля звучит однотонная позывка — нужно ожидать дождя. Если днем поет много жаворонков, значит и следующий будет жарким. Если весной выпал снег, но скворцы и жаворонки весело поют, значит он долго не пролежит. Когда же птицы замолкают — холода пришли надолго (Gattiker, Gattiker, 1989).

Ласточка с весной в сени к нам летит

Наверное, по популярности ласточку превосходит только белый аист. Отношение к ней в народе особое, теплое, доброе. Да и как же, она — символ весны, возвращения солнца. В Эрмитаже хранится греческий сосуд — пелика с чудесным рисунком: взрослый мужчина, юноша и мальчик радостно приветствуют вернувшуюся с весной ласточку.

Как пишут этнографы, в мифологических представлениях образ ласточки обладает широкой символикой. У греков она была посвящена Афродите. В египетском мифе Исида в облике ласточки отправляется искать тело убитого и разрезанного на части мужа Осириса. В христианстве ласточка считается одним из воплощений Христа. Она символизирует молящихся, жажду духовной пищи. Ласточка — вестник добра, счастья, начала, надежды, положительного перехода, возрождения, утра, весны, восхода солнца, прилежания, домашнего уюта, отцовского наследия (Мифы народов мира, 1980–1982).

Ластаца, ластка, ластовица, ластовка, ластовочка, ластушка, ласочка, косатка, краснозобка, вилохвостка, кошанок, красулька — названия-то все какие ей выдумывали милые да ласковые!

Ну, а как же иначе, если голубь и ласточка — любимые Богом птицы, и если ранние ласточки — к счастливому году.

У многих народов ласточка — символ невесты, охранительницы дома и хлеба, она благоприятствует скоту. Согласно легенде, ласточка предупредила Александра Македонского об опасности.

Гнездо ласточки разорять грех, кто разорит гнездо ласточки, у того будут веснушки — пугали своих детей матери. Кто скинет гнездо ласточки — будет рябой. “Ластівку зіб’еш — довго не проживеш”, — говорят в Украине. Ласточку нельзя хватать — кровью зальет. Увидев впервые ее по весне, в Украине кидали ей землю, приговаривая: “На тобі, ластівко, на гніздо!”

Украинские крестьяне считали доброй приметой, когда на усадьбе гнездились ласточки. По народным поверьям, где они строят гнезда, там будет счастье. Считалось, что если они покидают какую-то местность, там следует ожидать мора на людей (Скуратівський, 1998).

По латвийской легенде, ласточка после потопа стащила у Бога огонь и дала его человеку. Черти гнались за ней с головней, да не поймали. Лишь головней задели. От этого у нее черный затылок. Демокрит вполне серьезно считал, что люди научились у паука ткачеству и штопке, а у ласточки — постройке домов. Есть легенда, что ласточка собирает сок мака для возвращения зрения слепорожденным детям. Считается, что ласточка своим черным и белым цветом перьев означает переход от мрака зимы к свету весны. В Западной Украине говорят, что там, где ласточка поселилась, будет хорошо плодиться рогатый скот. По другим поверьям, ласточка — это девушка, что ищет своего козака. На Львовщине говорят, что на зиму ласточки, сцепившись друг с другом вереницей, ложатся на дно рек и озер. И если приложить ухо ко льду, то можно услышать, как они зимой там щебечут. На Благовещенье они выныривают из воды и приносят с собой весну. Если ласточка покинула свое гнездо — может погибнуть хозяин хаты и вся его семья. Поэтому в Украине любят ласточек, хранят гнезда от разрушения, не дают детям трогать ее яйца и птенцов.

Вотяки относились к ласточке с большим уважением, строили под крышами своих домов берестяные ящички для ласточек и никогда их не убивали, боясь беды для себя.

У вогулов считается священным стриж.

В античные времена ласточек уважали повсеместно. Они были настолько любимыми птицами, что свободно могли гнездиться в храмах и правительственных зданиях. У германцев деревенская ласточка была птицей Донара и Фреи. Как птица бога грома она защищала дом от молнии и пожара. Если ласточки поселялись в коровнике, значит скот будет здоровым. В Швейцарии верили, что они гнездятся только в тех домах, где царит согласие. Убить ласточку, разорить гнездо или забрать птенцов считалось тяжким грехом, можно было накликать на себя проклятие небес. В Тироле полагали, что обидеть ласточку — выгнать счастье из дома. В Ольденбурге (Германия) было такое поверье: если гнездо ласточки отвалится от стены, обитатели дома покинут его в этом же году. Если ласточки покидают гнездо, значит следует ожидать несчастья (Gattiker, Gattiker, 1989).

По одной украинской легенде, жил когда-то страшный змей, что пил кровь животных. Как-то он послал комара узнать, у кого кровь вкуснее. Комар долго летал, пока решил, что самая вкусная — у человека. Не успел сказать об этом змею комар, как подлетела ласточка и вырвала у него язык. Комар только и запищал. Змей с досады погнался за ласточкой и схватил ее за хвост. Она вырвалась, оставив в его зубах лишь середину своего хвоста.

По белорусской легенде, ласточка отличилась при распятии Христа — крала гвозди и пыталась снять с его головы терновый венец. Поэтому потом Христос сказал: “Касатушки, птички добрые, вы меня, Иисуса Христа во как жалееете! А положу я, Иисус Христос, такое слово, чтоб людям вас не трогать, не убивать, чтобы вам, касатушки, стужи вовек не видать, а кто вас забьет, у того рука отсохнет”. Литовцы поэтически называют ласточку “воздушной пливуньей”.

Ласточка — образ домовитости и семейственности. Она — символ сестры, жены и матери.

То не ласточка, не касаточка,

Вкруг гнезда увивается:

Увивается родная матушка!

Или: “Матінко, ластівко! Головка болить”.

Ласточка также — символ вести, и притом доброй:

Ко мне ласточка прилетала,
Ко мне весточку приносила;
К тебе будет дорогой гость.

Упасть ласточкою — выражение покорности и любезности. В другой песне купающаяся ласточка сопоставляется с девицей, хвальной своей косою и личиком.

Ласточка, по мнению россиян, способствует урожаю хлеба и приплоду скота. Если ласточки улетают из какой-либо местности, можно ожидать мора людей. А посему крестьяне издавна прибывали под окна специальные планки, чтобы селились ласточки. “Як ластівка прилетить — так і настрої хороший”, — говорят на Волыни.

Еще со времен средневековья дошло до нас поверье, что первым предзнаменованием отступления холеры являлось возвращение ласточек. И там, где летают ласточки, не было никаких повальных болезней.

Если убить ластовку (которая признается хозяйкою, домашною, домовиткою), или голубя, синичку, пигалицу, то не будет счастья в скотоводстве, — такое поверье существовало во многих губерниях России. По поверьям древних славян, ласточка имела отношение к судьбе человека. Ласточка — живой домашний талисман.

Дагестанская легенда рассказывает о богатырях, которые, располагаясь на ночлег, воткнули в землю знамя. А ласточка тем временем построила на нем гнездо. Проснувшись, богатыри посчитали это счастливым приметой и основали на этом месте аул Пудахар. Ласточка — священная птица у узбеков и туркменов.

Ластівко, ластівко!
На тобі веснянки,
Дай мені білянки!
Ластівки, ластівки!
Візьміть собі веснівки,
Нате вам камінці,
Дайте мені рум'янці, —

пели в Украине дети, водя по весне хороводы и подкидывая камешки вверх. Во Владимирской губернии, увидев весной

первую ласточку, кувыркались, дабы во время жатвы спина не болела.

Пташок викликаю
 З теплого краю.
 Летить, соловейки,
 На нашу земельку,
 Спішіть, ластівоньки,
 Пасти корівоньки! — пели в Украине.

Ласточка — птица священная, так как поет песни из Корана, — считают татары.

В Украине деревенскую ласточку еще называют шило-виломотовило, крышеничка, волнохвостик, правдива, домашня пташка, трудивныця, ластуся, билобочка, синяя, красношейка. Береговую — дика, серянка, шпачок, землеройка, иванчик, чаглунка, водяной стриж, береговиця; городскую — воронок, голубица, пичкур, городяница, скелянка, буравичка, щур; стрижа — блискавиця, комахоидник, стрела, литачок. Ласточка приносит кремень (качинцы), сотворила мир (алтайцы), помощник шамана (телеуты, якуты).

Много поговорок и пословиц о ласточках у эстонцев: где ласточка совет гнездо — там добрые люди живут и овцы хорошо плодятся. Кто же портит ее гнездышко — ослепнет, коровы станут кровью доиться, овцы сдохнут, ласточка дом подожжет или другое несчастье случится. Детей пугали: не порть ласточкино гнездо — глаза она может выклевать, или голова не так будет расти.

Считалось, если влюбленные весной вместе увидят пару ласточек — быть свадьбе. Видеть впервые весной ласточку — скот хорошо плодиться станет. Если осенью ласточки перед отлетом на крыше хлева присядут — будет польза скоту, а если на жилище — счастье людям. Когда в путь отправишься, а ласточки тебя провожают, знай — суждена тебе счастливая дорога. Тем счастливее, чем больше их, и чем быстрее они крыльями машут. Рассказывают, в одном эстонском селении построили дом в 1932 г. И сразу же на нем ласточки 27 гнезд свили. Этот дом был счастлив. Даже во время войны, когда все село сгорело, этот дом уцелел. Ласточка — божья птица, ее нельзя ловить. Если она хоть раз была в руках человека —

другие птицы ее съедают. Даже пуля ласточку не берет. Но если в каком-нибудь хуторе нет ласточкиных гнезд, значит, люди там живут в ссоре и драках.

Ласточка из рода человека, его племянница. Поэтому и живет рядом с ним. С 1962 г. деревенская ласточка у эстонцев — национальная птица.

Есть такая эстонская легенда. У парня была девушка. Но ведьма превратила ее в ласточку, а подсунула свою дочку. На их свадьбе эта ласточка прилетела и стала петь о том, что ведьма сделала с настоящей невестой. Птицу давай топором гонять, хвост надвое разрубили — оттого у ласточек теперь он раздвоенный. С тех пор ласточка не садится на землю, хотя и живет около людей.

В украинской сказке “Три зернышка” ласточка за то, что бедняк спас от змея ее гнездо, принесла волшебные тыквенные зерна. Из них выросли тыквы с добром и богатством. А вот у богача, убившего ласточкиных птенцов, из зернышек выросли тыквы, погубившие этого злодея. В другой сказке рассказывается, как злые люди разрушили ласточкино гнездо. Вскоре загорелась и их хата; ласточки летали вокруг и цвиринькали: “Вы нашу хату разрушили, а Бог вашу”.

Поговорки и загадки о ласточке тоже хорошие. Вот несколько примеров из украинского фольклора: спереду шильце, ззаду вильце, ззаду суконце, а спереду біле полотенце; що то за пташина, що у неї хата з глини?; ластівку вбити — совість згубити; матір над дитиною, як ластівка над ластів'ятком; ластівка день починає, а соловей кінчає; гарно в небі я літаю, і під дахом хатку маю; ластівка б'ється у вікно — буде звістка.

О добром, отзывчивом человеке говорят — “моя ты ласточка”. Несколько русских поверий и поговорок: у доброго человека ласточки гнездышки вьют, а у злого и крошки не возьмут; без ласточки и лето не то; ласточка летает — тепло заывает; люди добрые живут там, где ласточки снуют; в чьем дворе поселятся ласточки, там всегда будет счастье, не будет погибать скот; поселится ласточка в хлеву — отгонит хворь от коровы; разорить гнездо ласточки — она дом подпалит; если ласточка строит гнездо с северной стороны — лето будет засушливым;

разрушить гнездо ласточки — разрушить счастье в доме; кто при первой ласточке умоется молоком — бел будет.

А вот любопытные объяснения, почему грешно убивать ласточек: они — божьи куры, и произошли из земли, а что из земли, то от самого Бога. Так считали не только славяне, но и лезгины.

Жители Богемии верили, что ласточки охотно летают возле невест. Поэтому если птицы начинали постоянно кружиться возле окна или дома, значит живущая в нем девушка должна скоро стать под венец. Если выходящая из церкви венчавшаяся пара видит сразу ласточку, брак будет счастливым. Если же эти птицы совыют гнездо на доме новобрачных, их ждет вечная любовь. Во Франции было такое поверье: чтобы завоевать любовь женщины, нужно подарить ей кольцо, которое девять дней пролежало в ласточкином гнезде (Gattiker, Gattiker, 1989).

Если ласточка высиживает детей, то хозяину дома во всем будет удача, поэтому нельзя их выгонять или гнездо рушить, или трогать их самих. Было и другое объяснение — ласточка строит гнездо целых 40 дней, и если его разрушить, то в это лето она уже построить новое и вырастить детей никак не успеет. Ласточка — предвестница домашнего счастья также у немцев, швейцарцев, таджиков. Понапридумывал народ всякую-всячину о перелетах ласточек. Оказывается, отправляясь осенью в южные страны, они перебираются туда на спинах журавлей или под крылом аистов.

А вот если ласточка-касятка весной не вернется на старое гнездо, это предвещает пожар, — считается на Руси. Выбросят ласточки птенца из гнезда на доме или в хлеву — скоро умрет кто-нибудь в семье (Gattiker, Gattiker, 1989).

Приснится ласточка — жди хороших вестей, — говорят на Покутье. Ласточкино гнездо во сне означает счастье в доме, а мертвая птица — смерть близкого человека (Паньків, 1999).

У украинцев есть такая легенда. Жили себе, говорят, муж и жена. Муж однажды что-то резал и порезался, а жена в это время подошла и так и вьется вокруг него, утешает. Муж взял ее за подбородок и страстно проговорил: “Моя ты ласточка!” — и при этом поцеловал. В тот же миг они вспорхнули и

полетели ласточками. Потому-то у ласточек и видно под горлышком красненькое пятнышко. Поляки рассказывают, что ласточка была раньше девушкой, которую поймали татары. Она превратилась в птицу, чтобы вернуться домой. В Финляндии, Эстонии и других странах есть легенды о том, что в ласточку превратилась невестка (Gattiker, Gattiker, 1989).

Прилет ласточек повсеместно отмечался как праздник. Это отражено, например, в древнегреческих произведениях искусства. В Гессене (Германия) о появлении ласточек сообщали наблюдатели на городских башнях. Прилет этих птиц также был поводом для гадания и разнообразных магических действий. В Вестфалии и Франции холостой парень, увидев первую ласточку, смотрел себе под ноги, нет ли там волоса. Если он находил, значит его будущая невеста будет иметь волосы такого же цвета. В Семиградье делали по-другому. Увидев первую ласточку, нужно было снять обувь и осмотреть подошвы. Если найдешь прилипший белый волос — будешь счастливым. В Лаузице (Германия) тот, кто видел первую ласточку, поднимал из-под ног уголек. Его нужно было носить с собой весь год, это предохраняло от головной боли. В Силезии увидевший первую ласточку проворно ложился на спину. Считалось, что после этого спина весь год не будет болеть. В Швейцарии увидев ласточку хлопали себя по карману, чтобы позвенеть монетами, тогда весь год везло в домашнем хозяйстве и в играх (Gattiker, Gattiker, 1989).

Интересно дальнейшее развитие образа ласточки. В политической символике она может выступать уже как вестник свободы. Так, после выхода Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. были выпущены памятные нагрудные жетоны в ознаменование этого события и организации Государственной Думы. На одном из жетонов — летящая ласточка на фоне трех цветов российского флага (Малышко, Толкачева, 1998).

Певец любви, певец печали

Если певца сравнивают с соловьем, это для него лучший комплимент. Эту невзрачную серенькую птичку все знают и любят именно благодаря ее чудесной песне. Соловей считается лучшим певцом среди пернатых. Ценили его за это уже в древности. В Древней Греции соловей считался священной птицей поэзии, как позднее лебедь. Римляне были такими любителями этих птиц, что платили за них безумные цены. Соловей стоил дороже раба и даже оруженосца. Супруга императора Клавдия Агриппина однажды должна была купить для подарка белого соловья. Он обошелся ей в 300 золотых монет. Как певца траурных песен римляне часто изображали соловья вместе с другими певчими птицами на надгробных монументах. Позже христианская церковь заимствовала эту символику глубокого траура. С соловьями сравнивали души праведников с их стремлением к небу (Gattiker, Gattiker, 1989).

Соловей — вестник майских дней, певец обновления, утра, певец садов. Символ свободы, “вольная пташка” веселья, удовольствия. Казак, посаженный в темницу, сравнивает себя с соловьем, на которого налетели “соколы”. Соловей — важная фигура в птицеволховании, часто он переносит вести. Соловей любит свободу: в одной песне монах-чернец, у которого соловей улетел из клетки, просил его воротиться, и обещал соли и воды из самого чистого ключа, но соловей согласен пить воду из реки, лишь бы оставаться на воле. “Ластівка

день починає, а соловейко кінчає”, — говорят в Украине из-за того, что он поет по ночам.

“*Песни литовского народа*, — считал Н. Костомаров, — *отличаются непринужденною нравственностью и деликатностью, и в этом отношении чище славянских, как детская жизнь чище юношеской*” (Костомаров, 1903). О соловье у литовцев есть такая песнь: “*Что ты, соловушка, резвая пташка, что не поешь? Как мне петь, пастухи разорили мое гнездышко, говорят, будто я выклевал пшеницу, растоптал траву на лугу, напугал вороных коней. А это совсем неправда! Меня молодцы оклеветали: я не выклевывал пшеницу, не вытапывал травы на лугах, не распугивал вороных коней*”. В старинной русской песне поется:

Дочь от матушки поехала,
 Жалобно, слезно заплакала,
 Во зеленый сад заехала,
 Среди саду становилася,
 С соловьями думу думала,
 С молодцами речь говорила:
 Соловей мой, соловьюшко,
 Соловей мой, птица вольная,
 Птица вольная, бездомовая!
 Полетай, мой соловьюшко,
 На родимую сторонушку,
 На родимую, на любимую,
 Скажи, мой соловьюшко,
 Отцу, матушке, большой поклон,
 Роду племени челобитьце,
 Дружку милому большой поклон.

Соловей — птичка-невеличка, а поет — лес дрожит. О знаменитом соловьином голосе много поговорок. А вот это русское поверье, кажется, многим неизвестно: кто при первом соловье скинет рубаху, того блохи кусать не будут.

В Украине верили, что соловьи начинают петь тогда, когда напьются воды из березовых листьев. В начале лета, когда наливаются зерном ранние хлеба, их рулады прекращаются. Отсюда поговорка: “Затих соловейко, бо ячмінним колосом

удавився”. Пение же поздно летом считалось дурным предзнаменованием (Скуратівський, 1998).

В украинском фольклоре соловей часто упоминается в любовных песнях. Это вообще птица влюбленных (Паньків, 1999). Традиция эта пошла, видимо, еще с Древней Греции. Там соловей считался оракулом в делах любовного волокитства, ему доверяли самые сокровенные тайны (Федосеенко, 1998).

В Болгарии есть такая сказка. Соловей и воробей договорились выучить все языки. Они пошли по проселочной дороге и уселись на дереве, чтобы слушать разговоры всех проходящих. Через какое-то время спросили друг друга: кто чему научился. Соловей пел всевозможные песни, а воробей мог только чирикать. Оказалось, он все проспал и услышал только как свинья хрюкала (Gattiker, Gattiker, 1989).

Птица ты иль дух зловещий?

тношение к ворону практически у всех народов было особенным. Одни его почитали, другие боялись, но мало кто оставался равнодушным. Это и не удивительно — крупная сильная птица, черная, как сама ночь, одна из наиболее умных и сообразительных. Недаром ворон — символ мудрости. Да и голос чего стоит. Вот что пишет о нем Л. Семаго: *“В голосе ворона действительно есть что-то набатное, какой-то настораживающе-тревожный оттенок. Впечатление это усиливается тем, что голос падает с недоступной взгляду высоты, когда даже острым глазом не разглядеть в небе саму птицу”* (Семаго, 1999). В крике ворона можно слышать и слова “гроб, гроб”. Вряд ли это кому-нибудь покажется хорошим знаком. Ну и конечно сыграли существенную роль особенности питания. Ворон — птица всеядная, но полакомиться на дармовщинку падалью он никогда не прочь. Стаи воронов пировали на трупах после побоищ. Не удивительно, что эта птица (да еще зловещего черного цвета!) стала ассоциироваться со смертью. “Ты не вейся, черный ворон, над мою голову”. Помните? Вообще многие птицы-падальщики в представлениях разных народов были своего рода посредниками между миром живых и миром мертвых. Тот же коршун, например. Может быть еще одна причина, по которой врановые птицы обычно ассоциируются у человека с опасностью. В древ-

ности они сопровождали опасных для человека хищников — волков, медведей, а также вооруженных людей. По тревожным крикам сойки, например, и в наши дни опытный человек может судить о присутствии чужаков в лесу.

Слова “вороной”, “цвет воронова крыла” стали употребляться для обозначения черного цвета. Это также говорит о многом. Как пишет лингвист В. Порциг (1964), древние индоевропейские названия цвета обозначали не отвлеченное качество, а окраску конкретных предметов. Например, “седой” — это цвет волос старого человека. То есть с вороном наши предки контактировали давно и тесно. Вообще, как считают орнитологи, первыми птицами, которые пришли к человеку и стали использовать его деятельность как источник существования, были врановые. Они подбирали остатки пищи первобытных охотников, как раньше питались остатками добычи крупных хищников. Произошло это еще в плейстоцене, десятки, а то и сотни тысяч лет назад. Взаимоотношения птиц и древних охотников закрепились в памяти людей, стали впоследствии проявляться во всевозможных приметах, поверьях, сказках, ритуалах (Лебедев, Константинов, 1996).

Ворон играет весьма значительную роль в мифологии самых разных народов. Функции его очень многообразны. Он часто выступает как демиург и культурный герой, его связывают со смертью и миром мертвых, с землей и небом, наделяют шаманским могуществом. Ворон нередко является посредником между различными мирами, между летом и зимой, водой и сушей, соленой и пресной водой. Он фигурирует в мифах о потопах, создает землю, добывает пресную воду у хозяев соленого моря и т. д. (Мифы народов мира, 1980–1982).

Ворон стал центральным персонажем мифов многих народов Северной Азии и Северной Америки, особенно жителей тундры и морских побережий — чукчей, коряков, ительменов, индейцев-тлинкитов, эскимосов и др. Не удивительно, ведь на крайнем севере это одна из наиболее “значительных” птиц. Там практически нет крупных хищников, которым традиционно поклонялся человек в других местах, да и вообще птиц мало. Дальше на юг ворона чаще побаивались, чем почитали.

У коряков и ительменов ворон считался первопродком. У

чукчей он — главный герой мифов творения. Он создает горы, животных, первых людей, учит их говорить и есть мясо животных, добывает небесные светила, существовавшие раньше лишь в верхней вселенной. В мифах коряков ворон добывает пресную воду у хозяев моря, похищает небесные светила. По представлениям ительменов, ворон Кутх вместе с сестрой сместил землю с неба, где и сам раньше находился, или же сотворил ее из своего сына. Горы и долины — следы пребывания этой птицы на Камчатке. Ворон побеждает злых духов шаманскими силами и хитростью, как могучий шаман защищает от них свое семейство и людей. Он не всегда положительный герой фольклора, может быть хитрым и коварным, добываясь своих целей. Ученые считают, что описанные в сказках брачные похождения детей Ворона отражают становление организации общества, в частности, появление экзогамии (Мифы народов мира, 1980–1982).

Жители Арктики узнают о том, когда приходят олени во время миграций, по появлению воронов, которые сопровождают оленей стада, питаясь остатками жертв волков и трупами погибших оленей. Ворон связан с охотничьими поселениями, видимо, с того времени, когда человек появился на севере. Даже сейчас в северных районах, где жители существуют в основном за счет охоты, ворон обычен в населенных пунктах (Хейнрих, 1994).

У эскимосов ворон выступает в качестве культурного героя. У эскимосов Аляски он создал мужчину из бобового стручка, а из глины вылепил различных животных и вдохнул в них жизнь. Сначала создал горных козлов и оленей, а затем — женщину, которая стала женой первого мужчины. Ворон научил эскимосов, как жить на земле, как добывать пищу. По мифам эскимосов с острова Кадьяк, ворон принес в мир свет, в этот момент с неба упал пузырь с мужчиной и женщиной. Они создали горы, леса и населяющих их животных. В якутской мифологии ворон имеет демонический характер. Он является атрибутом Улу Тойона — мифического главы черных шаманов. В эвенкийских мифах эта птица нередко является неудачным и непослушным помощником бога-творца (Мифы народов мира, 1980–1982).

Ворон был священной птицей Геры (Федосеенко, 1998). У чинов ворон считался священной птицей. Он высидел яйцо, из которого вышли предки чинов. Воронов запрещено убивать.

В библейском сказании о потопе ворон выступает как дурной вестник, в отличие от голубя. Именно тот принес оливковую ветвь, означавшую, что потоп кончился. Выпущенные раньше вороны не возвратились, наевшись мертвечины на волнах. В дальнейшем это противопоставление усиливается. В христианской традиции ворон становится олицетворением сил ада, а голубь — рая и святого духа. Как считают ученые, эта трактовка развилась как на основе древнееврейских традиций — деления животных на “чистых” и “нечистых”, так и на мифологических представлениях народов Европы. У европейцев это была птица, приносящая несчастье. Появление ворона на левой стороне дома считалось дурной приметой, появление его во время сева предвещало неурожай, встреча двух воронов в воздухе — войну (Мифы народов мира, 1980–1982). У древних евреев ворон считался нечистой птицей, поскольку питается падалью. Вместе с тем, бывал он и положительным героем. Ворон приносил пророку Илие пищу во время его пребывания в пустыне (Федосеенко, 1998).

Предки эстонцев скорее боялись, чем почитали ворона. По их представлениям он предвещает смерть или несчастье. Эстонцы верили, что под крылом ворона есть особое белое перо, которому приписывали чудодейственную силу. Завладевший им якобы может стать счастливым или творить чудеса. Чудодейственной силой обладал и так называемый “вороний камень”, при помощи которого можно лечить разные болезни, отвращать зло, понимать язык птиц. По поведению ворона предсказывали погоду (Rootsmäe, 1989).

У римских авгуров ворон считался одной из главных птиц-оракулов. При наблюдениях наибольшее значение отводилось голосу птицы и стороне, откуда она появилась. Наихудшее предзнаменование нес хрипло каркающий ворон. Пролетевшая слева направо птица также предвещала несчастье. Если он при этом еще и садился на дуплистый дуб, авгуры предрекали опустошение земли вражескими солдатами. Появление большого количества воронов означало близкую беду для все-

го народа. Считается, что вороны предсказали гибель многим римским военачальникам и политическим деятелям. Исключительно большое значение “ясновидению” ворона придавали древние греки. Плутарх сообщал, что по появлению воронов была предсказана смерть Александра Македонского в Вавилоне. Появление стаи этих птиц перед военным походом могло вызвать такую же реакцию, как солнечное затмение во время похода князя Игоря на половцев. Не меньше присматривались к воронам и германские племена. Для них он был прежде всего военным оракулом. Считалось добрым знаком, когда ворон сопровождал выступающих вождей. Когда Гакон принес кровавую жертву Одину, появился ворон и громко закаркал. Это было истолковано так: Один принимает жертву, и Гакон победит в предстоящей битве. Вороны были птицами скандинавского Одина и германского Вотана. Два мудрых ворона — Хугин и Мунир — постоянно их сопровождали, сидя на плечах. Они сообщали богу об увиденном и услышанном. У германцев было принято вообще оставлять павших на поле боя непогребенными для священных животных Вотана — воронов и волков. Пережитки древних верований сохраняются местами до сих пор. В Богемии, например, летящий слева ворон и сегодня вещает несчастье (Gattiker, Gattiker, 1989).

В скандинавских легендах описывается, как ворона посылают на разведку новых земель потому, что нет других птиц, кроме него, способных к длительному полету на большие расстояния, обладающих острым зрением, осторожностью и сообразительностью. Только такая умная и сильная птица может добыть нужный секрет и ничего не напутать. В старых ирландских легендах ворон предсказывает будущее, и сохранившееся в ирландском языке выражение “знание ворона” означает умение видеть и знать все, что случается. У викингов ворон был символом борьбы и победы. Воронов они старались захватить с собой в многочисленные походы, и птицы не сопротивлялись этому. Они следовали за викингами по той же причине, по которой волки и сейчас сопровождают стада карibu во время миграций — в поисках пищи. Викинги почитали ворона и боялись его неожиданного появления (Хейнрих, 1994).

Большая черная, каркающая, питающаяся падалью да еще всезнающая птица считалась у многих народов вестником смерти. Появление ворона на крыше дома предвещало скорый конец одного из его жильцов. Если он при этом еще и трижды каркнет, значит вообще наступают последние часы. В Берне считалось, что если три вороны пролетят над домом, в нем скоро кто-нибудь умрет. Дурной приметой было и если ворон садился хвостом к дому. По поверьям латышей, крик ворона или вороны предвещал смерть близкого друга или войну. В Бретани считалось, что если ворон прокричит три раза – умрет мужчина, два раза – женщина. В Богемии полагали – если ворон залетел в сад, значит живущая в доме девушка вскоре потеряет невинность (Gattiker, Gattiker, 1989). Слетались вороны и к трупам казненных. Воспоминания об этих событиях закрепились в языке: “воронов камень” в старом английском обозначает место казни (Хейнрих, 1994).

В культуре языческой Руси врановые птицы играли значительную роль, отношение к ним было положительным. Вороны в мифах и сказках принадлежат к пантеону богов, их изображают сидящими на дубе – священное дерево славян, символизирующее мировое древо. Птицы именуется мудрыми и вещими, они посвящены в таинство живой и мертвой воды, разыскивают и приносят ее для воскрешения героев сказок. Кроме того, ворон – символ живительного весеннего дождя и очищающего весеннего грома, пробуждающего природу от зимнего сна (Лебедев, Константинов, 1996).

Кто убьет ворона, у того никогда не будет разводиться скот. В русских сказках ворон – птица вещая, самая мудрая. Ее наделили даром слова и предвещаний. В гнездах ворона незримо хранятся золото, серебро и самоцветные камни, он достает и приносит “живую” и “мертвую” воду, золотые яблоки. Ворон, как громоносная птица, гнездится в темных тучах, закрывающих “блестящие светила”. В четверг, день, посвященный Перуну, ворон купается в “живой воде” дождя. Карканье ворона предвещает рождение сына – считали на Руси.

Ворон почитался у древних славян и арабов за божественную птицу. Никто не смел его пугать в лесу. У чукчей он – символ Бога-творца, священен у угорских остяков. Считается,

на Мартынов день (14 апреля по старому стилю) ворон купает своих детей. Если реки еще не пошли, нужно ему помочь, сделав прорубь. В благодарность он будет охранять ниву и двор от всякого хищного зверя и птицы. У чукчей ворон раскрасил всех птиц, а себя из белого — в черный цвет, да еще пробил небесную твердь, дав всем свет.

Мореплаватели использовали птиц для того, чтобы определить, где находится земля. Вавилоняне применяли для этого воронов. Брели их на свои корабли и викинги. В 874 г. н. э. норвежский исследователь и путешественник Флоки направился на поиски большого острова, расположенного на западе. Этот остров был открыт ранее шведом Гардаром. В норвежской “Саге о Флоки” герой берет с собой на корабль трех воронов. Чтобы определить, где находится земля, он выпускает их. Первый ворон вернулся в Норвегию, второй, не обнаружив земли, покружился в воздухе и сел на корабль. Наконец, третья птица полетела на запад и не вернулась, потому что обнаружила землю. Герой последовал за ней. Так викинги открыли юго-восточное побережье Исландии, где вороны до сих пор пользуются уважением (Хейнрих, 1994).

Ворон довольно часто встречается на гербах. В геральдике он символизирует воинскую отвагу и смерть (Яблоновская-Грищенко и др., 1996).

По греческому мифу, гетера Коронида (“ворона”) была любовницей Аполлона. Но она завела себе еще одного друга, вступив в связь с обыкновенным смертным. Об этом случае донес своему господину соглядатай ворон (вестник Аполлона). Любовник Корониды был уничтожен молнией, а ее саму сразила пучком стрел Артемида, сестра Аполлона. Из ее чрева всемогущий бог вынул дитя и передал на воспитание мудрому кентавру Хирону. Так появился на свет знаменитый бог-врачеватель Асклепий. Свою бывшую возлюбленную Аполлон все же пожалел, превратив ее в ворону. Ворон-доносчик не дождался награды, и из белой птицы превратился в черную (Федосеенко, 1998).

Вестниками несчастья воронов и его сородичи были не везде. В Баварии, например, ворон считается птицей счастья. В Албании крик черной вороны предвещает рождение мальчика.

В средние века вороны были многочисленными во многих городах Великобритании, в том числе и в Лондоне. Они вели себя как современные вороны-свалочницы. После известного лондонского пожара 1666 г. эти птицы питались незахороненными трупами людей и размножились в таком количестве, что стали назойливыми. Жители обратились к королю с просьбой помочь избавиться от них. Однако прорицатель объяснил тому, что если все вороны в Лондоне будут уничтожены, то на Англию обрушатся всякие несчастья и королевский дворец рассыпется в прах. В XVII в. стая воронов своими криками разбудила королевскую стражу при нападении отряда О. Кромвеля. С этого времени по королевскому указу небольшую группу воронов содержат в Тауэре. Сейчас там “прописаны” восемь птиц, каждая из которых имеет собственную кличку. Когда ворон умирает, его хоронят недалеко от ворот, помещая этикетку с его именем. В 1989 г в Тауэре содержали восемь воронов, они образовали три пары, отложили яйца, но кладки погибли из-за частого беспокойства посетителями (Хейнрих, 1994). Интересно, что синантропная популяция почти ручных воронов существовала в XVII–XIX вв. в Соловецком монастыре (Михайлов, 1868; цит. по: Константинов, 1995).

В Швейцарии есть такая легенда. Житель г. Айнзидельн Майнрад (впоследствии канонизированный) в зимнем морозном лесу нашел двух погибающих от холода воронов и выхаживал их. Когда его убили, оба ворона, с которыми отшельник делил в лесу последние крохи хлеба, преследовали убийц с криками до самого Цюриха, и успокоились только тогда, когда их казнили. С тех пор гостиный двор, в котором задержали убийц, носит имя ворона, птицы изображены на щите у входа. В честь воронов Св. Майнрада в приюте города постоянно жило несколько этих птиц. Вороны стали атрибутами Св. Майнрада, а позже двух птиц стали изображать на гербе аббатства Айнзидельн (Gattiker, Gattiker, 1989).

Шумная реакция сороки на опасность, за которую ее не любят охотники, закрепилась в фольклоре. Сорока — вестница, предупреждающая охотника о близости затаившегося зверя, о скором прибытии гостей. Тщательная забота птицы о своем гнезде и потомстве превратила ее в сказках и песнях в

домовитую заботливую хозяйку (Лебедев, Константинов, 1996). Некоторые поверья о сороке явно пришли к нам еще от первобытных охотников. Так, в немецких землях встреча ее на охоте предвещает неудачу, а то и несчастье (Gattiker, Gattiker, 1989). Происхождение этого поверья легко объяснимо: если возле охотника появляется сорока, она своими тревожными криками предупреждает зверей, и добычи скорее всего не будет. Такие случаи запомнились древним охотникам, и встреча сороки вскоре стала просто дурной приметой.

Увидеть сороку — к несчастью, две — к удаче, три — к свадьбе, четыре — к рождению ребенка. Французы стараются угодить сороке, ибо она от волка предостерегает, отгоняет ворон и лисиц.

О сороке в Украине говорят, что нельзя ее яйца собирать, ибо тогда лицо станет рябое и сорока цыплят в отместку станет таскать. Считалось, что эти птицы разносят вести на длинных хвостах и передают их стрекотом.

В Европе сорока считалась вестником несчастья, как и другие ее родственники. Двухцветная, подвижная и громко стрекочущая птица вызвала немало суеверий. Немало их являются пережитками языческих времен, когда сорока была птицей богини смерти. По французским поверьям, на голове у нее семь дьявольских перьев. Во многих странах Европы встреча сороки считается плохим знаком. Ее появление предвещает перемены, причем, как правило, к худшему. В окрестностях Цюриха местное название сороки было синонимом слова “ведьма”. Но есть поверья и вполне “нейтральной” окраски. Сорока — разносчик вестей. Наряду с голубем она является символом почтовой службы. Эти представления имеют давние корни. В Бретани, например, встретить утром сороку означает, что днем получишь письмо. В Китае, в отличие от Европы, появление сороки — хорошее предзнаменование (Gattiker, Gattiker, 1989).

На украинском Покутье отношение к сороке также было вполне положительным, несмотря на ее мелкие грехи — могла утащить цыпленка или блестящую вещицу. Прилет сороки на крестьянскую усадьбу был желанным. Считалось, что если она сидит где-то во дворе, значит будут гости (Паньків, 1999).

Галка — женский символ, но иногда галки в украинских песнях сопоставляются с казаками. Часто галка выступает и как вестница, помогающая людям узнать об их родных.

В Украине галка — одна из уважаемых птиц.

Не полохай галочок,

Нехай галки літають,

Руту, м'яту щипають... — поється в песне.

Всякая птица — безгрешна

Чибиса (которого в Украине и Польше называют чайкой) очень любит простой народ, гнезда его не трогают и детям не позволяют. Это во многом поясняется легендой, по которой в плачущего чибиса (чайку) превратилась молодая жена, у которой татары убили мужа. Вот она летает над его могилой и громко плачет. Эта птица — образ бедной, горемычной матери: жнецы хотят забрать у нее детей, и птицы ее обижают. Рассказывают, что Богдан Хмельницкий или Мазепа сделали эту птицу символом Украины-матери. Кто убьет чайку, с тем случится несчастье, говорят в Украине.

Перепелка оберегалась польским крестьянином. При жниве хлебов он не только обходил стороной ее гнездо, но и не срезал колосья вокруг гнезда, чтобы птица могла прятаться. Соблюдение такого обычая — запорука большого урожая на следующий год.

Дятел — священная птица у древних римлян, потому как он доставал пищу Ромулу и Рему и принес огонь. Дятел был посвящен Марсу. В римской мифологии он — лесное божество Пикус. Собиратель народных украинских поверий Н.Ф. Сумцов записал такое: *“Дятел — птица священная, птица — приносительница небесного огня молний, и гнездо ее, основанное зимними холодами, отворяется в весеннюю пору веткой-молнией”* (Сумцов, 1890). Кто достанет эту ветку — сможет открывать любые замки. Дятел — лекарь леса — говорят

в Украине. Черный дятел считался культовой птицей у эвенков, помог алтайцам в добыче огня. Дятел вышел из земли — считалось на Руси. Если сидеть тихо возле его гнезда, то можно услышать, как он стонет, это у дятла болит голова от того, что он целыми днями непрерывно долбит дерево. Чтобы дятел не портил бортовых деревьев, вотяки не стреляют его, а приносят ему в жертву дикую утку.

Тетерев у народа ханты считался вместилищем душ. У эстонцев запрещается стрелять в вожака тетеревиной стаи. Пошел как-то один мужик охотиться, увидел тетерева-вожака, и семь раз в него выстрелил. А тот жив-живехонек, да еще говорит: "А ну, еще раз выстрели!" А мужик перепугался, кинул ружье да пустился наутек. С тех пор не охотится. Если убить вожака-тетерева, по другому эстонскому поверью, то тетерева надолго покинут это место.

Голубь помог Ною узнать, сходит ли вода во время всемирного потопа. По древнегреческой легенде, голуби спасли от потопа Девкалиона с его женой. Голубей грешно бить потому, что они пьют воду как лошади. Голубь стал символом мира. Это несмотря на то, что киевской княгине Ольге голуби помогли (по легенде) подпалить столицу ее врагов Искоростень, Александру Македонскому — деревянный дворец на высокой скале. Варяг Гаральд при помощи голубей покорил город в Сицилии, мифические датские короли Гаудинг и Фридлейф — скандинавские города. В чешских хрониках XV–XVI веков рассказывается, что при помощи голубей татары взяли Киев (Зборовский, 1992).

По одной украинской легенде, мир создали два голубя, что сели на два дуба. У зырян голуби, поселившиеся на доме, — к добру. У кого плодятся домашние голуби, считают украинцы, у того не будет пожара.

Голубь у славян является символом любви. Украинцы говорят о влюбленных, что они "кохаються як голубів пара". Родственная привязанность также отражается эпитетом "голубиная". У католиков голубь — символ чистоты, невинности, покорности, ласки, любви, сосредоточенности и рассудительности.

По другим мифам голуби принимали участие в сотворении

мира. Сизый цвет голубей — образ приятности. Воркование голубей — грусть. Будучи символом любви, голубь предсказывает девицам любовь и покидает ту, которая уже познакомилась с любовью.

Легендарной Семирамиде (дочери вавилонской богини) еще в ее детские годы пищу в пустыню приносили священные голуби. Семирамида стала царицей, в ее правление были сооружены знаменитые “висячие сады” — одно из семи чудес света. После смерти она превратилась в голубку (Федосеенко, 1998).

В Азербайджане святой птицей, потому что она помогла Магомету спастись от погони, считают горлицу. Почитают горлицу и голубя также в Туркмении. К недоброму человеку и голубь не летит, — говорят на Руси. И еще: голубь — единственное существо, вид которого не осмеливается принимать черт. В древней Аравии, Сирии и Египте голубей не ели, и они громадными стаями кормились на храмах. Нельзя есть голубей, потому что они представляют изображение Святого Духа.

В древнеиндийской мифологии попугай был символом луны. Попугаев в древности содержали короли, воспевали поэты. Как стайные птицы они искали тесный контакт с человеком. При появлении чужих давали об этом знать громкими криками, поэтому свободно живущих попугаев держали как сторожей. В Риме иметь их могли только богатые люди. Держали птиц в драгоценных клетках. Цена попугая часто превышала цену раба. Но постепенно в Рим этих птиц стали завозить все больше и они перестали быть живой драгоценностью. Попугаев стали даже употреблять в пищу. От Рима берет начало уже другая традиция, перешедшая в христианство. Здесь попугаи были символом значительного положения и дорогими подарками. Способность этих птиц имитировать человеческие голоса поначалу поражала воображение, но затем к этому привыкли. на попугаев стали переносить человеческие черты — механическое повторение услышанного, пустая болтовня и т. п. “Попугай” — сейчас далеко не лестный отзыв о человеке. Интересно, что попугаи попали на европейские гербы. Например, на гербе г. Цвёниц в Рудных горах (Германия) изображен попугай Крамера. Связывается это с монастырем, которо-

му раньше принадлежал город. Монахи еще в средние века увлекались разведением попугаев (Stephan, 1994).

Клест прославился тем, что при распятии Христа пытался вытащить гвозди. Поэтому и клюв скривил. За это ему дана награда — он не подвержен тлению. По немецкому поверью клест, как и черный дрозд, спасает дом от грозы.

Евреи считали удода мудрой птицей. Это — священная птица в Узбекистане. Если разорить его гнездо, считали в Украине, он полетит к кашеварам, украдет огонь и подожжет хату.

Лирохвост относительно недавно, в 20-х годах XX века, стал любимой птицей австралийцев (белого населения). Еще в 1911–1913 годах его перья массово продавались, однако затем известный исследователь Х. Зильман писал: *“Лирохвост стал любимцем нации, и тот, кто поднимет на него руку, может считать, что легко отделался, если, попав в руки полиции, избежит жестокой расправы самосуда”* (Рыжиков, 1993).

“Жизнь птиц весной, — писал украинский этнограф Хр. Ящуржинский, — когда проявляются лучшие их свойства в заботе о птенцах, в чарующем пении, служила для человека как бы призывом начать подобную же жизнь, и дикарь мог поучиться гуманитарному чувству у соловья, ласточки, перепелки, утки и вообще у пташечек. Оттого символика, заимствованная из жизни птиц, так любима народом и всегда отличается такой нежностью и поэтичностью” (Ящуржинский, 1889).

Соловей в Украине — символ молодца, что веселит дивчину: *“Защечебе соловей вночі, розвеселить мої чорні очі”*. Девушка тоскующая сравнивается с кукушкой — *“зозуленька кує — дівчинонька плаче”*. Вылет жаворонка — к слишком ранней свадьбе. Жаворонок крыльцами лед разгонит, ножками снег потопчет.

“Птицы весной служат самым наглядным образом заботливой семьи, когда она исполняет самую священную обязанность — воспитание детей, — писал Хр. Ящуржинский. — Оттого устройство семьи (свили свое гнездо), различные нежные проявления любящих парочек, супругов, сравниваются с подобными же проявлениями у птиц” (Ящуржинский, 1889).

Галочка літає, парочки шукає. Зозуленька кує, бо літечко

чуе. Соловей щебече — садки розвиває. Воробей прилетает — милый приходит. Голубь воркует — предвещает женитьбу. Перепелка — символ женщины: “Піймай собі жінку, як перепілку”. Это одно из самых ласкательных в Украине по отношению к женщине имен. В песнях с перепелкой часто сравнивается невеста. Селезень и утка — молодая пара. Сокол и ласточка — иногда символ жениха и невесты: “Ой на ставку, на ставку, піймав сокіл ластівку”. Пташки же, что садятся на калину, — молодцы, что любят дивчину.

Очень часто отношение к виду птицы определялось библейскими сказаниями. Так, снегирь ломал иглы тернового венца с головы Спасителя, одна капля крови попала ему на грудь. Поэтому снегирь — охраняемая птица, его даже кошки не едят. Воробей воплощает привязанность к человеку, меланхоличность.

А вот две украинские поговорки о воробье: “Горобець маленький, а серденько має; горобець — молодець, а ластівка краще”. Воробьи — любители очищать огороды. Однако в Херсонской губернии их не били, а использовали другой способ: хозяйева после захода солнца три раза оббегали голыми вокруг огорода. Говорят — помогало!

У долган считалось грехом разорить гнездо лапландского подорожника и куропатки.

Трясогузки поселяются на доме, — считают зыряне, — к удаче.

В Новгородской губернии считалось грехом разорять гнезда грачей — может сгореть дом. Нельзя убивать синичку, — считалось в России, — ибо не будет счастья в скотоводстве.

О сорокопуге в Украине говорили, что его грех бить, ибо ястребов от кур отгоняет.

Квезал — одна из самых почитаемых в Центральной Америке птиц. По одной легенде, когда в битве с завоевателями-испанцами погибло много индейцев, стая квезалов будто бы опустилась на мертвых бойцов и прикрыла их крыльями. Оттого животы у квезалов красные — кровь борцов за свободу оставила свой след. И поныне в Гватемале квезал — символ свободы. В неволе он будто бы не живет — умирает от разрыва сердца.

Никогда не ловили в Украине “волове очко” — крапивника — боялись, что ослепнет вол. Иные относились еще к этой пичуге хорошо потому, что она в состязании, кто выше взлетит, победила самого орла, спрятавшись у него под крылом. На Галичине об этой птичке такое передают. Появилась она из дитяти, что очень любило своего отца. Но напали на село татары, и убили всех взрослых. А отца дитя разрезали и голову его закопали в валежнике. С тех пор “волове очко” прыгает всегда в валежнике, ищет голову родного отца. А как найдет — вновь станет человеком. Эти птички понимают разговор людей, и если кто обманет ее — мстит. Поэтому задерживаю простой народ любит, гнезда не разрушает, самих птичек не убивает и не ловит.

Рябчик у вогулов — священная птица.

Образ глухаря используется у северных бурятов в религиозной пляске. Перепелка — женский тонкий символ, один из самых ласкательных в Украине по отношению к женщине имен. В песнях с перепелкой часто сравнивается невеста.

Про скворца в Сибири говорят, что его нельзя есть потому, что он скачет, а не ходит.

Древнегреческая героиня Алкина бросилась в море, узнав, что ее возлюбленный Кенк утонул. Растроганные боги превратили их в зимородков.

Черный дрозд у французов приносит счастье. Немцы считают, что черные дрозды предохраняют дом от молнии, и потому сыпят им зимой корм. Люди, кормящие этих птиц зимой, будут счастливыми и избежат лихорадки.

Королька убить — небесный грех навлечь, — считается во всей Западной Европе. Коростель помог качинцам добыть солнце и луну, а телеутам — огонь.

А. Коринфский (1901) приводит куплет из старинной русской песни “Чины на море разным великим и малым птицам”, характеризующей отношение русского народа к различным птицам:

Царь на море — сизой орел,
Царица — белая колпица,
Павлин на море воевода,
Малые павлинята —

То на море воеводские дети.
 Лунь на море архимандритом,
 Дьяк на море — попугай,
 Кречет на море — подьячий,
 Белой колпик на море — епископ,
 Черный ворон на море игумен,
 Грачи на море — старцы,
 Галочки на море — черницы,
 Ласточки на море — молодницы,
 Касаточки на море — красные девицы...

Многие пословицы, поверья и обычаи заставляют относиться в целом к птицам как требующим человеческого внимания и заботы.

В Украине божьей птицей считают домашнюю курицу, так как когда родился Христос, она запрятала его в траву от врагов. Говорят, что вечером куры кудахчут на несчастье, а утром — к добру.

Самый смелый и красный петух зовется в Украине — петух-царик. К нему относятся с большим уважением и никогда не режут. Чумаки, отправляясь в дорогу, брали его с собой как амулет. Петух у украинцев отгоняет “нечистую силу”. В старину он был символом рождения людей и животных, символом воскресения природы. У католиков петух — символ бдительности и воскрешения. Феникс — птица мифов. Древние греки считали, что раз в 500 лет она прилетает в Аравию, где питается бальзамом и смолой. Когда Феникс чувствует, что приходит его смерть, то строит гнездо из пахучих веток на самой макушке пальмы. Там его поджигает солнце. Потом птица Феникс возрождается из пепла, воскресая молодой. Павлин у католиков — символ бессмертия и воскрешения.

Кто в марте убивает дичь — отца с сыном убивает, — говорили в России. Нельзя без надобности разорять гнезда птиц — из поколения в поколение передавалось у эвенков. Всякая птица — безгрешна, и потому ходит босою, — говорят в Украине.

Сказочный герой, — повествует русская народная сказка, — преданный родными братьями и брошенный в пропасть, попадает в Тридевятое царство. Там случайно встречает гнез-

до диковинной Ногай-птицы и спасает ее птенцов от бури. В благодарность Ногай-птица соглашается вынести его из Тридевятого царства с тем уговором, что он будет кормить ее во время долгого пути. Однако, когда уже был виден край белого света, мясо у героя закончилось. Ногай-птица, обессиленная, готова рухнуть. Тогда он стал отрезать свое собственное мясо с рук и ног и кормить птицу, чтобы сохранить ей силы. Сказка заканчивается счастливо: долетев до белого света, Ногай-птица “отхаркивает” человеческую плоть и тело срastaется, окропленное сначала “мертвой”, а затем “живой” водой.

В русских средневековых легендах упоминается райская птица с человеческим лицом — алконост. Этот образ, как считают ученые, восходит к греческому мифу об Алкионе. Алконост несет яйца на берегу моря и, погружая их в глубину, делает его спокойным на шесть дней. Другая райская птица-дева — сирин. Образ этот восходит к греческим сиренам. В русских духовных стихах сирин, спускаясь из рая на землю, зачаровывает людей своим пением. По народным поверьям, только счастливый человек может услышать этой птицы (Вагурина, 1998). Помните, у В. Высоцкого в песне “Купола”:

Птица Сирин мне радостно скалится,
Веселит, зазывает из гнезд,
А напротив тоскует-печалится
Травит душу чудной Алконост.

“Де багато пташок, там нема комашок”, — говорят украинцы, подмечая при этом совершенно справедливо, что лучше птичке на зеленой ветке, чем у пана в золотой клетке. Для удачи у звенков в люльку к младенцу кладут деревянную птичку и сшитое из тряпки ее “гнездо”. Чехи считали, что весной птицы прилетают с мест, где всегда вечное лето и приносят с собой семена растений.

В некоторых местах люди сами постановляли охранять птиц.

И.И. Мельников писал в 1891 году о случае, происшедшем в Западной Сибири: *“Казачи Усть-Заостровского поселка с целью сохранения дичи без внешнего влияния, по собственной инициативе собрались на сход и постановили, что с 1 марта по 29 июня (до Петрова дня), птицу не стрелять, не ловить*

и не допускать до разорения птичьих гнезд” (Мельников, 1891). Штраф за содеянное полагался строгий — 5 рублей.

Журнал “Любитель природы” (№ 3, 1912 г.) сообщал: *“Крестьяне Печерской слободы Нижегородской губ. постановили: “Воспретить ловлю певчих птиц, как друзей садов и огородов”.*

“Зруйнував гніздо пташине — не буде в тебе ні дітей, ні родини”, — говорять в Україні. Лес без птиц — что свадьба без музыки.

Любят пернатых, с нежностью к ним относятся учили и многие народные песни:

Піду я в сад помаленьку,
Піймаю пташку маленьку,
Обізвуться пташеччині дітки,
Не ловіть нашої матки!
А в нашої неньки дітки маленькі,
Більшенькі в сад полетіли,
Меншенькі посиротіли.

Провожая птиц осенью в дорогу, в Украине пели:

Путь вам, дорожка!
Ви летіть від нас,
Та не забувайте нас!
Ми вас будемо дождати,
В віконечко виглядати,
Не барітеся ви ж там,
А мерщій летіть ви к нам!

Этнограф С. Килимник (1994) считал, что в Украине раньше полностью неприкосновенными птицами являлись: соловей, кукушка, ласточка, голубь, белый аист, цапля, синица-ремез, жаворонок, сизоворонка, журавль, перепелка. Более того, любовь к птицам была так велика, что наилучшими эпитетами считались: “батежку — сизий голубоньку; сестричко-ластівочко, сестричко-перепілочко, матінко-голубонько; матінко-зозуленько, братику-соколю, братику-орле сизий, милий-жайворонку, милий-соловейку, діти-мої пташенята”.

По украинским поверьям, овсянка кричала по весне “покинь сани, бери віз!”, жаворонок брал соломинку в клюв, летел наверх к Богу и пел “урожай, теплий дождь на урожай!”.

Потом опускался вниз, садился в поле и показывал Богу, где будет урожай и куда должен падать дождь, ласточка приносила весну с “вирию-раю”, приносила любовь молодым, приплод скотине, тепло и радость, журавли улетали в “вирий” с грустным “кру-кру”, так как несли туда грешные души, а весной “кру-кру” у них было радостное, так как несли они души людей, которые будут рождаться весной и летом.

Весеннему прилету птиц в Украине посвящалась масса веснянок:

Зажурилась перепілонька,
Що так раненько з гір вилетіла,
Іно виділа сніги, морози.
Сніги-морози, води як лози.
— Ой, де ж я буду гніздечко вити,
Гніздечко вити, діти водити?
Ой чув же теє сивий соколенько —
“Цить, не журись, перепілонько!”

А помните, у Некрасова:

... И положили меж собой,
Умел же Бог на ум наставитъ —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставитъ.
И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!
Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит. (Некрасов, 1962).

Во многих давних народных сказках прославляется дружба между человеком и живым существом, которая часто выражается во взаимной пощаде и помощи. “Вдруг летит ястреб: Иван-царевич прицелился: “Ну, ястреб, я тебя застрелю да сырком и съем!” — Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь!”

Много экологических поверий и примет о птицах имеется у эстонцев. Видеть во сне птицу — к добрым гостям, к счастью,

все будет ладиться, что желаешь — то станется. Приснится летающая птичка — к хорошим новостям, а может еще и девушка прелестная в тебя влюбится. Найти во сне птичье гнездо — к радости, к новоселью, скоро замуж выйти.

Найти птичье гнездо — к счастью. Однако найдя его, никогда нельзя трогать яйца, даже запрещается говорить о нем — змея может услышать и птенцов съесть. Даже дышать возле гнезда нельзя. Считалось, что кто отгонит от гнезда кошку, собаку или другого хищника — тому будет везти всю жизнь. Нельзя трогать птичье гнездо еще и потому, что Бог птиц создал и может отомстить за них. Детей своих мамы предупреждали: нельзя разговаривать, когда птичье гнездо найдешь, его хищник может уничтожить. Птенцам запрещалось даже зубы показывать. Пастушкам нельзя было птиц ловить, иначе овцы сдохнут, и даже подражать птицам — рост может искривиться. Детям запрещалось бросать в птиц камнями, иначе они выключат человеку глаза и нос. У эвенков строго-настрого запрещалось употреблять птичий выводок, яйца из гнезда разрешалось брать только при большом голоде, при этом обязательно надо было часть яиц оставить в гнезде.

У эстонцев не положено каждый колос с поля убирать, какую-то часть оставляли птицам (такая же традиция бытовала и в России). В ином случае Бог небесный не дает такой обильный урожай, как раньше. На Рождество и Новый год на забор выставлялся “птичий сноп”. У мордвы несжатые полоски посвящали богине Норов-Аве, а кормились дикие пернатые. Считалось, что у человека, мучившего птенцов или разрушившего птичье гнездо, рождаются немые дети, или “с птичьей головой” под горлом (с базедовой болезнью). Рассказывают, в старину Бог ходил по земле и предлагал птиц народам. Эстонцы взяли их на лето и обещали кормить, но не ест, а южные народы взяли их на истребление. Поэтому птицы осенью вылетают в южные края, откуда редко возвращаются. У некоторых народов охраной диких птиц занимались даже особые божества. У осетин, например, дух Карчикалой. У черногорцев запрещалось у огня говорить о найденном птичьем гнезде с яйцами (огонь выдаст и там появится змея).

Интересный случай описал одесский зоолог А.А. Браунер:

“... когда на полях и баштанях поселка Красной Знаменки появились вредители, целые стаи черноголовой чайки-гуртовика прилетели и начали истреблять их. Местное население на полях поставило даже сосуды с водой, чтобы гуртовика подольше удержат...” (Браунер, 1929).

Возникший на основе древних славянских верований о переселении духа умершего в тело птицы птицеохранный обычай существует у лужичан, живущих на Шпрее. После второй мировой войны лужицкой культурологической организацией “Домовина” стал проводиться специальный праздник “Птичий квас”. В этот день (25 января) школьники освобождаются от занятий и выставляют за окна миски с кормом для птиц.

Любопытный обычай записан в Грузии. Там существует специальный День птичьей кашицы — “чигис — п’ап’оба”. В этот день на крыши домов выставляется каша, дабы накормить птиц и договориться с ними, чтобы они не портили посевы и плоды деревьев. То есть, с птицами (в данном случае с так называемыми “вредителями”) обращались полюбовно, а не с помощью охотничьего ружья.

Разные народы издавна старались привлечь птиц на гнездовья. В западных приморских районах Эстонии устанавливали дуплянки для больших крохалей, в Литве и Молдавии — колеса для аистов. Немцы в кирпичных домах выбирали кирпичи, чтобы в нишах могли селиться птицы. Вотяки строили берестяные ящики для ласточек и развешивали их под крышами своих домов.

Интересные сведения приводит в своей подробной статье “К истории скворечника” известный советский орнитолог Г.П. Дементьев.

“На стр. 18 старинного трактата о птицах Джованни Пьетро Олина, напечатанного в Риме в 1622 г., описывается скворец, а против текста помещена гравюра (сделанная, по видимому, Темпеста или Вилламена). На этой гравюре на первом плане изображен скворец, а позади — глиняный горшкородный сосуд с отверстием, прикрепленный к дереву (...).

Есть и более старые изображения таких скворечников. Триптих, написанный Герардом Давидом из Брюгге около 1500 г., изображает глиняные гнездилища, развешанные на стене;

из летков этих урн или горшков вылетают самые разнообразные птицы (...); ... в известной “Орнитологии” итальянца Альдрованди прямо указывается, что эти скворечники — изобретение фламандцев (...).

Для чего же применялись эти сосуды? Молодых птенцов попросту ели, — никаких мотивов охраны природы и тому подобных фламандцы, применяя искусственные гнездилища для скворцов, не имели. Это был, по-видимому, местный обычай, исчезнувший после того, как он — с развитием хозяйства — утратил свой практический смысл (...).

Знаменитый Паллас, путешествовавший по России в начале второй половины XVII столетия, пишет о скворцах в своей “Зоогеографии” (1811): “Во всей России, в особенности умеренной полосе и на юге, встречаются в большом количестве и пользуются большой заботой как христианского, так и языческого населения. У домов ставят на высоких местах сосуды или сделанные из коры ящички, чтобы привлечь туда на гнездовье скворцов — доверчивых и смелых; скворцов не преследуют, и за преступление считается, если гнездо разоряется или убивают скворца в окрестностях деревни; донские и уральские казаки также считают такие поступки преступными”.

В известной книге для охотников Василия Левшина (первое издание вышло в 1774, второе — в 1779 г.), читаем: “А в Крыму, Малороссии и во многих местах России водятся скворцы по дворам под застрехами: иные хозяева делают для них из бересты нарочные свертки, где им гнезда вить. Такие дворовые скворцы приятным свистом увеселяют слух человеческий...”

Из таких источников совершенно ясно, — делает вывод Г.П. Дементьев, — что применение скворечников именно в целях охраны и привлечения скворцов, а не из “кулинарных” соображений, как в Голландии, уходят в России в глубь времён.

Судя по всему, именно у сельского населения России впервые возникла мысль об охране птиц по этическим и эстетическим соображениям. Надо вспомнить о старом обычае выпустить на свободу птиц на Благовещение. Современный де-

ревянный скворечник — русское изобретение. С развитием идей охраны природы, начиная с двадцатых годов прошлого столетия, деревянный скворечник стал применяться и в Европе, причем распространение обычая выставлять такие скворечники началось за русскими пределами, по-видимому, с Прибалтики. На о. Готланд Линней видел скворечники типа дуплянок у крестьян уже в 1741 г. Но долго еще, почти три четверти столетия, наш скворечник не продвинулся дальше на запад. Еще в середине XIX века деревянные скворечники не были известны в континентальной части Швеции. Только в начале пятидесятых годов прошлого века в Германии началось движение за применение скворечников” (Дементьев, 1950).

Скворечники в России научились строить самые разные — в виде избы, “мужика” и “бабы” (леток под носом), двух- и четырех-”квартирные”. Некоторые из этих оригинальных птичьих домиков сейчас хранятся в Государственном Историческом музее в России.

С традицией развешивания для птиц искусственных гнездовий тесно связана другая — День птиц. Впервые этот праздник был организован в 1894 г. в США, штате Пенсильвания, педагогом из местечка Сип-Сити Чарльзом Бабкоком. Затем его подхватили различные детские Майские союзы по охране птичек, активно действующие в начале века в различных странах Старого и Нового света.

В 1924 г. День птиц одновременно был проведен в Москве, преподавателем Сокольнической биостанции Н. Дергуновым и в Смоленской области, учителем Ермолинской школы Мазуровым. Через несколько лет этот праздник шагал по всей стране. Его поддержал Владимир Маяковский, лично рисовавший плакаты ко Дню птиц, и написавший известное: “Мы ждем вас, товарищ птица, отчего вам не летится”. К сожалению, к началу 30-х годов День птиц, как, впрочем, и День леса, был превращен в чисто формальное мероприятие.

Интересное анкетирование провел в 1982 г. В. Песков, задав читателям “Комсомольской правды” вопрос — какая птица в вашей республике самая популярная? Оказалось, что в России — скворец, ласточка, снегирь, в Эстонии — ласточка, в Украине — соловей и белый аист, в Белоруссии — белый

аист, в Литве — лебедь-шипун, в Грузии — фазан, Азербайджане — фламинго, Молдавии — белый аист, Узбекистане — горлица, Казахстане — орел, Киргизии — улар, Таджикистане — орел (Песков, 1982). А у полярников, наверное, благодаря писателю О. Куваеву — розовая чайка. По легендам манси, чайка спасла Месяц и Солнце, у якутов она — помощник шамана.

Еще один интересный и малоизвестный факт. В 1913 г. московскими зоологами было предпринято привлечение русской православной церкви к охране птиц. Было проведено анкетирование мужских монастырей (Анкета..., 1914). Однако дальнейшие работы оказались прерванными первой мировой войной.

В заключение некоторые приметы о погоде, связанные с птицами.

Если журавли полетели на юг в августе, значит зима будет ранняя; летят журавли высоко, не спеша, тихо курлычут, будет погожая осень; если лебеди летят с севера на юг поздно, осень будет долгой и теплой; синица пищит — зиму вещует; гусь лапу поджигает — холод вызывает; вороны и галки кружатся в воздухе — будет снег; если вороны раскаркались всей стаей — к морозу; сидят на земле — к оттепели, устроились на нижних ветвях деревьев — ожидай ветра; снегирь под окном чирикает — к оттепели; сорока летает близко от жилья и под стреху лезет — будет вьюга; воробьи сидят на деревьях или на строениях тихо — будет снег, а дружно расчирились — к потеплению; воробьи прячутся в укрытии, под крышу или забираются в кучи хвороста — на мороз или к метели; рано возвращаются с юга грачи — на теплую весну; грачи, зимующие в Украине, рано улетели на север — к дружной весне; ранний прилет журавлей — к ранней весне; прилетела кукушка — можно высевать теплолюбивые культуры; соловей всю ночь поет перед погожим днем; летят журавли молча, низко и быстро — к плохой погоде; ласточки высоко летают — к хорошей погоде, а низко — к дождю; жаворонки поют долго — сохранится ясная погода, не слышно с утра — ожидай плохой погоды; стрижи роют себе гнезда на крутых речных берегах тем выше, чем больший будет паводок; воробьи купаются

в пыли и песке — к дождю; коршуны в воздухе кружатся, слышно их протяжное “пи-и-ить” — перед ненастьем; голуби воркуют — на хорошую погоду; сычи и перепела кричат перед дождем; большой пестрый дятел предвещает смену погоды барабанной дробью по сучкам деревьев; если дятел стучит о сук в погожий день — будет дождь; курица стоит на одной ноге — к стуже; жаворонки гуляют — к погоде, а сидят, надувшись, — к грозе; чибицы с вечера кричат — к ясной погоде; грачи летом пасутся в траве — скоро будет дождь; чайки собираются на берегу и поднимают гвалт — к ненастью; галки на вечер собираются гурьбой и кричат — к ясной погоде.

Традиции и птицы

Зачем птицы нужны человеку — понятно. Но и птицам нужен человек, прежде всего его доброе отношение. На Земле уже не осталось уголков, где бы не сказывалась в той или иной мере его деятельность. Даже в Антарктиде. Ответственность за жизнь соседей по планете ложится на плечи “старшего брата”. Благополучие вида в регионе может полностью определяться традициями, религиозными или мифологическими представлениями местного населения. Вот несколько красноречивых примеров.

Священная птица турков — белый аист — на территории Османской империи могла свободно гнездиться не только на домах, памятниках, но и на мечетях и дворцах вельмож. Но только не у греков. Они ненавидели аистов не меньше самих порабощенных. Их гнезда в населенных пунктах встречались лишь там, где жили турки. С началом освободительной войны вспыхнула стихийная борьба и против аистов, как символа турецкого ига. В Афинах, Сире, Патрасе и других городах были уничтожены все гнезда. Численность белого аиста в Гре-

ции после 1830 г. значительно сократилась (Martens, 1966). Отношение греков к нему повлияло на распространение вида не только в Греции, но и в самой Турции. Английский путешественник Ч. Феллоуз (Fellows, 1839), описывая окрестности г. Милета, вспоминал, что греческие села легко узнавались не только по их чистоте, но и по наличию свиней и отсутствию аистов. В Измире в середине прошлого столетия они также гнездились лишь в турецкой части города (Gonzenbach, 1857). Что-то подобное произошло и в первой половине прошлого века в Грузии. Еще в 1820-х гг. белый аист гнезвился в г. Ахалцихе на юго-западе Грузии (поблизости от турецкой границы!), но затем был уничтожен людьми (Радде, 1885). В настоящее время он обитает только в восточной части Южной Грузии (Абуладзе, Элигулашвили, 1986). Возможно в этом случае также сыграли свою роль напряженные отношения между соседними народами.

И еще о белом аисте. В Европе он неуклонно расселяется на восток и северо-восток. В последние годы численность вида стала повсеместно возрастать, и это расселение ускорилось. Насколько быстро птицы смогут обжиться на новом месте, во многом зависит и от того, как их встречают люди. В России отношение к аистам более прохладное, чем в Украине или Беларуси. Это отмечал еще А.В. Федосов (1957) для Брянской области. Традиция постройки искусственных гнездовых пространств гораздо меньше, особенно в областях, где белый аист начал гнездиться совсем недавно. Иногда его вообще встречают в штыки. Например, в дер. Заречное в Мордовии весной 1995 г. появился белый аист и начал строить гнездо на телеграфном столбе. Вскоре появилась вторая птица и подключилась к работе. Увы. Недостроенное гнездо было разрушено местными жителями из боязни, что аисты повредят их посевы огурцов (!). Это был первый случай гнездования белого аиста в Мордовии (Лапшин, Лысенков, 1997). Несостоявшийся, к сожалению. В середине 1970-х годов пара аистов предприняла попытку загнеститься в пос. Павловская Слобода Московской области. Но после гибели одной из птиц от рук подростков другая вскоре покинула эту территорию. В последующие годы

здесь отмечались лишь одиночные черногузы, гнездиться и не пробовавшие (Бутьев и др., 1998).

Там же, где аистов встречают по-другому, и результат бывает иным. В с. Трудовом Донецкой области эти птицы также появились впервые. Начали строить гнездо, и перебрали для этой цели все столбы от начала до конца села, но ничего у них не выходило. Дул сильный ветер, и ветки все время падали. Тогда на помощь пришли люди. По инициативе председателя местного колхоза сварили колесо и укрепили его при въезде в село. На нем и поселились аисты (Грищенко, 1996б).

Исключительно важную роль традиция постройки искусственных гнездовий сыграла для закрепления белого аиста на северо-западе России. Первый случай гнездования его на территории Санкт-Петербургской губернии был зарегистрирован в 1894 г. После того как люди стали устраивать на деревьях гнездовья, аистов здесь стало больше. Однако вскоре численность пошла на спад, и черногузы отсюда исчезли. В Ленинградской области и смежных районах Новгородской вновь появились они лишь в 1970-х годах. И снова птицам помогли люди. Из 38 гнезд, известных к началу 1980-х годов, лишь одно располагалось на естественной опоре — старой липе, да и та вскоре рухнула. Остальные птицы гнездились на искусственных гнездовьях, водонапорных башнях и постройках. В дер. Ильмено до 1970 г. аистов не было вовсе. В 1978 г. здесь гнездилось уже 13 пар. А все благодаря К.М. Волкову, который начал массово строить гнездовья на деревьях (Мальчевский, Пукинский, 1983).

Другой красноречивый пример — хищные птицы. О более чем почтительном к ним отношении у различных народов в прошлом мы писали в соответствующей главе. Но со временем ситуация стала меняться. Человек увидел в хищниках прежде всего своих пищевых конкурентов. Это при том, что он уже намного меньше зависел от капризов и прихотей природы, чем его далекий предок.

Об истреблении хищных птиц написано немало. В “просвещенной” Западной Европе оно началось раньше — в XVIII–XIX вв., в “отсталой” и “патриархальной” Российской империи несколько позже — лишь в конце прошлого века и во

многим как подражание Западу. В Германии только в королевстве Ганновер с 1705 по 1800 г. было выплачено 624 087 премий за убитых хищных птиц. В XIX в. уничтожать хищников считалось престижным. За это не только выплачивались денежные премии, но некоторые государства устанавливали и налоговые льготы тем, кто убивал за год определенное количество хищных птиц. Знаменитые охотники даже отмечали своеобразные “юбилеи” типа сотого убитого беркута. На территории Германии около 1860 г. только орланов-белохвостов уничтожалось по 400 особей за год. Эта кровавая вакханалия продолжалась до недавнего времени. Беспристрастная статистика зафиксировала, что в Норвегии с 1900 по 1966 г. убито около полумиллиона хищных птиц. В Дании с 1942 по 1966/1967 гг. — около 300 000. Во Франции в 1950–1960-е гг. убивали ежегодно от 100 до 300 тыс. хищников (Génsbøl, Thiede, 1997). В США в 1920-х годах только в юго-западных штатах было уничтожено 20 000 орлов. Позже для истребления их стали использовать даже самолеты. Один известный пилот убил к 1955 г. 8000 беркутов (Grossman, Hamlet, 1964).

Во второй половине XIX в. лозунг “Бей их, гадов!” поднимается уже и в Российской империи. За истребление хищников принялись не только профессионалы, но и “любители”. Киевский заводчик И.И. Марр, начитавшись немецкой литературы о вреде хищных птиц, развил бурную деятельность по их избиению. В ход шли специальные капканы, уничтожались птицы на гнездах, разорялись кладки. На протяжении нескольких лет было убито до 40 орланов-белохвостов. За весну уничтожалось до десятка змеядов (Борейко, 1992). Начавшаяся организованная кампания по борьбе с “вредными хищниками” была приостановлена революцией и гражданской войной, но затем вспыхнула с новой силой. Еще одна волна прокатилась в 1950–1960-е годы. Уничтожение хищных птиц было закреплено соответствующими положениями охотничьего законодательства и стимулировалось материально. На территории Черкасской области, по данным облсовета УООР, только с 1961 по 1969 гг. было отстреляно более 10 тыс. хищников. В лесостепи среднего Днепра ежегодно уничтожалось около 3,4 тыс. особей (Стригунов, 1986). Всего же в бывшем СССР до сере-

дины 1960-х годов истреблялось ежегодно 100–150 тыс. хищных птиц (Галушин, 1980). Выплата премий за отстрел пернатых хищников была прекращена в Украине лишь в 1969 г.

После всей этой кровавой вакханалии до сих пор, несмотря на все усилия природоохранной пропаганды, отстрел является одной из главных причин гибели хищных птиц на территории Украины (Грищенко и др., 1993). Подобная ситуация на Кавказе (Абуладзе, 1986) и во многих других регионах (Ortlieb, 1984; Bauer, Berthold, 1997 и др.).

Борьба велась и с птицами, на которых сейчас мало у кого поднимется рука. В начале нашего века одно из охотничьих объединений в Австро-Венгрии приняло решение начать отстрел белых аистов, которые “очень вредят мелким охотничьим животным”. Местные крестьяне вначале подняли протест против этого, но среди них провели “разъяснительную работу” — аисты могут нападать также на домашних утят и цыплят (Rothermundt, 1905a). За уничтожение мелких наземных животных выдвигались претензии и против черного аиста (Rothermundt, 1905b), но главный его “грех”, с точки зрения человека, заключался в том, что питается он в основном рыбой. Как рыбоядную птицу черного аиста истребляли во многих странах. Так, в Германии в прошлом веке за его отстрел выплачивались премии (Hormann, Richarz, 1996). Уничтожение птиц, разорение гнезд и сбор яиц происходили и в других странах (Creutz, Creutz, 1970; Schröder, Burmeister, 1974; Bauer, Thielke, 1982). Последнее гнездо черного аиста в Крыму, обнаруженное в 1917 г. в верховьях р. Сухой Альмы, было разрушено, а взрослые и молодые птицы убиты (Костин, 1983). В конечном итоге преследование человеком послужило одной из главных причин катастрофического сокращения численности этой птицы (Schröder, Burmeister, 1974; Грищенко, 1994; Bauer, Berthold, 1997; Brauneis, 1996 и др.).

Отрезвление наступило когда черный аист уже практически исчез на большей части Западной Европы. Традиции изменились, изменились и условия обитания птиц. Сейчас уже никому не придет в голову гоняться за черным аистом с ружьем. А если кто и попробует — будет не рад. Штраф придется платить весьма солидный. Строгая охрана дополняется активной

поддержкой птиц — контроль состояния гнезд, постройка искусственных гнездовий и т. п.

Какие результаты может дать длительная и целенаправленная работа, хорошо видно на примере Нижней Саксонии. На территории этой немецкой земли в 1969 г. было всего 6 гнезд черного аиста. Станция по охране птиц в Люнебурге с 1960-х годов систематически занималась укреплением существующих гнезд и постройкой искусственных гнездовий. К 1969 г. лишь одна пара гнездилась в полностью построенном самими птицами гнезде (Makowski, 1970, 1974; Nottorf, 1978). Всего за 30 лет их было построено около 260. С 1966 г. отмечено 244 случая гнездования на искусственных гнездовьях (Nottorf, 1993).

Там, где ворона считают божеством, он пользуется преимуществом при существовании около человека. Действительно, среди индейцев и других северных народов существует табу на добычу этих птиц, и если какой-нибудь ворон попадет в ловушку, его следует немедленно освободить, спокойно объяснив, что охотник не стремился поймать птицу. Эти запреты на добычу воронов у северных народов довольно древние. Так, Г. Коллинз во время археологических раскопок в северо-восточной части острова Сант-Лоуренс, который был заселен человеком с 900 г. н. э., обнаружил остатки 45 видов птиц, добывавшихся эскимосами. Отсутствие костей ворона в этих остатках, по мнению Коллинза, свидетельствует о том, что в доисторические времена, как и сейчас, он считался священным, и эскимосы не убивали его. Возможно, поэтому вороны скапливаются у эскимосских поселений, проникают во многие северные города. На западе США, как и во многих других местах, ворон приспособился к жизни вблизи человека.

Однако на востоке США ворон — символ разрушения и человеческой дикости. Здесь, как и на большей части Западной Европы, он был уничтожен отравленными приманками, отстрелом и разрушением гнезд. Один из первых исследователей ворона в Германии И. Гете пишет, что только в одном графстве Мекленбург-Шверин за 41 год, с 1834 по 1875 гг. было отстреляно 10440 воронов. Подобным же образом с ними поступали переселенцы из Германии и Англии в Новом Свете. Они возлагали на воронов ответственность за гибель овец, так

как часто обнаруживали их питающимися трупами павших животных. Воронов уничтожали вместе с волками и другими хищниками. Для приманки убивали несколько старых бизонов и начиняли их трупы стрихнином. Вороны погибали, поедая отравленную приманку и трупы других отравившихся стрихнином животных. Иногда вместо отравленных волков люди обнаруживали целые поля, покрытые трупами погибших от яда воронов.

Уничтожение воронов, как и других врановых, продолжается и в настоящее время. При этом во многих районах происходит то же, что и на востоке США: резкое сокращение численности воронов и многократное увеличение числа ворон. Возможно, это объясняется тем, что вороны экологически связаны с крупными хищниками (волками, медведями), используя остатки их добычи, и крупными копытными, трупами которых они могли питаться долгое время. С исчезновением крупных хищников и копытных, численность воронов резко сократилась, а человек своими действиями способствовал исчезновению этих птиц из многих районов. Возросла численность тех врановых, которые питаются на сельскохозяйственных полях и свалках. В начале XIX в. ворон исчез из большей части штата Новая Англия, в это же время его не находили в штате Мэн и во многих других районах США (Хейнрих, 1994; Константинов, 1995).

Литература

- Абуладзе А.В. (1986): Гибель хищных птиц на Кавказе. - Редкие и исчез. виды раст. и животн., флорист. и фаунист. комплексы Сев. Кавказа, нужд. в охране: Тез. докл. научно-практ. конфер. Ставрополь. 81-82.
- Абуладзе А.В., Элигулашвили В.Э. (1986): Белый аист (*Ciconia ciconia* L.) в Грузии. - Сообщ. АН Груз. ССР. 124 (2): 417-420.
- Александровский Г. (1998): Кельты — загадочный народ, потомки которого и сегодня живут в Европе. - Наука и жизнь. 3: 72-80.
- Анкета русских мужских монастырей по вопросу защиты и охраны птиц. (1914): Птицеведение и птицеводство. 2: 160-165.
- Антес Р. (1977): Мифология в Древнем Египте. - Мифологии древнего мира. М. 55-121.
- Белик В.П., Тараненко Л.И. (1995): Тайна черного аиста. - Жизнь птиц. 1: 7, 2-3: 8.
- Белик В.П., Тараненко Л.И. (1996): Штрихи истории “лесного отшельника”. - Природа. 11: 126-128.
- Бернштам Т.А. (1982): Орнитоморфная символика у восточных славян. - Сов. этнография. 1: 22-34.

- Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. (1999): Пережитки культа медведя у русских и белорусов в Сибири. - Природа. 1: 83-88.
- Борейко В.Є. (1992): Історія охорони тваринного світу на Україні. - Охорона тваринного світу. Київ: Урожай. 3-25.
- Борейко В., Грищенко В. (1995): Использование народных традиций в охране хищных птиц. - Экол. образование на базе запов. территорий. Киев-Черновцы. 150-152.
- Браунер А.А. (1929): По морским и песчаным заповедникам Украины. - Укр. охотник и рыболов. 9.
- Булашов Г.О. (1909): Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев. 1: 515.
- Бурчак-Абрамович Н.Н., Цалкин В.И. (1972): Материалы к изучению птиц Европейской части РСФСР. - Бюл. МОИП. Отд. биол. 77 (20): 51-59.
- Бутьев В.Т., Редькин Я.А., Шитиков Д.А. (1998): О некоторых редких видах птиц окрестностей агробиостанции МПГУ "Павловская слобода" (Московская область). - Редкие виды птиц Нечерноземного центра России. М. 52-55.
- Вагурина Л.М. (сост.). (1998): Славянская мифология. Словарь-справочник. М.: Линор & Совершенство. 1-318.
- Ватагин В.А. (1948): Сокол в искусстве. - Охрана природы. 5.
- Венгрженевский С. (1895): Языческий обычай в Брацлавщине гоняти шуляка. - Киевская старина. Сентябрь: 282-323.
- Гаврилюк Н.А., Грищенко В.Н., Яблоновская-Грищенко Е.Д. (в печати): Птицы в скифском зверином стиле.
- Галушин В.М. (1980): Хищные птицы леса. М.: Лесная промышленность. 1-158.
- Головацький Я.Ф. (1992): Виклади давнослов'янських легенд або міфологія. Київ: Довіра. 1-92.
- Гордон С. (1977): Ханаанейская мифология. - Мифологии древнего мира. 199-232.
- Грейвс Р. (1992): Мифы Древней Греции. М.: Прогресс. 1-624.
- Грищенко В. (1988): "Нічні духи". - Людина і світ. 12: 50-51.
- Грищенко В.Н. (1994): Динамика численности и ареала черного аиста в Европе. - Беркут. 3 (2): 91-95.
- Грищенко В.Н. (1996а): Миграции птиц как одна из причин их сакрализации. - Мат-ли II конфер. молодих орнітологів України. Чернівці. 48-52.

- Грищенко В.М. (1996б): Білий лелека. Чернівці. 1-127.
- Грищенко В.Н. (1996в): К вопросу о происхождении названия “аист”. - Беркут. 5 (2): 209-215.
- Грищенко В.Н. (1998): Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев. - Беркут. 7 (1-2): 120-131.
- Грищенко В., Борейко В. (1988): Птах із легенди. - Соц. культура. 11: 20-21.
- Грищенко В.Н., Борейко В.Е., Бабко В.М., Горбань И.М., Михалевич И.В., Серебряков В.В., Стригунов В.И. (1993): Результаты проведения “Года орлана-белохвоста” на Украине в 1989 г. - Беркут. 2: 34-41.
- Дементьев Г.П. (1935): Охота с ловчими птицами. М.: КОИЗ. 1-96.
- Дементьев Г.П. (1950): К истории скворечника. - Охрана природы. 10: 152-158.
- Дементьев Г.П. (1951): Сокола-кречеты. М.: МОИП. 1-187.
- Диксон Ч. (1895): Перелет птиц. Опыт установления закона периодических перелетов птиц. СПб. 1-270.
- Дьяконов И.М. (1977): Введение. - Мифологии древнего мира. М. 5-54.
- Ермолов А. (1905): Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб. 3: 1-555.
- Жуковская Н. (1998): Шаманизм: религия? мировоззрение? практика? - Наука и жизнь. 8: 144-151.
- Зайцева И. (1996): Экология и мифология Брянского леса. 1-34.
- Зборовський А. (1992): Загадка пожежі Іскоростеня. - Старожитності. 10.
- Золотарев А. (1934): Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л. 1-52.
- Зотова К. (1999): Расческа из травы, ловушка для снов и другие секреты индейцев навахо. - Вокруг света. 2: 34-39.
- Ильинская Л.С. (1988): Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М.: Наука. 1-176.
- Ионов В.М. (1913): Орел по воззрениям якутов. - Сб. музея антропологии и этнографии Академии наук. 16: 1-13.

- Кагаров Е. (1913): Культ фетишей, растений и животных. СПб. 1-326.
- Кайгородов Д. (1906): Пернатые хищники. СПб. 1-127.
- Кайдаш С.Н. (1986): Гуси-лебеди в “Слове о полку Игореве”. - Природа. 2: 125-128.
- Каприелов А.А. (1980): Образ птицы в древнем искусстве. - Орнитология. М.: МГУ. 15: 179-188.
- Карри-Линдал К. (1984): Птицы над сушей и морем. М.: Мысль. 1-204.
- Карху А.А. (1990): Среднеголоценовые птицы из археологических памятников Подмосковья. - Орнитология. М.: МГУ. 24: 67-71.
- Килимник С. (1994): Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Київ: Обереги. 1: 1-397, 2: 1-524.
- Кириков С. (1966): Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука. 1-346.
- Клаудсли-Томпсон Д. (1982): Миграция животных. М.: Мир. 1-136.
- Клепикова Г.П. (1961): Славянские названия птиц (аист, ласточка, ворон). - Вопр. слав. языкознания. М.: АН СССР. 5: 149-185.
- Константинов В.М. (1995): Рец. на книгу: Хейнрих Б. Ворон зимой. М.: Мир, 1994. 336 с. - Беркут. 4 (1-2): 107-110.
- Коринфский А. (1901): Народная Русь. М. 1-424.
- Королькова Е.Ф. (1998): Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI-IV вв. до н. э. - Пробл. археологии. СПб. 4: 166-177.
- Костин Ю.В. (1983): Птицы Крыма. М.: Наука. 1-241.
- Костомаров Н. (1843): Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков. 1-215.
- Костомаров Н. (1903): Литовская народная поэзия. СПб. 1: 702-715.
- Костомаров Н. (1905): Историческое значение южно-русского песенного творчества. 8: 1-1079.
- Крамер С.Н. (1977): Мифология Шумера и Аккада. - Мифологии древнего мира. М. 122-160.
- Круглый год. (1991): Русский земледельческий календарь. М.: Правда. 1-493.

- Кривелев И.А. (1975): История религий. М.: Мысль. 1: 1-416.
- Лапшин А.С., Лысенков Е.В. (1997): Белый аист (*Ciconia ciconia*) и луговой конек (*Anthus pratensis*) — гнездящиеся виды Мордовии. - Фауна, экология и охрана редких птиц Среднего Поволжья. Саранск. 80-81.
- Лебедева А.А. (1987): Народные знания славян. - Этнография восточных славян. М.: Наука. 483-498.
- Лебедева М.И. (1992): О происхождении названий аистов. - Аисты: распротр., экология, охрана. Минск: Навука і тэхніка. 8-14.
- Лебедева М.И., Шеварева Т.П. (1960): Причины гибели птиц в природе (по данным кольцевания). - Охрана природы и запов. дело. 6: 66-71.
- Лебедев И.Г., Константинов В.М. (1996): Врановые в русском фольклоре. - Экология и численность врановых птиц России и сопредельных государств. Казань. 14-15.
- Лебедь Е.А. (1998): Миф о мировом яйце в контексте европейской культуры. - Філософсько-етичні проблеми культури. Вісн. Харків. ун-ту. 400 (2): 41-45.
- Лепский Д. (1885): Людови верования про птахів. - Зоря. 10: 129-130, 11: 117-119.
- Лерхе А.В. (1941): Пернатые путешественники: Перелет птиц. Ростов-на-Дону. 1-60.
- Лопарев Х. (1896): Древнерусские сказания о птицах. - Памятники древней письменности. М. 116: 1-24.
- Лосев А.Ф. (1957): Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз. 1-620.
- Макин С. (1999): Коронации в Первопрестольной. - Наука и религия. 2: 24-25.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. (1983): Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий. Л.: ЛГУ. 1: 1-480.
- Мальшко В., Толкачева М. (1998): Жетоны первых Государственных Дум. - Наука и жизнь. 6: 108-110.
- Мельников И.И. (1891): Приговор о запрещении весенней охоты в Западной Сибири. - Охотничья газета. М. 16: 243.
- Мензбир М.А. (1895): Птицы России. М. 1: 1-836.

- Митрополит Іларіон (1994): Дохристиянські вірування українського народу. Київ: Обереги. 1-424.
- Мифы народов мира (1980-1982): М.: Сов. энциклопедия. 1: 1-672, 2: 1-720.
- Мищенко А.Л. (1990): Привлечение пернатых хищников. Обзор проблемы. - Методы изуч. и охраны хищных птиц. М. 253-256.
- Мейе А. (1938): Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л.: Гос. социально-эконом. изд-во. 1-510.
- Морохин Н.В. (1994): Экологическое воспитание и культурное наследие мордовского народа. - Неформальное экологическое образование детей. Киев - Н. Новгород: Просвещение. 85-90.
- Наріжний К.Г. (1997): Живий світ геральдики. Тварини і рослини в державній символіці. Київ: Укр. енциклопедія. 1-184.
- Некрасов Н.А. (1962): Соловьи. - Избранное. М.: Худ. л-ра. 1: 1-526.
- Никифорова А.Д. (1997): Орел как универсальный символ духовной традиции бурят. - Докл. и тез. Междунар. симп. "Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации, Россия — Восток — Запад в судьбе народа". Улан-Удэ. 90-92.
- Никифоровский Н.Я. (1897): Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи. Витебск. 1-307.
- Николаев Г. (1999): Райские сады на земле — были! Так считают археологи. - Наука и жизнь. 3: 82-86.
- Паньків М. (1999): Птахи у побуті, віруваннях і обрядах покутян. - Екол. аспекти охорони птахів. Львів. 110-113.
- Панченко В.О. (1996): Птахи в геральдиці міст України. - Беркут. 5 (1): 88-90.
- Песков В. (1982): Птицы на проводах. М.: Молодая гвардия. 140-142.
- Порциг В. (1964): Членение индоевропейской языковой области. М.: Прогресс. 1-332.
- Пропп В.Я. (1963): Русские аграрные праздники. Л.: ЛГУ. 1-140.

- Пропп В.Я. (1986): Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ. 1-365.
- Пукинский Ю.Б. (1977): Жизнь сов. Л.: ЛГУ. 1-240.
- Радде Г.И. (1884): Орнитологическая фауна Кавказа. Тифлис. 1-451.
- Рыбаков Б.А. (1987): Язычество Древней Руси. М.: Наука. 1-754.
- Рыбаков Б.А. (1994): Язычество древних славян. М.: Наука. 1-608.
- Рыжиков А.И. (1993): Уроки кабарги. - Свет. 5: 10-11.
- Самарбаев Р. (1991): Культ журавля у башкир. - Уральский следопыт. 13.
- Семаго Л. (1999): Вещая птица ворон. - Наука и жизнь. 3: 18-21.
- Семенов Ю.И. (1966): Как возникло человечество. М.: Наука. 1-576.
- Симаков Г.Н. (1998): Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение. 1-320.
- Скворцы истребители жуков. (1884): Природа и охота. Сентябрь: 84.
- Скуратівський В. (1998): На криласах храму. Київ. 1-116.
- Соколова З.П. (1972): Культ животных в религиях. М.: Наука. 1-215.
- Сомов Н.Н. (1897): Орнитологическая фауна Харьковской губернии. Харьков: Тип. А. Дарре. 1-680.
- Спангенберг Е.П. (1951): Отряд голенастые. - Птицы Советского Союза. М. 1: 350-475.
- Стригунов В.И. (1986): Хищные птицы лесостепи бассейна Днепра. - Дисс. ... канд. биол. наук. Черкассы. 1-203.
- Сумцов Н.Ф. (1890) Культурные переживания. - Киевская старина. 5.
- Тараненко Л.И. (1992): О некоторых экологических адаптациях и происхождении синантропности белого аиста. - Аисты: распространение, экология, охрана. Минск: Навука і тэхніка. 147-156.
- Тараненко Л.И. (1995): Еще об изучении названий птиц. - Социально-орнитол. идеи и предл. Ставрополь. 5: 40-47.

- Токарев С.А. (1957): Религиозные верования восточно-славянских народов XIX — начала XX века. М.: АН СССР. 1-160.
- Толстой Н.И. (1984): Иван-аист. - Славянское и балканское языкознание. М.: Наука. 115-117.
- Трощин П. Очерки славянской мифологии. 1-1110 (рукопись)
- Федосеенко В.М. (сост.) (1998): Флора и фауна. Мифы о растениях и животных. М.: Русь. 1-256.
- Федосов А.В. (1957): Белый аист в Брянской области. - Тр. Второй Прибалт. орнитол. конфер. М.: АН СССР. 337-348.
- Фрэзер Дж.Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-832.
- Фрэзер Дж.Дж. (1989): Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат. 1-542.
- Хейнрих Б. (1994): Ворон зимой. М.: Мир. 1-336.
- Чешкова Л. (1999): Волны калмыцких степей. - Вокруг света. 4: 88-91.
- Чубинский П.П. (1872): Труды этнографо-статистической экспедиции в западно-русский край. СПб. 1: 1-223.
- Шеппинг Д.О. (1895): Значение некоторых зверей, птиц и других животных по суевериям русского народа. - Филологические записки. 3-4: 2-36.
- Штернберг Л.Я. (1936): Первобытная религия в свете этнографии. Л. 1-571.
- Эверсманн Э. (1866): Естественная история птиц Оренбургского края. Казань. 1-621.
- Яблоновская Е.Д., Боженко В.Ю. (1996): Изображения птиц на дворянских гербах Черниговской губернии. - Мат-ли II конфер. молодых орнітологів України. Чернівці. 210-212.
- Яблоновская-Грищенко Е.Д., Лопарев С.А., Боженко В.Ю. (1996): Изображения птиц на дворянских гербах России и Польши. - Беркут. 5 (2): 191-200.
- Янаус М. (1983): Белый аист. - Птицы Латвии. Территориальное размещение и численность. Рига: Зинатне. 27-28.
- Ящуржинский Хр. (1889): Весенние хороводы, игры и песни. - Киевская старина (Май — июнь): 621-626.
- Archer G., Goodman E.M. (1937): The Birds of British Somaliland

- and the Golf of Aden. London: Gurney and Jackson. 1: 1-285.
- Elmalik A.S.E.E. (1989): Threats to the White Stork (*Ciconia ciconia*) in the Sudan and conservation priorities. - Weißstorch - White Stork. Proc. I Int. Stork Conserv. Symp. Schriftenreihe des DDA. 10: 331-335.
- Bauer H.-G., Berthold P. (1997): Die Brutvögel Mitteleuropas. Bestand und Gefährdung. Wiesbaden: AULA-Verlag. 1-715.
- Bauer K., Thielcke G. (1982): Gefährdete Brutvogelarten in der Bundesrepublik Deutschland und im Land Berlin: Bestandsentwicklung, Gefährdungsursachen und Schutzmaßnahmen. - Vogelwarte. 31 (2): 183-391.
- Brauneis W. (1996): Vom Schwarzstorch *Ciconia nigra* in Hessen. - Orn. Mitteilungen. 48 (7): 161-170.
- Creutz G. (1988): Der Weiss-Storch. Die Neue Brehm-Bücherei. 375. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-236.
- Creutz G., Creutz L. (1970): Der Bestand des Schwarzstorches (*Ciconia nigra* L.) und seine Entwicklung. - Beitr. Vogelkunde. 16 (1): 36-49.
- Fellows Ch. (1839): A Journal written during an Excursion in Asia Minor 1838. London. 1-347.
- Fischer W. (1979): Stein-, Kaffern- und Keilschwanzadler. Die Neue Brehm-Bücherei. 500. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-220.
- Forsberg M., Aulén G. (1993): The occurrence of the Black Stork in Sweden. - 1st Intern. Black Stork Conserv. and Ecol. Symp. Jurnala. 37.
- Franke W., Mey E. (1994): Bemerkenswerter Brutplatz des Schwarzstorches (*Ciconia nigra*) in Thüringen. - Anzeiger Ver. Thüringer Ornithol. 2 (2): 135.
- Gattiker E., Gattiker L. (1989): Die Vögel im Volksglauben. Wiesbaden: AULA-Verlag. 1-589.
- Génsbøl B., Thiede W. (1997): Greifvögel. München: BLV. 1-414.
- Gonzenbach J.G. (1857): Auszug aus meinem ornithologischen Tagebuch. Juni 1856 bis Juli 1857. - Naumannia. 7: 146-150.
- Grossman M.L., Hamlet J. (1964): Birds of Prey of the World. London. 1-550.

- Hancock J.A., Kushlan J.A., Kahl M.P. (1992): Storks, Ibises and Spoonbills of the World. Academic Press. 1-385.
- Hinkelmann Ch. (1995): Der Weißstorch (*Ciconia ciconia*) im ehemaligen Ostpreußen. - Bl. Naumann-Museum. 15: 24-52.
- Hormann M., Richarz K. (1996): Schutzstrategien und Bestandsentwicklung des Schwarzstorchs (*Ciconia nigra*) in Hessen und Rheinland-Pfalz — Ergebnisse einer Fachtagung. - Vogel und Umwelt. 8 (6): 275-286.
- Hornberger F. (1967): Der Weißstorch. Die Neue Brehm-Bücherei. 375. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-156.
- Johansen R. (1957): Die Vogelfauna Westsibiriens. - J. Orn. 98 (4): 397-415.
- Kinzelbach R. (1995): Der Seidenschwanz, *Bombycilla garrulus* (*Linnaeus 1758*), in Mittel- und Südeuropa vor dem Jahr 1758. - Kaupia. Darmstädter Beiträge zur Naturgeschichte. 5: 1-62.
- Leder G. (1987): Der Kranich — ein literarischer Held. - Falke. 34 (7): 213-215.
- Makowski H. (1970): Geheimaktion zur Rettung der letzten Schwarzstörche. - Mitteilungsblatt Schutzgemeinschaft Deutsches Wild (Bonn). 1/2: 4-5.
- Makowski H. (1974): Aktion Schwarzstorch in Nord-Niedersachsen. - Ber. Dtsch. Sekt. des Int. Rates für Vogelschutz. 14: 43-47.
- Martens J. (1966): Brutvorkommen und Zugverhalten des Weißstorchs (*C. ciconia*) in Griechenland. - Vogelwarte. 23 (3): 191-208.
- Melde M. (1984): Der Waldkauz. Die Neue Brehm-Bücherei. 564. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-104.
- Nottorf A. (1978): Methoden und Erfolge zum Schutz des Schwarzstorchs (*Ciconia nigra*) in Niedersachsen. - Ber. Dtsch. Sekt. des Int. Rates für Vogelschutz. 18: 36-40.
- Nottorf A. (1993): Schwarzstorchschutz in Niedersachsen. - Intern. Weißstorch- und Schwarzstorch-Tagung. März 1992. Tagungsband. Schriftenreihe für Umwelt und Naturschutz im Kreis Minden-Lübbecke. 2: 70-71.
- Ortlieb R. (1984): Greifvögel — noch immer vogelfrei? - Naturschutzarb. in Halle und Magdeburg. 21 (2): 11-18.

- Ortlieb R. (1989): Der Rotmilan. Die Neue Brehm-Bücherei. 532. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-160.
- Poole A., Spitzer P. (1983): An Osprey revival. - *Oceanus*. 26 (1): 49-54.
- Rootsmäe L. (1989): Ronk meie rahvapärinuustes. - *Eesti loodus*. 9: 603-605.
- Rothermundt J. (1905a): Die Schädlichkeit des weissen Storches. - *Aquila*. 12: 342-343.
- Rothermundt J. (1905b): Der schwarze Storch. - *Aquila*. 12: 343.
- Sára I. (1973): Flock of Storks Feeding on a Burning Barley Stubble. - *Aquila*. 76-77: 187.
- Schenk J. (1907): Die Heuschreckenplage auf dem Hortobágy im J. 1907 und die Vogelwelt. - *Aquila*. 14: 223-251.
- Schenk J. (1910): Von der Vogelwelt verhinderte Heuschreckenplage. - *Aquila*. 17: 258-261.
- Schröder P., Burmeister G. (1995): Der Schwarzstorch. Die Neue Brehm-Bücherei. 468. Magdeburg: Westarp Wiss. 1-64.
- Schulz H. (1988): Der Weißstorchzug. Königslutter-Lelm. 1-459.
- Schüz E. (1966): Über Stelzvögel (*Ciconiiformes* und *Gruidae*) im alten Ägypten. - *Vogelwarte*. 23 (4): 263-283.
- Schüz E. (1986): Über die Namen des Weißstorchs (*Ciconia ciconia*) als Ausdruck einer vielfältigen Mensch-Vogel-Beziehung. - *Beih. Veröff. Naturschutz Landschaftspflege Bad.-Württemb. Karlsruhe*. 43: 15-24.
- Stephan B. (1994): Der Halsbandsittich als Wappenvogel einer Stadt im Erzgebirge. - *Bl. Naumann-Museum*. 14: 1-19.
- Stresemann E. (1948): Geschichte des Starenkastens. - *Orn. Beobachter*. 45 (5): 169-179.
- Tavakoli E.V. (1989): The White Stork (*Ciconia ciconia*) distribution in Iran. - *Weißstorch — White Stork. Proc. I Int. Stork Conserv. Symp. Schriftenreihe des DDA*. 10: 183-187.
- Tcherkas N.D. (1995): Black Stork adaptation to transformation of breeding biotopes. - *Bird Numbers 1995. Pärnu*. 51.
- Thiollay J.-M. (1971): L'exploitation des feux de Brousse par les oiseaux en Afrique occidentale. - *Alauda*. 39 (1): 54-72.
- Wassmann R. (1992): Das Rotkehlchen — Vogel des Jahres 1992. - *Voliere*. 15 (1): 4-6.

Издания

Киевского эколого-культурного центра совместно с Центром охраны дикой природы СоЭС (Украинским представительством Ассоциации “зеленой” прессы СоЭС, Украинской молодежной экологической лигой) и др.

Серия: ИСТОРИЯ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

- ВЫП. 1. В.Е. Борейко, 1994. Аскания-Нова: тяжкие версты истории (1826 – 1993), Киев, 157 стр.
- ВЫП. 2. В.Е. Борейко, 1995, История заповедного дела в Украине, Киев, 183 стр.
- ВЫП. 3. В.Е. Борейко, 1995. “Царские охоты”: от Владимира Мономаха до Владимира Щербицкого, Киев, 48 стр.
- ВЫП. 4. В.Е. Борейко, 1995. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860 – 1960), том первый (А-М), Киев, 191 стр.
- ВЫП. 5. В.Е. Борейко, 1995. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860 - 1960), том второй (М-Я), Киев, 224 стр.
- ВЫП. 6. В.Е. Борейко, 1995. Белые пятна истории природоохраны, СССР, Россия, Украина, т. 1, Киев, 224 стр.
- ВЫП. 7. В.Е. Борейко, 1996. Белые пятна истории природоохраны, СССР, Россия, Украина, т. 2, Киев, 304 стр.
- ВЫП. 8. Из литературного наследия Андрея Петровича Семенова-Тян-Шанского (1866 – 1942). Проза. Стихотворения. Эпиграммы. Авторы-составители В. Берлин, В. Борейко. 1996 г.
- ВЫП. 9. В.Е. Борейко, 1996. Очерки о пионерах охраны природы. Т. 1. Киев. 207 стр.
- ВЫП. 10. В.Е. Борейко, 1996. Очерки о пионерах охраны природы. Т. 2. Киев. 144 стр.
- ВЫП. 11. В.Е. Борейко, 1997. История охраны природы Украины (X век – 1980 г.). Т. 2, (1941–1980), Киев, 192 стр.
- ВЫП. 12. В.Е. Борейко, 1997. История охраны природы Украины (X век – 1980 г.). Т. 1, (X век – 1941), Киев, 304 стр.
- ВЫП. 13. Н.В. Шарлемань, 1997. Природа и люди Киевской Руси, сост. В. Борейко, Киев, 166 стр.
- ВЫП. 14. Н.В. Морохин, 1997. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья, Киев, 224 стр.
- ВЫП. 15. Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Из отечественных классических работ, 1997, сост. В.Е. Борейко, Киев, 208 стр.
- ВЫП. 16. М.В. Поддубный, 1997. Санитарная охрана окружающей среды в

России и СССР в первой половине XX века, под редакц. В.Е. Борейко, Киев, 112 стр.

ВЫП. 17. В.Е. Борейко, 1998. Иллюстрированная история охраны природы: СССР, Россия, Украина, Киев, 200 стр.

Серия: ПРИРОДООХРАННАЯ ПРОПАГАНДА

В.Е. Борейко, 1990. Методические рекомендации по использованию программы природоохранной пропаганды и информации “Трибуна”, Киев, 26 стр.

ВЫП. 1. В.Е. Борейко, 1995. Без верби і калини нема України, Киев, 102 стр.

ВЫП. 2. В.Е. Борейко, 1996. Пути и методы природоохранной пропаганды, Киев, 208 стр.

ВЫП. 3. В.Е. Борейко, 1996, Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов, Киев, 224 стр.

ВЫП. 4. О.Г. Листопад, В.Е. Борейко, 1996. Нетрадиционные методы в экологическом воспитании и образовании, Киев, 127 стр.

ВЫП. 5. В.Е. Борейко, 1997. Столетие природоохранной пропаганды (библиографический указатель отечественной литературы (1882 г. – 1996 г.)), Киев, 80 стр.

ВЫП. 6. В.Е. Борейко, В.А. Бриних, А.Б. Климчук, 1997. К природе в гости (советы туристу, рыбаку, охотнику, Киев, 80 стр.

ВЫП. 7. В.Т. Скуратівський, 1998. На криласах храму. Екологічні уявлення українського народу, Київ, 120 стор.

ВЫП. 8. Ф.Р. Штильмарк (сост.), 1998. Поэтическая экология, Киев, 200 стр.

ВЫП. 9. В.Е. Борейко, 1998. Пути и методы природоохранной пропаганды, Киев, 280 стр. Издание второе, дополненное.

ВЫП. 10. В.Е. Борейко, 1998. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Издание второе, дополненное. Том 1. Киев, 220 с.

Серия: ОХРАНА ДИКОЙ ПРИРОДЫ

ВЫП. 1. В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко, 1996. Спутник юного защитника природы, Киев, 176 стр.

ВЫП. 2. В.Е. Борейко, 1996. Охрана вековых деревьев, Киев, 80 стр.

ВЫП. 3. В.М. Грищенко, В.Е. Борейко, О.Г. Листопад, 1996. Охороняйте лелек, Киев, 111 стр.

ВЫП. 4. В.Е. Борейко, В.І. Мельник, В.М. Грищенко, О.Г. Листопад, 1997. Гордість заповідної Київщини, Киев, 128 стр.

ВЫП. 5. В.Е. Борейко, 1997. Введение в природоохранную эстетику, Киев, 95 стр.

ВЫП. 6. А.И. Рыжиков, 1997. Теоретические основы проектирования заповедных систем и их развитие во времени, под редакц. В.Н. Грищенко, Киев, 104 стр.

ВЫП. 7. В.Е. Борейко, О.Г. Листопад, Р.Ф. Руденко, А.В. Подобайло, 1998.

Охрана местных природно-исторических святынь. Киев, 144 стр.

ВЫП. 8. В.Е. Борейко, 1998. Святилища дикой природы, Киев, 112 стр.

ВЫП. 9. В.А. Нечитайло, Н.М. Стеценко, В.Ф. Руденко, А.В. Подобайло, 1998.

Охрана и культивирование растений-символов Украины, Киев, 104 стр.

ВЫП. 10. Т.Н. Павлова, 1998. Биоэтика в высшей школе, Киев, 128 стр.

ТЕЗИСЫ КОНФЕРЕНЦИЙ И СЕМИНАРОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ КИЕВСКИМ ЭКОЛОГО-КУЛЬТУРНЫМ ЦЕНТРОМ

“Зеленые” и средства массовой информации: грани контакта. Материалы III школы-семинара по программе “Трибуна”, 1992, сост. В.Е. Борейко, Киев-Черновцы, 88 стр.

Неформальное экологическое образование детей. Материалы IV Международной школы-семинара по программе природоохранной пропаганды, “Трибуна”, 1994, сост. В.Е. Борейко, Просвещение, Киев – Нижний Новгород, 92 стр.

Экологическое образование на базе заповедных территорий. Материалы международной школы-семинара (“Трибуна-5”), 1995, сост. В.Е. Борейко, Киевский эколого-культурный центр, Киев – Черновцы, 160 стр.

Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара “Трибуна-6”, 1997, сост. В.Е. Борейко, Киев, 304 стр.

Матеріали III конференції молодих ортологів України, 1998, Чернівці, 184 стор.

Пути участия экологических НГО Украины в выполнении Пан-Европейской стратегии биологического и ландшафтного разнообразия. Тезисы тренинга-семинара. Киев, 28 – 29 сентября 1998 г., Киев, 68 стр.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні, № 1, березень 1997.

Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні, № 2, червень 1997.

Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні, № 3, вересень 1997.

Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні, № 4, грудень 1997.

Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні, № 5, 1998.

**Книги можно приобрести
в Киевском эколого-культурном центре**

КИЕВСКИЙ ЭКОЛОГО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

Создан в 1989 г., является неправительственной организацией.

- ❖ *Разрабатывает и осуществляет природоохранные проекты на территории Украины;*
- ❖ *Оказывает информационную, методическую и консультационную помощь природоохранным инициативам, организует семинары ("Трибуна") и др;*
- ❖ *Проектирует заповедные территории, имеющие природную и культурную ценность;*
- ❖ *Занимается природоохранной пропагандой и экологическим образованием, антимилитаристской работой;*
- ❖ *Исследует вопросы истории охраны природы Украины, России, СССР, разрабатывает проблемы экологической этики, эстетики, теологии и этнографии, проводит международный проект "Любовь к природе" (гуманитарная экологическая инициатива);*
- ❖ *Издает книги по охране природы, выпускает бюллетень "Охрана биоразнообразия и заповедное дело в Украине".*

Центр является филиал-партнером Центра охраны дикой природы СоЭС, взаимодействует с различными общественными и государственными природоохранными организациями Украины. Центр принимает пожертвования на выполнение своей природоохранной деятельности от частных лиц и организаций.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ:

Р/с 26007301901 в ГОУ ОПЕРУ Проминвестбанка
г. Киева, МФО 300012, ЗКПО 24363925.

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

Vladimir @ kekz.freenet.viaduk.net

ТЕЛ./ФАКС:

(8-044) 443-5262.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС: 2

52218, Украина, Киев, ул. Радужная, 31-48.